

Мария
Дорожанина

БЛЕФСК

чужих созвездий

ЧАСТЬ 2

Annotation

Таня — обычная девушка из Москвы, которая оказалась в далёком мире в лапах дракона. Одна, без друзей, знания языка и местных обычаев, она может положиться только на железную волю и мечту вернуться домой.

Удастся ли ей спастись из западни и вновь обнять отца?

Блеск чужих созвездий. Часть 2

Мария Доброхотова

Глава 1. Упрямство и свобода

Если бы Таня узнала, сколько общего у нее с Виталиной, она была бы глубоко возмущена. Молодая Амин представлялась ей взбалмошной и ядовитой, и у нее не было никакого шанса увидеть, что скрывается под гноящимися нарывами ее души. Но если бы они встретились в других условиях, где-нибудь на серебристых песках Онако или на курортах заснеженных Драконьих Пиков, возможно, они бы разговорились за бокалом горячего вина, и Виталина рассказала, как мучительно тесна ее шкура.

Так же как и Таня, Виталина рано потеряла мать. Так же отец оказался бездарным родителем, не способным достойно справиться даже со своей ролью, что уж говорить о роли матери. Но если Танин папа был обычным русским мужчиной, растерянным и убитым горем, который привык приходить уставший с работы на все готовое и оказался беспомощен перед беспощадно однообразным бытом, то Амин был хитер, изворотлив и безразличен. За благодушным образом пухлого дельца с ухоженной бородкой скрывался человек, который привык все окружавшее его считать собственностью: дом, свою должность, мебель, слуг, жену. Дочь. И когда он остался вдовцом, он был расстроен, как если бы потерял племенную кобылу, в которую вложил прорву средств. А до чувств дочери ему было дел столько же, сколько до чувств тверамобилия.

Две девушки, выросшие в атмосфере критического недостатка любви и неприятия, наверняка нашли бы, о чем поговорить. Но шанса такого им не выпало. Виталина выросла прехорошенькой, но язвительной и злобной, страстно завидовавшей всем подряд, ведь каждый, по ее глубокому убеждению, был счастливее ее. Неосознанной целью ее жизни стало соревнование со всем и вся, стремление стать лучшей во всем и обладать тем, что есть у других: вещи, деньги, власть, уважение. Словно черная дыра, она тащила к себе все, до чего могла дотянуться, и требовала все больше, не в силах получить главного. И даже драматическая участь жертвы, которая досталась чужеземке, вызывала в ней черную зависть, ведь с обещанием смерти приходило внимание и сочувствие окружавших ее людей. И даже дракона.

О, как он на нее смотрел! Виталина не понимала человеческих чувств, не различала их ни в себе, ни в других, но видела, что взгляд Мангона был особенный. В тот самый момент, когда измученный сражением Адриан посмотрел на перепуганную Татану и они обменялись понимающим взглядом, ей не хватило опыта чувств, чтобы увидеть в драконе и девушке сообщников, переживших опасное приключение, и алчность черными пальцами сжало сердце Виталины. Она страстно возжелала дракона себе, и единственным известным способом получить то, что хочется, было устранить соперницу.

В то время, как Таня готовилась принимать очередных больных, Виталина мило щебетала с одним из стражников.

— Мне не разрешено общаться с гостями, тэсса, — отвечал молодой парень, старательно глядя вперед. Юная богачка вилась вокруг него, словно удав, набрасывающий кольцо за кольцом на его шею.

— Я не буду обманывать тебя, — голос Виталины был густым и низким, — не буду говорить, что я влюбилась, как увидела тебя. Ты слишком умен и тут же раскусишь меня. Но я скучаю, — стражник встретился с ней взглядом и понял, что пропал. — Мне одиноко в этом страшном замке. Ты же понимаешь, что я чувствую?

— Да, — выдохнул он. — Мне тоже здесь не по себе.

— Но представь, что рядом есть кто-то, кто мог бы тебя утешить, — она вся подалась вперед. — Согреть. Занять твоё время. Было бы намного лучше?

— Конечно.

— Ах, как жаль, что здесь нет такого человека, молодого и крепкого, который составил бы мне компанию за бокалом вина вечером.

— Почему же нет? — немного неловко улыбнулся стражник, который решил не терять свой шанс. Он слышал сплетни о том, что богатые тэссы бывают охочи до общения с простыми сильными парнями, и был готов поверить в них. — Может быть, у одного такого мужчины нашлось бы время вечером...

— Это было бы великолепно! — в глазах Виталины вспыхнули огоньки. — Скажи, а у этого прекрасного мужчины есть приличная форма гарнизона? Кажется, та, что на нем, чересчур большая.

Стражник нахмурился и отвернулся. Действительно, одежда на нем была явно велика ему на несколько размеров и перешита кое-как руками, не привыкшими держать иголку. Вопрос явно смутил его, и он не собирался распространяться о своей одежде.

— Ох, я спросила какую-то глупость? — Виталина выглядела едва ли не несчастной. Она вцепилась в локоть мужчины. — Прости меня. Я не хотела! Я бываю такой глупой...

Стражник тут же обернулся, и на лице его было написано раскаяние. Эта благородная тэсса была так красива и мила, от нее пахло цветами, а идеальные локоны, равных которым он никогда не видел у девушек в своей деревни, упруго качались из стороны в сторону, когда она поворачивала головку. Поверить в её интерес было невозможно, но слишком заманчиво.

— Что ты, нет! Просто форма... Я потерял её. Точнее, я уверен, что её украли, а это позор для служителя гарнизона. Я чуть не вылетел из гарнизона, и мне пришлось всю ночь перешивать эту форму, которую до меня носил какой-то вонючий боров. И я боюсь, что такой девушке, как ты, будет неинтересно даже говорить с таким неудачником, как я.

— Что ты, ты не виноват, что тебя обокрали, — её слова лились, как сироп. — А что, если я скажу тебе, кто это сделал?

— Ты знаешь?

— О да, — Виталина не сдержала хищной улыбки. — Я скажу тебе. А потом мы вместе выпьем за справедливость. Но только если ты пойдешь к Мангону и потребуешь правосудия.

— Посмотри, Влад, твои крысы живы.

Действительно, три крысы, которые стража поймала специально для Владимира, чувствовали себя великолепно. Две были поглощены друг другом, вычесывали и выкусывали шерстку, перебирали лапками и почти неслышно пищали. Одна встала на задние лапы, передними схватила прутья решетки и умильно шевелила носиком. Таня отломил кусок хлеба от бутерброда и протянула крысе. Та схватила угощение и принялась быстро расправляться с ним. Две другие крыски тут же бросили ухаживания и тоже потребовали хлеба.

— Что ж, это третье испытание вакцины. Нужно переходить к следующей стадии, а для этого мне нужно в мою городскую лабораторию. Придется написать длинную работу, чтобы получить разрешение Медицинской Коллегии и приступить к изучению реакции человека на нее. Таня, ты сегодня в платье? — Владимир не сразу заметил, что на ней сегодня шерстяное платье медсестры, которое он когда-то предложил ей и которое с презрением было

отвергнуто. Таня смутилась.

— Да. Один человек сказал, что нужно пробовать, — она почувствовала, каким жаром залило щеки, лоб и даже губы. Но Владимир смотрел на нее внимательно и не думал смеяться.

— Послушай, ты не должна изменять себе, — вдруг сказал он. — Если тот, кто тебе нравится, требует, чтобы ты изменилась, ты ему не нравишься. Он влюбился в образ, который сам себе придумал, и попытается искромсать тебя под него.

— Нет, что ты, — Таня опешила от заботы, которую услышала в голосе Владимира, она не привыкла к проявлениям отеческих чувств. — Он просто предложил. Хотел помочь, наверное. И вовсе он не влюбился!

— Ну, если так, то попробуй. Платья и правда тебе идут, будет хорошо, если тебе понравится. Но главное — запомни! — Владимир нахмурился и даже поднял палец. — Ты прекрасна уже сейчас. Не изменяй себе ради других, они этого не оценят.

Таня вдруг разулыбалась, словно в детстве, когда отец смешил ее.

— Знаешь что? Ты сейчас невероятно мил, — и она обняла дядюшку Влада за шею, не в силах выразить благодарность. Тот похлопывал ее по спине, чувствуя то тепло, которое появляется от заботы о детях. Чужой в мире драконов, Владимир не мог найти женщину, которая приняла бы его чудачества, и не надеялся на детей, поэтому одинокая диковатая Таня стала настоящим подарком судьбы.

— Я не помешал?

Безразличный голос Мангона вмиг остудил теплоту, в которой купалась комната, когда Влад и Таня работали одни. Адриан стоял на пороге, высокий, элегантный, как обычно. Он задержал взгляд на Тане лишь на пару секунд дольше обычного, а потом снова вернул его врачу.

— Нет, что вы, — улыбнулся Влад, не давая поставить себя в неловкую ситуацию. — Вы на осмотр? Я надеюсь, что он будет последним, и я смогу сказать, что вы здоровы.

— Я пока отнесу лекарства больным, — вполне уважительная причина, чтобы избежать общества Мангона. Этой ночью случилось слишком много всего, чтобы выносить его хоть минуту. Поэтому Таня собрала приготовленные с утра препараты и покинула импровизированную лабораторию. Раду ее не сопровождала.

Замок лихорадило. На его холодных стенах выступала влага, воздух стал тяжелым и затхлым. В коридорах местами отошли дорогие шелковые обои. Открываясь, двери надсадно скрипели, их перекосило, и весь замок стонал половицами, петлями, пружинами. Передвигаясь по коридорам, Таня чувствовала себя маленькой клеткой в артериях исполина, и хотелось бы верить, что клеткой полезной. Но скорее всего, она разрушала Серого Кардинала так же, как дождь, ветер и крысы. Замок болел вместе с его обитателями, если такое вообще возможно, и его внутренности еле заметно дрожали в ожидании того, чему суждено произойти.

Тане нравилось в Сером Кардинале все меньше и меньше. Казалось, она должна была привыкнуть к его запутанным коридорам, узким лестницам, стылым комнатам, полным умирающей роскоши, но каждый день просыпалась с желанием сбежать отсюда куда-нибудь далеко, желательно в Москву. Повернув в коридор, ведущий к комнатам Мангона, Таня вспомнила последнюю их встречу в чайной. Но на этот раз она увидела другого человека. У больших дверей стоял Ястин и как будто пытался попасть внутрь.

— Мангона нет, — громко сказала Таня. — Он у Влада, — и она собралась идти дальше,

нужно было еще занести мазь двум служанкам, но Ястин ее остановил:

— Ты видела эти двери?

— Красивые, — пожалала плечами Таня.

— Подойди сюда, — махнул Ястин и мягко улыбнулся.

— Я не могу, я несу лекарства...

— Брось, всего на пять минут, — и он протянул руку, приглашая присоединиться к созерцанию барельефов.

Таня поставила поднос с мазями на столик и подошла, проигнорировав протянутую руку. Сегодня Ястин был на удивление бодр и свеж, учитывая, какие потрясения пережил замок ночью. На нем был удлиненный сюртук, который подчеркивал гибкость и стройность тела. Таня подумала, что наверняка ему не чужды физические нагрузки, просто так статную осанку не приобрести, и ей тут же захотелось узнать, где Илибурге найти приличный спортивный зал.

— Посмотри, — Ястин положил руку ей на спину, поддерживая и удерживая на месте одновременно. — Здесь вся наша история, от Первоначального огня до ритуала Мангона-старшего.

Дверь украшали объемные вырезанные фигурки драконов, которые сидели, извивались, летели и сражались. Сколько бы ни старалась, Таня не видела ни одного шва, ни одной склейки, и она серьезно подозревала, что двери и миниатюры на них вырезаны из цельных кусков дерева. Работа неизвестного мастера была такой масштабной и тонкой, что ухватить всю ее целиком не получалось, только блестели натертыми боками драконы и скалили миниатюрные зубы.

— Вот здесь из первородного огня рождается Великая Мать и принимает образ дракона. Тут рождение первых детей, Этнуса и Кору. А вот этот мелкий — это Бурунд, последыш, которого Мать родила последним и который всегда был больным, страшным и глупым. Это, — Ястин показал на ряд изображений драконов, тянувшийся через две двери, — подвиги старших детей. Смотри, как здорово сделал мастер: почти везде на заднем плане чуть виден силуэт Бурунда. Пока его брат и сестра совершали подвиги, он тоже рос, креп и наполнялся злобой, — его пальцы прошлись по нескольким сценам, и чтобы достать до них, приходилось вставать на носочки, настолько высокими были двери. — Вот здесь восстание Бурунда и его бой с Матерью. Она была ранена и умирала на Южном Острове, а старшие дети были далеко. Когда ей нужна стала помощь, она заползла в пещеру, вырвала кусок своей печени и слепила из нее дюжину людей. Так появились мы. Люди заботились о матери и буквально спасли ее жизнь, поэтому она так дорожит нами, — Ястин посмотрел на Таню и улыбнулся. Она понимала далеко не все, но улавливала общий смысл, а искусно вырезанные миниатюры помогали додумать то, чего она не расслышала. Сердце забилося чаще, будто среди десятков дракончиков прятались ответы на ее вопросы. — Люди здесь изображены, конечно, так себе. Но это говорит только об отношении к нам мастера. Или Эрона Мангона, что более вероятно.

— А ты видел его? Старого Мангона?

— Совсем мальчишкой. Он был невыносимым стариком, который в свои четыреста лет ненавидел мир и людей, но не хотел уходить на покой. Я помню, что мы, дети, так надоели ему, что он превратился в дракона, чтобы напугать нас, — Ястин уставился в стену, и перед глазами его мелькали события прошлого. — Мне казалось, что он заслонил все небо — настолько он был громадным. У него было что-то вроде серой бороды, болтавшейся на

нижней челюсти, и кожа висела чешуйчатыми складками. Он напоминал покрытый мхом пень, но пень огромный и опасный.

— Вот ты говоришь: Матерь любит человека. А я слышала легенду о дикости. И о том, что драконы несут девушек ей, чтобы спасти себя.

— А ты кое-что знаешь о наших легендах, — улыбнулся Ястин. — В мифах Норгоста есть что-то похожее?

— В чем? — переспросила Таня.

— Норгоста, — Ястин выразил вежливое удивление. — Ты же из Торнсунна, как говорил художник.

— Ах, да, — протянула Таня, отводя взгляд. — Вот ты про что. Но все же, почему надо умирать людям?

Ястин заметил, что она перевела тему, но ничего не сказал, просто посмотрел на нее внимательно и долго, а потом ответил:

— Здесь нужно понимать философию дичания драконов. Великая Матерь как бы уравнивает жизнь дракона, великого и могучего, и простого человека. Говорит, что они одинаково ценны. И просит человека отдать свою жизнь, чтобы подтвердить, что дракон ценен для людей.

— И что, ты бы отдал? — спросила Таня, складывая руки на груди.

— Ни за что! — рассмеялся Ястин. — Ты же видела драконов, кто в своем уме согласится что-то им жертвовать? Нет, я слишком дорожу своей шкурой, чтобы променять ее на драконью.

Таня подняла взгляд к натертым маслом, блестящим барельефам. В самом низу она увидела покрытого золотой краской дракона и хотела поинтересоваться, уж не старый ли Мангон так себя выделил, но в этот момент со стороны главного холла раздался голос Мангона.

Таня и Ястин вздрогнули, словно их могли застать за чем-то неприличным.

— Мне пора, — Таня схватила поднос и заторопилась к комнатам слуг, чтобы отдать им мази и не встречаться с Мангоном, но Ястин догнал ее в следующем же коридоре.

— Подожди, — зашептал он. Его губы растянулись в легкой улыбке. — Тут он нас не найдет, не волнуйся. У меня кое-что есть для тебя. Оленя ты, наверное, давно выбросила.

— Нет! — поспешила возмутиться Таня и сразу осеклась, настолько довольным выглядел Ястин. Он сунул руку в карман сюртука и вытащил оттуда еще одну фигурку, сложенную из плотной коричневой бумаги.

— Это тебе, — Ястин поставил на поднос с лекарствами бумажного жирафа. Фигурка ходить не могла, но если стукнуть ее по голове, то начинала кивать. Ястин ждал реакции Тани, и она поспешила восхититься:

— Это так здорово!

— Пусть он хранит твое спокойствие, Татана, — Ястин подмигнул, поклонился и ушел, оставив ее одну с бумажным жирафом на подносе.

— Да уж, спокойные деньки мне бы не помешали, — задумчиво проговорила Таня и убрала фигурку в карман фартука.

Долго избегать Мангона не получилось, хотя Таня очень старалась. Влад его “выписал”, и в их импровизированной лаборатории хозяин замка не появлялся. Есть Таня предпочитала в компании Влада или друзей, в залы первого этажа без нужды не ходила, опасаясь встретиться с Виталиной или Мангоном. Но однажды утром он прислал за ней сам.

Первой мыслью стало то, что время пришло, и Мангон сейчас объявит, что готов ее спалить в честь себя. Но когда Таня вошла в кабинет, уверенная, что ее вырвет от волнения, она увидела Адриана в компании стражника. На юном парне была смешная криво перешитая форма на два-три размера больше нужного. Хозяин кабинета сидел за столом, стражник стоял рядом.

— Добрый день, Татана, — начал Мангон, и та ему по привычке кивнула. — Уделишь нам пару минут? У меня появился важный вопрос.

— Что случилось?

— Скажи, как твои дела? Всего ли тебе хватает?

— Ну... Да, — неуверенно ответила Таня, не понимая, к чему ведет этот странный разговор.

— Ты сытно ешь? Тебе хватает воды и мыла?

— Как я ем? — переспросила Таня, испугавшись, что Мангон обвинит ее в обжорстве.

— Сытно. Достаточно. Нормально, — с непроницаемым лицом подсказал он.

— А-а-а. Да, нормально ем.

— А одежды тебе хватает?

— Непонятные вопросы! — не выдержала Таня. — Да, всё хватать.

Мангон замолчал, постучал пальцами по столу, а потом посмотрел прямо в лицо Тане:

— А вот этот стражник...

— Кору, — подсказал парень.

— Кору утверждает, что ты украла его форму.

У Тани закружилась голова. Когда она утащила вещи, лежавшие на лавке в сторожевой комнате, она и не думала, что ворует, хотя объективно это было так. А теперь, когда она смотрела на владельца ее удобной одежды, становилось стыдно и неудобно.

— Посмотрите, она вся покраснела! — воскликнул Кору.

— Напомни, я давал тебе слово? — ледяным тоном поинтересовался Мангон, и стражник вытянулся по струнке. — Понимаешь, Татана, люди, которых я нанимаю, должны соблюдать правила, — разговаривая, он лениво водил правой рукой в такт своим интонациям. — В том числе следить за одеждой. И если они не соблюдают их, то вылетают из замка. Кору едва не лишился работы, ему повезло только, что я был занят, а офицер его пожалел. Насколько я понимаю, произошло это из-за тебя.

— Я не хотела! Я не думала... не знала, — как часто бывало в момент волнений, драконий язык мигом выветрился у нее из головы.

— Ты собиралась бежать? — спокойно спросил Мангон, но от его тона все похолодело внутри.

— Нет! — выдохнула Таня. — Я хотела бегать. Не из замка, а просто. Туда и обратно.

Кору резко набрал воздуха, но усилием воли промолчал: слова ему так и не давали.

— Бегать? — переспросил Мангон, и на его обычно безразличном лице мелькнула тень интереса. — Зачем бы тебе бегать в форме стражника?

— Это удобно, — она насупилась, совсем как в детстве, когда отчитывалась за шалость перед уставшим отцом. — Я не могу бегать в юбках или дорогие штаны. И сидеть в комнате не могу тоже. Я устала быть за замком.

— Кору? — бросил Мангон, кивком головы сообщая, что хочет знать мнение стражника.

— Это ложь! — выпалил тот с таким жаром, что Таня удивилась, а потом спохватился и

добавил: — С вашего позволения, дэстор. Ложь. Не может девушка бегать, это абсурд. Я не знаю, зачем она украла мою форму, возможно, чтобы подставить меня, но ее оправдание неправдоподобно.

— Зачем я бы делала тебе плохо? — спросила Таня.

— Не знаю. Девушки могут мстить, когда не уделяешь им внимания, — пожал плечами Кору, впрочем он выглядел не очень уверенно, особенно когда Таня откровенно рассмеялась, закинув голову. Этот Кору был даже мил в своей непосредственности, ей уже приходилось встречаться с такими молодыми людьми, у которых были какие-то совершенно экзотические представления о поведении мужчин и женщин. Даже Мангон опустил голову, пряча усмешку. Неужели Тень прав, и этот кусок льда способен на какие-то эмоции?

— У меня нет времени в этом разбираться, — наконец заявил он, потирая лоб. У Тани в который раз появилось ощущение, что вокруг что-то происходит, движется, свершается история, а она не способна увидеть эти изменения и потому абсолютно беззащитна перед ними. — Кору, я прикажу заказать тебе новую форму, этот позор уничтожь. Но твои дежурства остаются в силе, одежду ты таки потерял.

— Но дэстор!

— Ты хочешь со мной поспорить? — Мангон косо на него посмотрел, и жгучее желание спорить у стражника сразу пропало. — Татана, я снова вынужден ограничить твои передвижения, и не присылай ко мне больше Влада, Ястина или кого ты там подговоришь в следующий раз. Я не могу рисковать и однажды обнаружить, что ты сбежала. Я полагаю, что из моего замка уйти незамеченной сложно, но если уж моя стража за штанами уследить не может... — он сделал многозначительную паузу, и Кору сжал челюсти так, что заскрипели зубы.

— Дэстор, нет! — теперь пришло время Тани спорить. Она бросилась к столу, по обратную сторону которого стоял Мангон, и оперлась на него руками, наклоняясь вперед. — Я сделала плохо, это было не умное дело. Но я просто хотела бегать. Чтобы не болеет тело.

— Не болело, — машинально повторил Мангон, и Таня на мгновение запнулась, настолько интонация показалась знакомой. Ее слишком часто поправляли друзья, и она уже привыкла, что это их прерогатива, а не кровожадного дракона, и он как будто не имел права ничего комментировать.

— Не болело, — согласилась она. — Моей жизни осталось мало, и вы не можете закрывать меня!

— А еще я не могу позволить, чтобы в моем замке воровали, а потом нагло ввалили мне в лицо, — Мангон подался навстречу, чеканя каждое слово. Так они и замерли напротив друг друга, хмуро глядя глаза в глаза, не желая отступать.

— А Тень говорил, что у вы имеете сердце! — горько усмехнулась она.

— Тень? Я бы на твоём месте не доверял людям, о которых ты ничего не знаешь, — холодно ответил Адриан.

— Хорошо. Я могу доказать, — сказала Таня. — Что я занимаюсь для тела.

— Да ты даже из туннеля не выберешься! — горячо воскликнул Кору и тут же поправился под суровым взглядом Мангона: — Вы. Не выберетесь.

— Из какого туннеля? — тут же встрепенулась Таня.

— Я имел в виду, если бы вы занимались физическими нагрузками, вы бы с лёгкостью прошли нашу полосу препятствий, а вы даже туннель не осилите, — уже не так уверенно пояснил Кору. Мангон почувствовал, что произойдет дальше, и ничуть не удивился, когда

Таня воскликнула:

— Я пройду... Я не очень поняла, что, но похоже соревнование?

— Да, полоса препятствий для солдат, — устало проговорил Адриан.

— Очень сложная! Девчонке даже не стоит пытаться, — Кору попытался исправить ситуацию, но было уже поздно.

— Я пройду это соревнование. Буду лучше него, и вы обещаете не закрывать меня. Никогда.

Мангон откинулся в кресле и снова потер лоб, словно у него болела голова. Он выглядел усталым, и впервые под драконьей внешностью, которая тянула от силы на тридцать-тридцать пять человеческих лет, проступили следы долгих прожитых лет и власти, которой он был обременен. Мангон все еще не был старым, только бесконечно измотанным. Вот только сочувствия Таня все равно не могла в себе отыскать.

— У меня нет времени этим заниматься, — он посмотрел на них, будто на детей, поссорившихся из-за игрушки. — И желания, если честно.

— Судить может капитан Габор, — предложил Кору. — И он доложит обо всем вам. А мы примем любое ваше решение.

“Подлиза”, — подумала Таня, с подозрением наблюдая за стражником.

— Ну, пусть будет так. Завтра Татана пройдет полосу препятствий, и если ей удастся обогнать Кору, то она получит и одежду, и свободу, а ты, Кору, отправишься обратно домой, — услышав эти слова, Кору побледнел. — Ты обещал принять любое мое решение. Но если ты победишь Татану, она вернет одежду, если она тебе еще нужна, и будет сидеть под замком до самого... самого конца. И никакая болезнь тебя больше не вытащит. Поняла?

В первый момент Таня подумала, что на карту оказалось поставлено слишком много. А потом она вспомнила, что Мангон отмерил ей месяц, по истечению которого он намерен убить ее ради собственного величия. Даже если она проиграет стражнику, который наверняка регулярно участвует в подобных соревнованиях, потеряет она не так много. Вопрос о жизни даже не стоит.

— Поняла. Только я прошу неделю, чтобы подготовиться. Я должна знать место.

— Я не могу этого позволить. Тренировочное поле за границами замка, и я не могу позволить тебе ходить туда.

— Да что со мной случится? — возмущилась Таня, но тут же стушевалась: Мангон подался вперед, сложил руки на столе и посмотрел на нее. Весь его вид говорил: “С тобой может произойти ВСЁ, что угодно”. — Но это не правильно!

— Ты сама предложила этот вариант. Могу приказать сразу тебя запереть, чтобы ты не устраивала мне больше неприятностей.

— Ну уж нет! — горячо воскликнула Таня. — Я так просто не бросаю дела. Посмотрим, кто победит.

Раздался стук в дверь. Мангон разрешил войти, и в кабинете появилась Раду. С трудом открыв дверь и удерживая ее задом, чтобы она не закрылась, экономка протиснулась в комнату вместе со столиком на колесах. На нем под медной крышкой прятался обед, источавший густой аппетитный аромат.

— Чудесно, — процедил сквозь зубы Мангон. — Уже обед. Я ничего не успеваю.

— Значит, завтра... — начал было Кору, но Адриан вскинул голову и устало посмотрел на него.

— Идите уже из моего кабинета!

Таня и Кору, недружелюбно переглянувшись, поспешили убраться подальше от гнева Мангона. Уже из коридора они слышали, как тот выговаривает Раду, и каждый про себя порадовался, что теперь он в относительной безопасности. И только потом они спохватились, что остались наедине. Повисло неловкое молчание.

— Тебе никогда не победить, — заявил Кору, скорее чтобы хоть что-то сказать, нежели из желания уязвить эту странную чужеземку.

— Слушай, что я тебе сделала? — спросила Таня. — Почему ты так злишься?

— Ты обокрала меня! Я чуть не потерял хорошую службу.

“А еще, если я выйду победителем, меня ждет благодарность Виталины Амин. И это больше всего, о чем я мог мечтать”. Вслух он этого, конечно, не сказал, просто повернулся на каблуках и нарочито громко зашагал прочь из замка.

— Это называется полоса препятствий, — рассказывал Сен-Жан, поедая коврижки прямо на кровати Татаны. Он никогда не дерзал представить, что будет сидеть в спальне симпатичной девушки, которая не являлась бы его женой и не собиралась таковой становиться, на огромной кровати так, будто в этом нет ничего зазорного. Ему потребовалось время, чтобы принять тот факт, что он не оскорбляет своим вторжением в святая святых Таню, но Жослен был достаточно экстравагантным, как любой молодой творческий человек, поэтому быстро подстроился под новые условия.

— Северянка, ты уверена, что справишься? — голос Росси был полон сочувствия, звучал мягко и нежно. Ей было сложнее смириться с правилами, которые устанавливала Таня, и она иногда бросала встревоженные взгляды на удобно расположившегося на кровати Жослена. В ее представлении это означало его желание оказаться с Таней под одеялом, на что та закономерно возмущалась: “Я? С Жосленом? Ты что, с ума ушла?”

— Нет, не уверена, — покачала головой Таня. Она ломала коврижку, крошки сыпались на тарелку, но проглотить хоть кусочек казалось невозможным. — Но я не имею другого выбора: Мангон запрет меня.

— А я восхищаюсь Северянкой, — с набитым ртом проговорил Жослен. — Она украла эту форму втайне ото всех, и даже мы не знали, что она бегаёт. Кстати, зачем ты это делаешь?

— Чтобы быть сильной, — закатила глаза Таня. — Как иначе девушке делать живот и ноги маленькими?

— Ничего не есть? — предположила Росси и внимательно посмотрела на кусок коврижки, который держала в руках. Таня только фыркнула:

— Так ты делаешь плохое здоровье.

— Северянка права. И хоть эти богатые дамочки легкие и полупрозрачные, истинные музы художника, нет ничего лучше крепкого бедра простой румяной девчонки!

— Жослен! — воскликнула Росси. Впрочем, Сен-Жан тоже устыдился своей откровенности и добровольно изгнал себя в кабинет в одиночестве расправляться с перекусом.

— Он милый, — улыбнулась Таня. Чудачества Жослена отвлекали ее от тяжелых мыслей.

— Он грубый и бесстыдный! — сердито возразила Росси.

— И милый, — добавила Таня.

У нее никогда не было подруг и сердечных разговоров. Она внезапно обнаружила новую

сторону отношений, очень эмоциональную, трепетную, ту, которую было невозможно получить в грубоватой дружбе с мальчишками. Таня всегда отвергала женскую дружбу, считая ее глупой и непостоянной, но оказалось, что подобные отношения только раскрывают и дополняют ее личность, но никак не портят жизнь. Благодарная за свои открытия, она погладила подругу по руке, и Росси, переживавшая в тот момент целый вихрь эмоций от любви к своей Северянке до гнева на своенравного Жослена, улыбнулась криво и немного нервно. Славная, милая Росси.

Однако она ничем не могла помочь Тани в сложившейся ситуации, кроме добрых слов. В отличие от Тени. И он явился, едва стрелка переползла за десять часов. В последние несколько дней Тень просил много заниматься русским языком, и Таня догадалась, что он знает, как недолго ей осталось сидеть в мангоновском замке, поэтому вечера они проводили голова к голове, исписывая бесчисленные страницы кириллицей. Но в тот день у Тани были свои вопросы.

— Добрый вечер, — Тень театрально поклонился. — Наслышан о твоих подвигах, и не смог удержаться, чтобы не узнать все из первых уст. Ты планируешь разрушить замок до основания или остановишься на паре башен?

Таня подозрительно обернулась на дверь, ведущую в спальню Росси. Увидев в спальне Северянки незнакомца, она могла и не спать, надеясь услышать что-нибудь интересное.

— Пошли в кабинет, — предложила Таня.

— О, ты меня прячешь от служанки. Как волнующе, — в его хриплом голосе слышалась улыбка.

— Она не служанка. Она друг, — довольно резко ответила Таня, пропуская Тень в кабинет и запирая за собой дверь. Пока она возилась с замком, гость по-хозяйски зажег лампы, не все, два настенных светильника, и в комнате все еще царил полумрак.

— Итак, я заинтригован. Не расскажешь, что ты задумала?

— Все вышло случайно, — простионала Таня. — А теперь моя вина, что умер Айвенгу. Это дракон, который жил в подвале. И я не знаю, как с этим жить.

— Наверняка это не первое твое случайное убийство. Возможно, ты как-то поймала экипаж на улице, который не достался тяжело больному человеку, тот не доехал до лекаря и умер в мучениях, — Тень присел на краешек стола и сложил руки на груди.

— Ты плохо умеешь поддержать, — буркнула Таня. — И это другое. Я почти толкнула Айвенгу к смерти. Я ужасная, — она спрятала лицо в ладонях. — Мангон рассказал, что хотел его спасти. Конечно, он думает только о себе и хочет спасти себя, но, может, и сделал что-нибудь для Айвенгу.

— Ты считаешь Мангона чудовищем? — внезапно спросил Тень.

— Он дракон, — развела руками Таня, как будто после этого должно быть все очевидно.

— Но он пока остается человеческим. И у него много времени, прежде чем он познает мир настолько, что потеряет к нему всякий интерес.

Когда Тень объяснил те понятия, что были незнакомы Тани, она спросила:

— Как стар Мангон? Почти девяносто лет? Он же должен быть очень умным и усталым, как старик.

— Ну, человек в пятнадцать лет не ведет себя, как старая уставшая собака, а в пятнадцать лет они именно такие, — ответил Тень. — Люди взрослеют и учатся дольше, чем любое другое существо. Первые три года они вообще беззащитны, первые десять лет пытаются всеми способами себя убить, ввязываясь в неприятности, а некоторые продолжают

этим заниматься, пока не добьются успеха, — он хмыкнул, намекая на приключения Тани. — Так же и драконы. Их юность длится до пятидесяти лет, до восьмидесяти дракона можно называть молодым, а зрелым считать до двухсот. Так что Мангон только недавно вступил в пору зрелости. Конечно, он видел и знает намного больше, чем ты, но многое его просто не интересовало в силу молодости и глупости, многому он не придавал значения. И хотя он уже правит Илирией, ему еще учиться и учиться.

— То есть Мангон — король? — спросила Таня после паузы на объяснения.

— Не совсем. Драгоном правит Верховный Совет, состоящий из нескольких драконов. Сейчас их номинально пять, но активно участвуют в жизни страны двое из них, причем Мангон тянет на себе большую часть дел. Он занимает позицию кардинала, по сути верховного жреца Великой Матери, но его друг, Кейбл, слишком увлечен войнами на юге и забросил все прочие дела. Помогает человеческий Сенат, да старая Аррон иногда дает мудрый совет. Ей давно пора на покой, но замены ей все еще нет.

— Айвенгу...

— Да. Ему не повезло, он так и не смог получить свою человечность, — Тень некоторое время молчал, опустив голову. — Поверь, Мангон не зверь. У драконов есть сердце и чувства, им тоже ведомы и любовь, и боль. В конце концов, он дал тебе сегодня шанс.

— Почему ты защищаешь его?

— Я за справедливость, — ответил Тень.

— Справедливости нет, — парировала Таня. — Совсем хороших вещей в мире не бывает.

— Я помогу тебе сформулировать: абсолютной справедливости не бывает, то, что справедливо для одного существа, может быть злом для другого. Ты это хотела сказать? И я соглашусь с тобой, моя Северянка, но мы должны стремиться к лучшему и быть справедливым там, где это возможно.

— А Мангон справедлив? — вскинув голову, спросила она. В ее тоне явно слышались вызов и горечь.

— Я знаю, что ты скажешь, — вздохнул Тень, — справедливо ли тебе, молодой и красивой девушке, погибать ради его жизни? Нет, не справедливо, и ты это знаешь.

— А я не хочу справедливости. Я хочу... Когда тебе делают добро, хотя ты не очень хороший. Прощают ошибки и дают жить.

— Милосердие, — глухо отозвался Тень, как если бы это слово далось ему с трудом.

— Милосердие, — Таня попробовала слово на вкус, прокатила его по языку. — Я хочу милосердия, Тень, не справедливости. А ты?

— А я не заслуживаю его.

— Так заслуживай. Спаси меня! — вдруг воскликнула она. — Ты Тень, ты есть везде и знаешь все в замке. Ты можешь выйти со мной. Ты говоришь, что даже готов показать Илибург.

Тень покачал головой.

— Я не могу. Больше нет, — еле слышно прохрипел он. — Я бы хотел, но это невозможно.

Таня прерывисто вздохнула и откинулась на спинку дивана. Потерла лицо ладонями, прогоняя призрак разочарования.

— Не забирай в голову, — нарочито бодро сказала она. — Я почти согласна умереть. Нет сил больше.

— Но я могу тебе помочь с полосой препятствий, — мягко продолжил Тень. — Я все еще не могу вывести тебя из замка, но я расскажу, что завтра тебя ждет, и ты будешь готова.

— Это лучше, чем ничего, — согласилась Таня.

Тень открыл ящик стола и нашел в нем бумагу. Сверху лежали наброски Жослена, который зарисовывал Таню и Росси, когда они разговаривали, веселились или просто отдыхали. Там же лежали упражнения по драконьей каллиграфии, пояснительные рисунки и записи новых слов. Один из портретов Тень аккуратно сложил и убрал во внутренний карман, не утруждая себя тем, чтобы спросить разрешения. Потом взял чистую бумагу, автоматическое перо и принялся что-то чертить. Таня подошла и заглянула ему через плечо. Близость Тени всколыхнула непривычные чувства, которые все не удавалось осознать и толком обдумать, хотелось прикоснуться к плечу, обтянутому плотным рукавом, и почувствовать тепло его кожи. Таня почти готова была поднять руку, когда Тень заговорил.

— Смотри, — он заставил обратить внимание на бумагу. — Начинается полоса препятствий с тоннеля, здесь нужно ползти по-пластунски, — Тень подвигал локтями, демонстрируя незнакомые понятия. — Потом горка, она из железной сетки с большими ячейками. Они довольно удобные, трудностей быть не должно. Дальше лабиринт, за ним барьер, — он нарисовал стенку и стрелочку через нее. — Затем нужно пройти препятствия, пригибаясь и перепрыгивая, вверх-вниз. Горизонтальная стена с выступами, когда через нее переберешься, останется пройти по бревну и преодолеть яму с грязью. Понятно?

— Я там умру, — пробормотала Таня, рассматривая схему. — И Мангон останется с ничем.

— Ты сможешь пройти эту полосу? — серьезно спросил Тень, пытаясь заглянуть ей в глаза. Она подумала, что маска в тот день была натянута еще выше, чем обычно, но во взгляде читалось искреннее беспокойство.

— Так, давай смотреть. Это, — она ткнула в тоннель, — ненавижу. Сложно, но могу. Эти горки и бревно для меня легко, я занималась похожими вещами. Вверх-вниз — сложно, грязь — сложно. Но не невозможно.

— Не выкладывайся полностью в начале, полоса длинная и сложная. Рассчитай силы, береги их. Не обращай внимания на Кору, он препятствия знает и наверняка вырвется вперед. Простой ставь одну ногу перед другой и двигайся вперед.

Таня некоторое время беззвучно шевелила губами, запоминая маршрут. В голове появлялись идеи, как лучше проходить то или иное препятствие, и хоть ей не помешала бы помощь профессионального инструктора, ее собственные навыки оказались не бесполезны.

— Татана, ты уверена, что сможешь справиться?

— Ты волнуешься, Тень? — неожиданно для себя улыбнулась Таня. — Если ты сожмешь руки за меня, я все смогу.

— Кулаки, Татана, — он продемонстрировал сжатые руки в перчатках.

— Кулаки, — повторила она. — Полезное слово.

Ей полагалось бы думать о предстоящем соревновании, но мысли упорно вертелись вокруг Тени. Переживания, который он вызывал своим появлением, заставляли отступить одиночество, усталость и даже страх перед будущим. Таня чувствовала себя необычайно живой, будто ей в жилы влили чистую энергию, и она не могла заснуть, улыбаясь. Слово “влюбленность” не звучало даже в мыслях, будто ей нельзя было влюбляться, будто в отношении Тани это было бы смешно и глупо. Ну как она, свой парень, могла в кого-то влюбиться? И неужели она сама могла хоть кому-то понравиться? Это решительно не про

нее. Однако какова вероятность встретить в чужом мире человека, рядом с которым будет настолько волнительно и вместе с тем спокойно? Когда Тень мягко приземлялся на балкон и заходил в комнату, он вытеснял собой тревогу и страхи. Они жались за дверью, выжидая своего часа, но пока он был с Таней, она могла дышать полной грудью.

Испытание было назначено на восемь утра, что примерно было равно десяти земным часам. Таня решила выспаться и поднялась только в половине седьмого. В первый раз она заказала конкретный завтрак, сытный, но легкий, чтобы оставаться быстрой, но при этом не оказаться голодной к восьми часам. В желудке холодной змеей ворочалось волнение, но Таня старательно игнорировала его, оставаясь предельно собранной.

— Я никогда не видела тебя такой, — призналась Росси, с удивлением наблюдая за Северянкой.

Таня надела форму стражника. В ней было удобно, и кроме того это служило своего рода вызовом, символом ее свободы, которую она не согласна отдавать просто так. Росси быстро и ловко подшила рубашку, чтобы она не мешала, и убрала немного объема в поясе так, чтобы не пришлось перетягивать талию ремнем. Отросшие волосы Тани она заплела в косички и закрепила на голове, чтобы не лезли в глаза.

— Ты словно воительница из северных легенд, — выдохнула Росси, крайне довольная боевым настроением подруги.

— Воительницы из легенд тоже готовы были умереть от страха? — спросила Таня, и голос ее чуть дрогнул.

— Уверена, что так и было, — серьезно кивнула ее компаньонка.

На тренировочное поле Таня шла в личном сопровождении капитана Габора. Опытный воин был серьезен, за сохранность гостыи Мангона он отвечал головой, но другие стражники, которые шли вместе с ним, явно веселились.

— А представьте, обойдет-таки Кору? — хохотнул один.

— Не приведи Матерь. Я ж остатки жалования положил, что она проиграет, — ответил другой. — Если выиграю, куплю мандолину.

— А коль проиграешь, будешь воду с гренками до конца месяца жрать, — добавил парень с коротко стриженными рыжими волосами. Стражники рассмеялись, и даже Таня не удержалась от улыбки.

— Чего зубы скалишь?! — огрызнулся первый, и ей сразу стало не до смеха.

— Ну чего к тэссе пристал? — оборвал его рыжий. Он явно не рисковал грубить гостю хозяина.

— А чего она лезет, куда не просят? Пусть вышивает, книжки читает, танцует там, чем там еще благородные занимаются.

— Просто заткнись, ладно? — попросил его рыжий, и они шли до места тренировок в молчании.

Караульные опустили ворота, позволив процессии покинуть замок. Таня вертела головой, запоминая расположение стражи и выходов. У ворот стояло шестеро человек, дверь открывали двое из них. Имелась и небольшая дверь, чтобы можно было просто выйти за стены замка, обитая медью, и на первый взгляд в ней не было ни ручки, ни замочной скважины. Вполне вероятно, что открывалась она скрытым механизмом, так же, как и дверь в башню. Таня ощутила укол разочарования: она наивно надеялась, что сможет заметить лазейку, но слишком мало знала о замках и их обустройстве, чтобы у нее был хоть какой-то

шанс. В сопровождении стражников она прошла по мосту. Под ним замерла ровная гладь воды во рве, зеленая, дурно пахнущая, и тускло блестела масляной пленкой.

Сквозь небольшой парк за мостом пролегла ухоженная подъездная дорога — явный признак того, что замок служил скорее вычурной резиденцией, нежели укреплением. Стражники свернули налево, где на большой поляне была оборудована тренировочная площадка для личной стражи Мангона. Она была обнесена невысокой деревянной стеной с крепкими воротами и помимо самой полосы препятствий тут располагался загон для выгула лошадей, стрельбище и площадка для фехтования. Небольшие подмости, напоминавшие трибуны, у ближнего и дальнего края тренировочного поля не пустовали. Сюда пришла стража, не занятая в карауле, слуги и друзья Тани. Вдалеке она разглядела даже пышное платье Виталины, которая шла с кем-то под руку, скорее всего, Ястином. Вот так, сама того не желая, Таня организовала бесплатное развлечение для жителей и гостей замка, которые презрели даже правила безопасности во время новой болезни.

У тоннеля в начале полосы препятствий стоял Кору. На нем была легкая одежда, которая приходилась ему как раз впору, то ли одолжил у кого-то из сослуживцев, то ли получил от самого Мангона. Это было не важно. Таню подвели к нему.

— Начинаем ровно в десять, — сказал Габор. У него было суровое, но простое лицо, он постоянно сжимал губы в неодобрительную полосу под пышными усами. — Забег по выстрелу пистолета, начинаете вот от колышка, обойдете тоннель и бежите сразу к горке. Если прыгаете или падаете со снаряда, проходите его заново. Нельзя обойти горку или начать с середины уступов, понятно? Я вас буду ждать на дальнем помосте.

— А почему без тоннелей? — спросил Кору. Он рассчитывал на первое препятствие, сложное, неприятное, наверняка не по плечу изнеженной девушке. Это был отличный шанс вырваться вперед.

— А пока она будет локтями грязь месить, ты будешь в очереди стоять? — в голосе капитана слышалось раздражение. — Как мне все это не нравится! Блажь и позорище, тьфу! — он сплюнул в сторону и не оборачиваясь потопал к дальней трибуне.

— Капитан Габор, ну что вы опять, — крикнул ему вдогонку Кору, потом безнадежно махнул рукой и наконец посмотрел на Таню. — На тебе моя одежда.

— Мне она лучше, — усмехнулась та, поправляя рубашку. Тело следовало хорошенько разогреть перед таким непростым испытанием, поэтому Таня начала разминку. Если бы кому-нибудь пришло в голову ее сейчас спросить, она бы призналась, что в реальности полоса препятствий Серого Кардинала выглядела страшной. И довольно трудной. Трава на поле пожухла, а осенние дожди превратили землю в грязь. Солнце напоминало размытое пятно, тускло светившее сквозь пелену серых облаков. На расстоянии друг от друга торчали различные снаряды: горки, барьеры, лабиринт, а где-то за ними поджидала яма с грязью. И на что она подписалась?

— Тебе не победить, — решил напомнить Кору. — Я мужчина, а ты женщина.

— Вот это открытие, — ответила Таня, растягивая заднюю поверхность плеч.

— Я сильный и тренированный, меня специально обучали справляться с тяжелыми физическими нагрузками.

— А болтать тоже специально учили? — огрызнулась она, потому что самодовольный бубнеж стражника над ухом раздражал и, если быть честной, деморализовал. Кору замолчал и демонстративно приступил к интенсивной разминке. Спустя несколько минут к нему подошел другой стражник с пистолетом в руке и хлопнул его по плечу.

— Сейчас начинаем, — сказал он и кивнул Тане, показывая, что пора подготовиться. Та кивнула в ответ, почувствовав, как накрывает волнение. Чтобы справиться с ним, она принялась прыгать на месте и хлопать в ладоши, заставляя тело работать, разгоняя адреналин. Кору встал рядом с ней, уверенный в своей победе так же точно, как и в том, что с утра встанет солнце. Стражник дошел до середины полосы препятствий, он особо не торопился, поднял пистолет вверх и нажал на спусковой крючок.

Выстрел грохнул в утренней безмятежности и эхом разлетелся по окрестностям.

Кору рванулся первый, Таня отстала буквально на секунду. До горки они добежали почти вровень, перебраться через нее тоже не было сложно, только пальцы занули от холода металла. Спрыгнув вслед за Кору, она бросилась к лабиринту, но он успел первым. Видя, как ловко стражник бросает тело то влево, то вправо, совершая минимум лишних движений, Таня думала, что будет легко, но лабиринт оказался коварен. Она никогда не имела с ним дело, и ей было сложно каждые несколько секунд менять направление движения, теряя скорость, натываясь на преграды. Влажная грязь скользила под сапогами. Поэтому Кору под далекие возгласы немногочисленных болельщиков первым подбежал к барьеру, оттолкнулся от ступеньки и взлетел на стену.

Таня старалась не смотреть по сторонам. Только земля впереди и препятствия. Все внимание она сосредоточила на теле и его реакциях, отметила, что морозный воздух начинает жечь легкие. Терпимо, но неприятно. Телу было жарко, но мышцы не сводило, что радовало. На большой скорости она взлетела на ступеньку, схватилась за барьер и повисла на нем: силы толчка не хватило, чтобы сразу закинуть ногу. Проклятье. Пришлось терять драгоценное время, подтягиваясь на руках, упираясь коленями. Мышцы рук, так долго обходившиеся без тренировок, болезненно напряглись, но Таня удалось перевалиться за барьер и немного неловко спрыгнуть на землю позади него. Ноги протестующе загудели.

“Проклятье, — снова подумала Таня, позволив себе пару секунд передышки, уперевшись руками в колени. — Это все мне не по силам”.

А затем она снова бросилась догонять Кору, который уже преодолевал очередное препятствие, то пробираясь под балкой, то перепрыгивая через нее. Таня потом вспоминала этот момент как самый сложный во всем забеге. Ноги вмиг окаменели, когда им пришлось то опускать тело, то резко выбрасывать его вверх. Боясь упасть, Таня проходила препятствие медленно и безнадежно отстала: Кору уже добежал до стенки с уступами. По спине и лицу тек пот, и трудно было поверить, что на улице холод, а люди на трибунах зябко кутаются в теплую одежду. У Тани горели мышцы, горели легкие, между лопаток тек пот. И все-таки она оставила проклятые барьеры позади, с удивлением обнаружив, что Кору все еще висит на альпинистской стенке. Подбежав к нему, она некоторое время наблюдала, как он застрял на середине, не зная, куда поставить ногу: один из уступов оказался сломан и валялся в грязи.

— Пропусти меня! — крикнула Таня, чувствуя, как мороз пробирается к ее мокрой спине.

— Попроси Бурунда, — прохрипел Кору, давая понять, что сдаваться не собирается. Если он спрыгнет, ему придется начинаться сначала.

— Раздави меня карбюратор, — проворчала Таня и решила рискнуть. Она хотела забраться на самый верх и обойти Кору, ведь ничего о таком запрете сказано не было. Ей повезло: альпинистские стенки были ее любимым снаряжением, она буквально отдыхала на них. Правда, в московских клубах был инструктор и страховка, а здесь, на этом морозном поле

посреди Богом забытого мира отшибешь все почки, если свалишься сверху, но все равно Таня наконец-то оказалась в своей стихии. Она быстро догнала Кору, а потом принялась взбираться выше, чтобы опередить стражника. Кору так и висел посередине стенки и ему не хватало растяжки, ни чтобы устойчиво поставить ногу на следующую поддержку, ни чтобы залезть выше.

— Эй! — натужно закричал он. В отчаянном порыве он оттолкнулся, подпрыгнул вверх и схватился за каблук девичьих сапог, но пальцы проскользили по налипшей грязи и, потеряв равновесие, Кору рухнул со стены.

Таня даже поморщилась, представив, как ему сейчас больно.

— Кору! Ты нормально?

Стражник не ответил. Он стонал, поворачиваясь из стороны в сторону, проверяя, все ли кости целы. потом принялся подниматься.

— Ну же, не стой! — закричал кто-то. Держась за уступ, Таня оглянулась. Это был тот стражник с пистолетом в руке, который начинал соревнование. На его лице застыли возбуждение и интерес. Таня понадеялась, что он не поставил на нее денег. Но незнакомый стражник прав: Кору справится, он ее не жалел, зато подарил прекрасную фору. И она продолжила свой путь по стенке, с легкостью преодолев то место, которое так и не далось ее сопернику.

Спрыгнув на землю, она позволила себе поднять голову. От зрителей ее отделяло большое бревно на двух опорах, поднятое над землей на полметра, и яма с коричневой, словно шоколад, грязью. На трибуне стояли стражники, Виталина жалась к Ястину и что-то ему говорила, Росси стояла, как вкопанная, наверняка вне себя от волнения, а Жослен махал шарфом и выкрикивал подбадривающие лозунги, и беспорядочные кудряшки на его голове качались из стороны в сторону.

А рядом с Жосленом стоял он. Мангон. Таня так и обмерла, когда увидела высокую фигуру с заложенными за спину руками. На нем было пальто с высоким воротом, и казалось, что неизвестный художник небрежно нарисовал треугольник и приделал к нему сверху голову, настолько прямым и статным выглядел Мангон. Он смотрел прямо на Таню, но что было написано на его лице разглядеть было невозможно. Воображение услужливо дорисовало равнодушие, а то и презрение.

— Что ты стоишь? — снова закричал стражник с пистолетом, и Таня, очнувшись, рванула вперед.

Бревно. Большое и гладкое, оно было отшлифовано сотнями ног. Стоило ступить на его желтый бок, как сапоги заскользили, и Таня рухнула, больно ударившись промежностью. С трибуны послышался шум. Ей потребовалась пара мгновений, чтобы отдышаться и преодолеть боль, но она поднялась и продолжила идти, аккуратно ставя ногу так, чтобы не было скользкий движений, а вес по возможности был направлен строго вниз. Таня делала шаг за шагом и прошла уже две трети расстояния, когда сзади послышался голос:

— Я уже иду-у.

Проклятье, Кору. Следовало ожидать, что он ее быстро догонит, но вот это преследование не добавляло сил и сосредоточения. Таня сделала ошибку, нога поехала вправо, и она с огромным трудом сохранила равновесие под гул зрителей. Если она упадет, то отправится в начало бревна. Капля пота стекла по виску, щекоча кожу. Хотелось смахнуть ее, но было страшно сделать лишнее движение рукой и потерять равновесие. Шаг, еще, еще один. Кору уже ступил на бревно, нещадно раскачивая его, тяжело дышал за спиной, иногда

ругался, и в тот же миг люди на трибуне вздохнули: очевидно, скользкое бревно и стражнику давалось с трудом, но обернуться и проверить Таня не решалась.

Вот и конец! Она оттолкнулась и прыгнула с бревна, не давая себе и секунды отдыха, побежала к яме. Колени дрожали от напряжения, но это было все неважно. Финиш близко, а у нее есть несколько секунд форы. Не задумываясь, она скользнула в грязь и замерла, хватая ртом воздух.

Грязь была ледяная. Настолько, что Таня проломила тонкую корочку льда, когда нырнула. Густая жижа облепила ее со всех сторон и доходила до пояса, сковывая разгоряченное тело смертельным холодом. Рядом залетел Кору, обдав Таню коричневыми брызгами, и тут же выругался:

— Дерьмо бурундово, как холодно!

Таня понимающе на него посмотрела:

— Ужас, да?

И впервые Кору ответил ей тоже понимающим взглядом. В уголках его губ даже мелькнула усмешка, но потом он стал серьезен:

— Я должен победить.

— Я тоже, — вздохнула Таня, и они продолжили свою борьбу.

Но на последнем участке Кору оказался намного более успешен. Он был выше — грязь ему доходила до бедер — и куда более вынослив и подготовлен, поэтому сразу вырвался вперед, медленно, но верно увеличивая разрыв. Тане же каждый шаг давался с огромным трудом. Она размахивала руками, помогая себе всем телом, ноги скользили по кочкам на дне, в сапоги набилась холодная жижа. Когда Таня добралась до середины, ее соперник положил руки на деревянные подмости, подтянулся и выбрался из грязи.

Вот и все. Кору победил.

Глава 2. Побег из Серого Кардинала

Таня замерла посреди ямы с грязью. Аплодисменты и радостные возгласы набатом раздавались в ушах. Ноги немели от холода, сердце — от обиды и отчаяния. Восторженно запищала Виталина. Кору сидел на берегу ямы, болтал грязными ногами и улыбался. Росси прижималась к Жослену, и Таня ясно представила, как на глазах у нее блестели слезы. Жослен же внимательно смотрел на Таню и больше не махал своим огромным шарфом. Мангон тоже смотрел на нее, молчаливый и неподвижный, и сейчас было отлично видно, что лицо его не выражало ничего. Сбоку к Тане подошел стражник, тот самый, с пистолетом, осторожно присел на краю ямы и протянул ей руку.

— Выбирайтесь, тэсса. Вы молодец, никто не ожидал, что вы дойдете так далеко.

Таня снова посмотрела на подмости, на друзей и Мангона. “Какой силы, если я проиграла? Если я до конца даже не дошла?”

— Я еще не закончила, — прорычала Таня, сжала зубы и двинулась вперед.

— Та-та-на! — восторженно закричал Жослен, вновь выбрасывая в воздух свой нелепый шарф. — Та-та-на!

— Перестаньте, тэсса, в этом нет необходимости. Вылезайте!

Но Таня сосредоточилась на поверхности грязи и даже не видела, как прижалась к поручням Виталина, подалась вперед, улыбаясь.

Холод добрался до костей, забрав весь жар, который согревал Таню в течение всего испытания. Она вдруг ощутила, какой холодный и ветренный выдался день. Рубашка касалась спины, ледяная и противная, словно рука покойника. “Пять, шесть, семь”, — считала Таня про себя. И на восьмом шаге она почувствовала, как что-то обвило ее колени, сильное и скользкое, словно щупальце. Таня успела вскинуть взгляд, полный панического страха, и в следующее мгновение что-то сильным рывком утащило ее под грязь.

Темнота, холод и вонючая жижа вокруг. Тело среагировало мгновенно: гортань судорожно сжалась, не позволяя грязи набиться в легкие. Грязи и кислороду. Таня повалилась на живот, руки и ноги еле шевелились, и она повисла посреди мокрого дурно пахнущего ничто, не в силах перевернуться на спину или встать на дно. Уши залепила грязь, в них волнами перекачивался шум. Легкие загорелись от недостатка воздуха, горло принялось часто сокращаться, пытаясь добыть хоть каплю кислорода, но все было тщетно. Паника залила сознание, жажда жизни вытеснила все прочие чувства, и лишь одна мысль пробилась сквозь красную пелену: “Это конец”. Перед закрытыми глазами поплыли круги, и сознание стало ускользать от Тани.

Но в следующее мгновение вернулось, ясное и яркое. По телу разлилось приятное тепло. Таня от удивления даже хотела открыть глаза, но тело не дало ей это сделать: вокруг по-прежнему была грязь. Давление скользкого щупальца пропало.

“ДЕРЖИСЬ, МЕНИВ-ТАН. ТЫ ДОЛЖНА ЖИТЬ.”

Голос вторгся в ее разум, горячий и живой, если голоса только могут быть горячими. Таня почувствовала, как отступает паника, а вместе с ней спазмы в теле, как расслабляется гортань, готовая пустить в легкие кислород. Главное, не забить их грязью, поэтому Таня забарахталась в холодной жиже, благо, члены ее теперь согревал невидимый огонь.

“СПОКОЙНО, МЕНИВ-ТАН. Я С ТОБОЙ”.

Таню окутало умиротворение. Она спокойно опустила одну ногу, потом вторую. Дно

оказалось на месте, такое же неровное и скользкое, но вполне надежное. Таня выпрямила колени и поднялась из грязи. Стерла ее с лица обеими руками и разлепила глаза. Вокруг творился беспорядок. Почти все, кто наблюдал за соревнованием, спустились к яме, тянули вниз руки. Несколько стражников, в том числе и Кору, оказались в грязи на полпути к Тане. Ее уши все еще были залеплены, но кажется, она слышала, как кричали.

— Татана! — этот дружный вопль принадлежал ее друзьям, которые стояли на коленях на берегу ямы.

— Меня что-то схватило! — прохрипела Таня сорванным горлом. Ее слова предназначались Мангону, который все еще стоял на месте, вцепившись в ограждение. — Что-то внизу!

Стражники подхватили ее под руки, потащили к берегу, но она легко выскользнула из их хватки.

— Я не дошла!

— Хватит, тэсса, — нахмурился один из них. — Это все уже не смешно.

— Я не дошла, — упрямо повторила Таня. Она сплюнула в сторону грязь, которая набилась в рот, и продолжила идти вперед.

— Северянка, перестань! — кричал Жослен, показывая на нее рукой, мол, смотрите, люди, совсем с ума сошла упрямая девчонка. Стражники вздохнули и последовали за ней, разгребая холодную жижу, хотели помочь, но Таня не позволила. Она знала, что там, на помостях, стоит Мангон, смотрит своими безразличными желтыми глазами и ждет, пока она сдастся.

— Ну уж нет, — пробормотала Таня, делая последние шаги. Она с громким шлепком опустила руку на берег, показывая всем, что она добралась до конца, справилась. Стражники тут же помогли ей выбраться из проклятой ямы, и к ней бросились Росси и Жослен, обняли, перепачкав свои прекрасные светлые одежды.

— Северянка, ты меня так напугала! — говорила Росси, вытирая лицо подруги шарфом Сен-Жана, и ее глаза были красными от недавних слез.

— Я уж решил, что тебе настолько важна эта форма, что ты за нее утопишься, — мрачно пошутил Жослен.

— Обнимите меня, — попросила Таня, и друзья снова сжали ее в объятиях. — Я все равно проиграла. Интересно, Кору согласится на такую одежду обратно?

Кто-то откашлялся рядом. Таня обернулась: позади нее стоял капитан Габор, бледный и встревоженный. Он набросил Тане на плечи одеяло.

— Дэстор Мангон приказал передать, что оставляет вам одежду и свободу. Вы доказали выдающуюся стойкость и храбрость, — сказал Габор.

— Что? — переспросила Таня. — Он же сказал тогда...

— Я не знаю ничего, тэсса. Просто передаю его слова.

— А Кору?

— С ним тоже все будет в порядке, — ответил Габор, а потом ворчливо добавил: — Чуть девчонку из-за порток не утопили, сумасшествие какое-то.

Когда Таня придет в себя, она поймет волей дракона замка тоже признана победившей. Кору заказали новую одежду и оставили за ним службу, Тане — ее свободу, пусть и довольно ограниченную стенами замка. Но в тот момент, стоя посреди тренировочной площадки уставшая, грязная, теряющая остатки сверхъестественного тепла, она могла только искать глазами Мангона. Но того уже нигде не было.

Владимир хотел ей лучшего. Он чуть не убил Жослена, который втащил в его лабораторию грязную обессиленную Таню. Влад слишком близко к сердцу принял ее одиночество и, пожалуй, брал на себя слишком много, изображая ее отца, но по-другому уже не мог. Он помог Тане привести себя в порядок, горничная выдала мерзкую ночную рубашку с длинными рукавами и рюшами вокруг горла, и Влад отправил ее в постель, напоив травами и пахучими лекарствами.

— Ну и куда ты опять полезла? — вздохнул он, поправляя одеяло на Тане. — Соревноваться с мальчишками?

— Почему бы и нет? Если они за языком не следят.

— А ты стащила у него форму, — Влад пытался строго хмуриться, но предательская улыбка то и дело появлялась в уголках его губ.

— Один — один, — ответила Таня. — Знаешь, а я неплохо сегодня справилась. И Мангон не сможет говорить, что я слабачка и врушка.

— Я и не сомневался в тебе, — Владимир погладил ее по голове. — Но все равно ужасно волновался, когда тебя притащили в таком виде.

— Ерунда, это просто с непривычки. Скоро буду на ногах.

— Нет-нет, отдыхай. Только заболеть тебе не хватало, — он замолчал, решая, стоит ли продолжать разговор или лучше оставить Таню в покое, но не удержался. — А у меня для тебя новости. Я нашел человека, который может открыть портал и отправить тебя домой. Его зовут Свирл. Ему написал мой ученик, и он согласился помочь.

— Это значит, что я скоро попаду домой? — уже засыпая, спросила Таня.

— Не волнуйся, Танюш, — Влад поцеловал ее в лоб. — Отдыхай, скоро все закончится.

Отоспавшись как следует, Таня прекрасно себя чувствовала, но Влад отказывался в это верить и гнал ее из лаборатории, заставляя вновь забраться в кровать. И как же она была рада, когда к ней в кабинет прокрались Росси и Жослен.

— Я думал, ты умираешь в постели, — вместо приветствия заявил Сен-Жан.

— Ты же меня знаешь, — улыбнулась Таня, принимая объятия. — Я не люблю долго лежать.

— Что ты делаешь? Занимаешься каллиграфией? — он подошел к столу и наклонился над исписанными листами. Непослушные золотые кудри упали на его лицо. — Ты молодец, у тебя хорошо получается.

— Получается же ужасно, Жослен, — она посмотрела на друга снизу вверх.

— Ужасно, — с улыбкой согласился тот. — Но ты все равно молодец.

Жослен ласково потрепал Таню по волосам. Она наслаждалась обществом друзей, в котором не нужно было из себя ничего изображать, можно было быть странной, нелепой, не знать чего-то, путать слова и говорить со страшным акцентом.

— Как ты себя чувствуешь сегодня? — участливо спросила Росси. Оправившись от саламандры, она все меньше времени проводила в своей комнате, подружившись с кем-то из служанок, помогая им в бесконечных делах или выполняя мелкие поручения Влада. И в компании Жослена, конечно. И Таня порой ловила себя на мысли, что непривычно чувствует себя, когда компаньонки нет рядом, а не бывало ее теперь подолгу. Но Росси всегда приходила вечером и приносила ужин, а с ним порцию свежих новостей.

— Хорошо. Но со мной случилось странное. Там, внизу грязи, я услышала голос. В голове, — Таня постучала себя по виску. — Он сказал, чтобы я держалась. А потом я

почувствовала тепло. Я верю в... такие вещи не очень, и мне странно вспоминать это и говорить. Но я немного растеряна, поэтому нужны ваши мысли.

— Возможно, это просто видения от недостатка воздуха? — предположил Жослен. — Говорят, так бывает, когда теряешь сознание.

— А в Книге Огня говорится, что Великая Мать может обращаться напрямую к человеку, потому что она любит людей особой любовью. Может, это была она? — полусшепотом, понижая голос от суеверного страха, добавила Росси.

— А мы считаем, что гонцы Всемогущего могут передавать его волю человеку, — откликнулся Жослен. — Возможно, это был он, потому что он бесконечно милостив и добр.

— Но там не было никаких гонцов!

— Они же невидимы для обычных людей, глупенькая. А ты как думаешь, что это было?

— Мне понравилась твоя идея про видения без воздуха. Они вполне преследовательные. В моем мире врачи говорили бы так же.

— Последовательные, — поправил Жослен. — И логичные. Но чтобы тебя не мучили странные видения, мы пришли к тебе не одни, — и с этими словами он достал из корзины две бутылки вина. — Знакомься, тэссия Роми и тэссия Витто к твоим услугам. С какой начнем?

— Ого, — Таня взяла пузатую бутылку темного стекла, которую Сен-Жан представил как Роми. На этикетке была изображена веселая женщина с огромным бюстом, ясно угадывающимся под скромным платьем. — Зачем такой праздник?

— В честь того, что ты жива и что ты самый замечательный человек, — заявила Росси, хватая Таню за руки. — Когда я устраивалась к Амину на работу, думала ли я, что встречу тебя и что моя жизнь так изменится?

— Да уж, ты не искала такие приключения, — хмыкнула Таня.

— А я к Вашону пришел именно потому, что мечтал жить по-другому, не как моя семья, — сказал Жослен, освобождая стол от бумаги. — Такой человек, как маэстро, не мог не изменить мою жизнь. Всю заботу о родителях взяла на свои плечи сестра, чтобы я мог писать картины, и я даже не могу объяснить, как благодарен ей.

— А мне кажется, Вашон сложный, — Таня значительно смягчила свое мнение об этом своеобразном человеке. — А ты как будто любишь его.

Жослен замер на мгновение, а потом наклонился к корзине чтобы достать фрукты.

— Что за бред! Я восхищаюсь им как мастером, только и всего. Его талант признают буквально все.

— Тогда ты повезло.

— Тебе повезло, Северянка, — мягко поправила Росси. — Мы говорим так.

Таня рано отправилась спать, а ее друзья все еще сидели в кабинете, тихо разговаривая о чем-то своем. Но после полуночи ушли и они, и комнаты погрузились в блаженную темноту. Таня спала тяжелым сном. От вина болела голова, поэтому сновидения были странными, тягучими, словно застывшими в желе. Таня металась по подушкам и хмурилась, но не просыпалась. Ей снился туман, и грязь, в которой утопали ноги, и далекий настойчивый стук. И только когда стук повторился снова и снова, теперь громче, сквозь забытье мелькнула мысль, что это может быть наяву, и Таня открыла глаза.

На комодѣ горел ночник. Часы показывали час ночи и семьдесят минут. Почти три часа по Земному времени. Состояние было на удивление бодрое, только в виске слабо

пульсировала тупая боль. И тут стук повторился, а за ним последовал хриплый голос:

— Татана!

Тень.

Таня вскочила с кровати, замоталась в одеяло, чтобы спрятать ужасные рюши, посмотрела на балкон. Там никого не было. Тогда она подошла к входной двери и, прислонившись к косяку, спросила:

— Тень? Что ты здесь делаешь? Почему через дверь?

— Открой, это очень важно.

Таня не стала спорить. Она повернула защелку, и Тень сам распахнул дверь. Он по своему обыкновению низко надвинул капюшон на лицо, и невозможно было понять, встревожен он или расстроен, но Таня сразу заподозрила неладное.

— Татана, слушай. Нужно, чтобы ты все сделала быстро и правильно. Одевайся удобно и тепло, возьми только самое важное. Разбуди Росалинду, пусть тоже одевается и спускается вниз, ко входу в подzemелье, где был Айронгу. Поняла?

— Да, но что...

— Вопросы потом! Росалинду отправь к подzemелью, а сама иди в синюю гостиную, где вы ждали Мангона, пока он разбирался с Айронгу. Помнишь, где она? — Таня растерянно кивнула. — Там на каминной полке будет футляр, похожий на чемодан. Возьми его и иди к Росалинде. Встретимся там.

— Я не могу ничего делать, пока не знаю, зачем, — она упрямо нахмурилась.

Тень пару мгновений молчал.

— Мы уходим из замка, — наконец сказал он.

Сердце на мгновение замерло, чтобы застучать еще быстрее.

— Мне нужно еще забрать Радугу, Владимира и художников. Поторопись ради Великой Матери!

— Постой! Мангон, — напомнила Таня. — Что Мангон?

— О нем не беспокойся, с ним проблем не будет.

— Черт, — выругалась она по-русски, а потом добавила на драконьем: — Ты его убил?

— Что? О Матерь, нет! — Тень взял ее руки в свои и прошептал: — Доверься мне. Сделай, как я прошу. Пожалуйста.

Таня кивнула, и Тень отступил назад, растворился в полутьме коридоров, закутавшись в свой неизменный плащ.

“Так, мы уходим, — Таня привычным движением запустила пальцы в волосы. — Все вместе? Ладно, пускай. Так будет даже проще добраться до того человека, о котором говорил Владимир. Нужно торопиться!”

Она быстро переделалась в брюки, рубашку и жилет, натянула теплые сапоги,хватила платок и подбитую мехом куртку. На столике у окна лежала сумка-планшет, и когда Таня потянулась за ней, она увидела всполохи оранжевого и желтого. Тревожное зарево поднималось из-за стены, но отсюда, с высоты второго этажа, ничего, кроме тревожных отсветов видно не было. Она открыла балконную дверь, чтобы услышать далекие крики. Что-то происходило, и от дурного предчувствия заныло в желудке.

Таня быстрым движением перебросила сумку через плечо и побежала в соседнюю комнату.

— Росси! Росси, просыпайся!

— Что случилось? — спросила заспанная компаньонка.

— Собираешься. Одеваешься тепло. Мы уходим. Ну же, быстро! — воскликнула Таня, когда увидела, что Росси никуда не торопится, и стянула ее одеяло на пол.

— Но куда? Что случилось? — Росалинда послушно спустила ноги с кровати.

— Не знаю, но что-то случилось. Тень помогает нам бежать.

— Тень? Ах, этот тот таинственный мужчина в черном? — припомнила Росси.

— Да. Пожалуйста, быстрее, — Таня нервничала все больше: Тень был предельно серьезен, он торопился, и это заставляло волноваться даже больше желтых всполохов за стеной.

Росалинда, кажется, окончательно проснулась. Она быстро расчесала волосы — черные волны, блестящие в ровном свете электрической лампы, — и заплела тугую косу, но на этом остановилась.

— Что еще? — закатила глаза Таня, которая пыталась выбрать среди немногочисленных платьев подруги что-нибудь удобное.

— Я не пойду. Послушай, Мангон обещал мне большие деньги, — поспешно начала оправдываться Росси, видя, как Таня набрала воздуха для возмущения. — Я бедна, а то, что он предложил мне — настоящий клад. Ты беги, спасайся сама, а я останусь и скажу, что ничего не знаю.

— Ты смеешься? — воскликнула Таня. — Останешься в руках Мангона? Может, ты забыла комнаты под замком? Хочешь в клетке оказаться?

Росси смотрела на нее, широко распахнув глаза.

— Мангон не даст денег, если я сбегу. Хорошо, что просто выбросит на улицу. А может попытаться узнать правду, — Таня твердо смотрела в глаза подруге. — Мне жаль, но мы вместе. Или бежим, или остаемся.

Росалинда всхлипнула, потеряла нос, а потом вырвала из Таниных рук свое дорожное платье:

— Тебе нельзя здесь оставаться! Пусть Бурунд заберет эти деньги, я собираюсь.

Таня благодарно потрепала подругу по плечу и с облегчением побежала собирать свое немногочисленное имущество. В сумку отправился дневник, некоторые записи Жослена о драконьем языке, книжонка со сказками, сложенный жирафик. В шкафу на глаза попала коробка с шелковым платьем, и на мгновение воспоминания о нем обожгли внутренности. Таня поспешила закрыть дверцу.

— Я готова!

На Росси было дорожное платье, сапожки и теплое пальто, на голове пристроилась шляпа, абсолютно бесполезная, по мнению Тани: уши-то все снаружи. Но она ничего не прокомментировала, только попросила:

— Иди вниз, где дверь в подполье. Тихо-тихо, нет опасности. Пока. Там будет Жослен и Раду. Я приду потом. У меня еще одно дело есть.

— Ты точно придешь?

— Точно.

Ей нужно просто забрать чемодан. Что может пойти не так в таком простом деле?

Как было бы все просто, если бы Танины планы не шли постоянно вразрез с чужими планами. К сожалению, жизнь так устроена, что счастье одного всенепременно причинит несчастье парочке других людей. Например, удачный побег чужеземки никак не вписывался в расчет Виталины. Хотя замок полнился далекими криками, стуком и треском, Таня благополучно пробралась в синюю гостиную и быстро нашла футляр, о котором говорил

Тень. Она аккуратно открыла футляр, увидела два пистолета и вздохнула от восхищения и благоговения перед красивым оружием, когда сзади раздался голос:

— Ты уже уходишь?

Виталина. Черное платье, смуглая кожа — она словно сошла со страниц страшного романа. Красные губы растянуты в неприятной улыбке, глаза сощурены в презрительные щелки. Весь ее вид не предвещал ничего хорошего.

Таня защелкнула футляр.

— Да. И ты уходи. За стенами что-то происходит.

Но Виталина будто не торопилась. Она прошла в гостиную, демонстративно поглаживая спинку дивана.

— Какой красивый замок. С красивой мебелью, артефактами старого мира. Множеством секретов и тайн, спрятанных среди книг и комнат. Как жаль, что все это превратится в прах.

— Ты знаешь, я плохо говорю на драконьем и не понимаю твоих высоких слов, — раздраженно отмахнулась Таня.

— Знаешь, что там, за стенами замка? — в голосе Виталины послышалась удивительная пылкость. — Там бунт. Против драконов и их узурпаторской власти. А здесь, внутри, предатели, которые откроют ворота.

— Я не понимаю...

— Они пришли, чтобы убить дракона, глупая девка! — повысила тон Амин, и глаза ее сверкнули страшным удовольствием. — И я не дам тебе уйти. Ты останешься здесь и поделишь его участь.

Таня скорее почувствовала, что происходит, нежели поняла пафосные речи Виталины. Беда пришла снаружи.словно река в половодье, разлилась вокруг замка, угрожая в любой момент затопить его. И Тень спасал ее не от Мангона, а от тех, кто пришел убить дракона и всех, кто с ними связан.

— Мне все равно, — жестко ответила Таня, поудобнее перехватывая футляр. — Я ухожу.

Но она недооценила Виталину и ее страсть к драме. Амин не собиралась отпускать Таню, о нет, только не в такую кровавую ночь. Едва та отвернулась, она бросилась ей на спину, смыкая руки замком вокруг шеи. От неожиданности Таня выронила тяжелый футляр прямо на ногу и грязно выругалась.

— Ты психованная! Пусти, — и снова, уже на драконьем: — Пусти! Будет больно!

— Это тебе будет больно, — зашептала ей в ухо Виталина и вдруг чувствительно укусила за него.

Таня зарычала. У нее катастрофически не было времени на обжимания с сумасшедшими дамочками, поэтому она расставила поудобнее ноги, схватилась за руки Виталины и легко перебросила ее через себя, едва не запутавшись в юбках, что взметнулись черной тучей над головой. Виталина спиной рухнула на пол и закричала. Таня подняла футляр и продолжила было путь, но ее соперница не сдавалась: она извернулась и вцепилась в Танины лодыжки. Та чудом не упала, пнула ухоженные пальчики, заставляя их разжать.

— Отстань от меня!

Снаружи послышались крики. Таня обернулась, но за окнами ничего не было видно, кроме все разрастающегося зарева. Она поспешила убраться из гостиной и почти дошла до дверей, когда холодный голос Виталины ее остановил:

— Стой! Я выстрелю.

— Ну что еще? — устало спросила Таня и обернулась. Виталина, лохматая, помятая, стояла посреди гостиной и держала на вытянутой руке пистолет. Красивый, черненький, с золотыми узорами, блестящими в свете ламп, он был слишком тяжелым для нее, и пришлось перехватить рукоятку второй рукой.

— Ты умеешь с ним обращаться? Ты же будешь стрелять в себя, — снисходительно проговорила Таня, хотя внутри все сжалось от страха. Глаза Виталины горели отчаянием, на губе выступили капли крови: кажется, она прокусила тонкую кожу от волнения. Такая может и правда нажать спусковой крючок. — Это опасно, Виталина. Положи, — продолжала увещевать ее Таня, маленькими шажками подходя все ближе.

— Иди сюда! И вставай на колени! Ты никуда не выйдешь отсюда, пока не придут мои друзья, — закричала Виталина. Ее идеальные кудри распались, и волосы торчали в разные стороны.

— Хорошо, только не стрелять, — Таня отбросила футляр на диван и подняла руки. Еще пара шажков. В голове она прокручивала старые уроки самообороны, пытаясь подобрать наилучшую тактику. Все это не походило на тренировку: порох в увитом золотом стволе таил в себе слишком реальную опасность. Таня остановилась, когда пистолет практически упирался ей в грудь, и демонстративно подняла руки, показывая, что безоружна.

— Хватит, Виталина, тебе это не нужно, — она попробовала еще раз, видя, что девушку трясет от нервного возбуждения. Это могло закончиться плохо.

— На колени! — крикнула Виталина еще раз.

Проклятье! Не видя иного выхода, Таня шагнула вперед, схватила руки Виталины и направила пистолет вниз и влево. Грохнул выстрел, девушек отбросило в сторону. Таня резким ударом ребра ладони выбила оружие, прокрутила запястье Виталины против часовой стрелки и заломила руку ей за спину. Девушка тонко взвизгнула от боли и рухнула на пол. Все заняло несколько секунд.

— Встать! — срывающимся голосом приказала Таня. Ее голос дрожал, тело трясло от пережитого волнения, и желудок ходил ходуном. Виталина подчинилась. Она тихо подвывала, пока Таня лихорадочно осматривала комнату, решая, что дальше делать. Она увидела стул с красной бархатной обивкой и приказала:

— Вперед!

Усадила Виталину, дотянулась до торшера и выдернула из него провод, которым скрутила ей руки за спинкой.

— Будь ты проклята, — шипела Виталина. — Это не конец, я найду тебя и выдавлю тебе глаза, ты, драконья подстилка.

Таня хотела извиниться за вынужденные меры, но Виталина смотрела на нее совершенно диким взглядом и безумно скалилась. Поддавшись порыву, Таня ударила Амин наотмашь по лицу, и ее голова сильно качнулась в сторону.

— Отдохни, — тяжело дыша, посоветовала она. — Твои друзья найдут тебя.

Запустила пальцы в волосы, огляделась. Взгляд упал на футляр с пистолетами. Слишком мало времени! Схватив его, Таня выбежала из гостиной под проклятия Виталины. Когда она добежала до входа в подвалы, у двери собрались почти все. Росси обхватила плечи руками и шагала от стены до стены. Влад с огромной сумкой через плечо тут же бросился к Тане, проверяя, все ли с ней в порядке. Бледный Вашон опирался на Жослена, который выглядел таким же встревоженным, как и все остальные. Впервые на памяти Тани он забрал кудряшки

в тугой хвост, открыв тонкое, будто высеченное из мрамора, лицо. Была здесь и Раду, державшаяся, пожалуй, лучше всех. Тень появился почти одновременно с Таней.

— Что случилось? — тут же спросил он. — Я слышал выстрел.

— Виталина. У нее был пистолет.

— Ты ранена? Она причинила тебе вред? — Тень провел руками по ее плечам, желая убедиться, что она цела.

— Нет. Я ее завязала стулом. Тень, люди хотят убивать дракона, ты знаешь?

— Знаю. Поэтому мы здесь. Спасибо за помощь, — он взял футляр из влажных Таниных рук. — На тебя можно положиться, — достал пистолеты и отшвырнул ставшую ненужной коробку. — Влад, умеешь пользоваться?

Владимир коротко кивнул, беря оружие и пристраивая его за поясом. Тень еще раз оглядел своих разношерстных спутников и скомандовал:

— Уходим!

— Я никуда не пойду! — все повернулись к Раду, которая сложила руки на груди и стояла с самым упрямым видом. Она была одета в строгое шерстяное платье и высоко забрала седеющие волосы, прикрыв их старомодной шляпкой. В полумраке комнаты казалось, что она постарела лет на пять. — С места не сдвинусь без Мангона!

— Раду, он дракон, он справится, — начал было Влад, но та резко мотнула головой.

— Вы не знаете, в каком он состоянии. Ничего о нем не знаете! Спасите Мангона, или я останусь здесь вместе с ним.

Снаружи что-то грохнуло. Росси тихонько вскрикнула.

— Раду, нет времени, — взволнованно прохрипел Тень. — С Мангоном все хорошо, поверь. Надо идти.

— А тебя я вообще не знаю! Может, ты на стороне бунтовщиков. Повторяю: я никуда не пойду без Мангона.

Все обеспокоенно переглянулись. Таня подумала, что Мангон должен быть счастлив иметь такого верного человека рядом. И еще, что можно оглушить ее и утащить силой. Но решение было за Тенью, которого негласно признали лидером, поэтому все ждали, что он сделает.

— Раду... — начал он.

— Нет!

— Бурундово проклятье, Раду! Все в опасности из-за тебя, — прорычал Тень в полный голос, и Таня подняла на него удивленный взгляд: он почти всегда хрипел и шептал, и она была уверена, что у него повреждены связки или что-то вроде того.

— Идите, никого не буду задерживать, — Раду принялась развязывать шляпку. — Я много лет служу дэстору, и умру вместе с ним.

Тень выпрямился во весь рост, он больше не горбился и не припадал на одну ногу. Немного помедлив, будто надеясь, что Раду образумится, чего, конечно, не произошло, он сдернул капюшон и опустил с лица маску.

— Это я, Раду! Я здесь. Теперь мы можем идти?

Перед ними, одетый в простой черный костюм, неизменную одежду Тени, стоял Мангон собственной персоной. Его обычно тщательно уложенные волосы были взлохмачены, взмокшие пряди падали волнами на лицо, которое казалось посеревшим и непривычно взволнованным. Раду радостно вскрикнула, а Таня резко выдохнула, будто ее ударили в живот. Она схватилась за горло, пытаясь сдержать подступившую тошноту.

— Ох, дэстор Мангон, — растерянно, но вместе с тем счастливо пролепетала Раду. — Конечно, я пойду за вами. Что ж вы сразу не сказали, что это вы?

Шумело в ушах. Таня смотрела на Мангона в костюме Тени, и в ее груди разгоралась ярость. Она не могла поверить в то, что видит, отказывалась верить.

— Что ты сделал с ним? — зарычала Таня, бросаясь на Мангона, как разъяренная кошка, впиваясь ногтями в его предплечья. — Где он?

— Татана, что ты себе позволяешь? — возмутилась Раду и попыталась оторвать Танины руки от своего господина, но та была слишком сильной по сравнению с дородной экономкой и легко оттолкнула ее.

Адриан посмотрел на Таню, и во взгляде его отразилось непривычное чувство. Что это? Боль? Раскаяние? Она никогда не видела его таким... уязвимым. А еще эти желтые глаза, которые в полутьме казались янтарными. Глаза Тени и дракона одновременно.

— Это я, — повторил Мангон, а потом добавил по-русски, как она учила его: — Меня зовут Тень.

— Нет! — Таня отшатнулась. — Нет, нет, нет...

Сколько раз они с Тенью повторяли эту фразу, как она потешалась над его интонациями, как они вместе весело смеялись! И вот, одетый в костюм ее друга, словно в клоунский наряд, с ней разговаривал Мангон, самое страшное в ее жизни существо. Стало тяжело дышать, словно грудь придавило плитой. Ощущение, что случилось непоправимое, как бывает, когда умирает кто-то по-настоящему близкий. Таня закрыла глаза, заставила себя медленно вдохнуть, затолкать боль и злость в подпол души. Посмотрела на дракона.

— У нас нет времени, — ледяным тоном выдохнула она, и Мангон на мгновение поджал губы, но тут же снова стал спокоен и строг.

— Уходим, — сказал он, набрасывая капюшон на голову. Один за другим, они принялись спускаться по лестнице, а хозяин замка, бросив прощальный взгляд в обшитые дорогими тканями коридоры, запер за собой большую металлическую дверь. Если она сдержала драконий огонь, то и преследователей остановит, если вдруг они будут.

Таня спускалась по слабо освещенной лестнице. Пальцы скользили по холодным камням, раскрошившимся от ударов хвоста и покрытым сажей, взгляд цеплялся за следы минувшей битвы. Она сходила во тьму, и темнота заполняла ее сердце. Мысль о том, что Тенью все это время был Мангон, казалось, не помещалась в голове. Она вспомнила, как увидела его в первый раз, он сидел на балконе в этом своем плаще, словно старый ворон. А вот Тень явился за ними с Росси в обитель оборотней. Теперь понятно, почему он был таким спокойным и уверенным в себе. Посланник Мангона, как же! Таня горько усмехнулась. Сверху раздался громкий шум, словно прогремело несколько взрывов подряд. Но они мало взволновали ее: воспоминания занимали все ее внимание. Вот Тень принес ей пирожные. “Раду всегда их покупает Мангону, но он не ест”. А вот они танцуют, и его рука на ее талии, он так близко, и от него пахнет кардамоном и шафраном. Тень ведь был готов снять маску, что, если бы она тогда узнала, что под плотной тканью прячется Мангон? Таня потеряла тыльную сторону ладони: память услужливо подкинула воспоминание о прикосновении к его губам. Вокруг становилось все темнее, на душе у Тани — все горше. Проклятье!

Мангон быстро спустился по лестнице за своими спутниками.

— Татана, — сказал он и положил руку ей на плечо, показывая, что просит подвинуться, но та отшатнулась к стене, будто прикосновение обожгло ее. Мангон пошел первым. Что-то с грохотом упало на пол, и в следующую секунду загорелся факел. Самый

обычный, обмотанный ветошью и пропитанный маслом. Дрожащий свет окрасил лицо Мангона в тревожные тона, выхватил из темноты распахнутые двери камер и каменное крошево под ногами.

— Я сейчас открою потайной ход, который выведет нас из замка. Мы пойдем в Илибург, где вы отправитесь по домам, а я смогу обратиться за поддержкой других драконов.

— В Илибург? — переспросил Вашон. — Там наверняка эпицентр волнений! Представляю, что там сейчас творится.

— Без меня вы в безопасности, вас не станут искать. Главное сейчас — выбраться отсюда.

Мангон подошел к стене и принялся обшаривать кирпичи. В это время к Тане подошел Жослен и, наклонившись к самому уху, спросил:

— Что у вас случилось с Мангоном?

Боль и обида с новой силой сжали сердце Тани, и она помотала головой.

— Потом. Сейчас не могу.

— Хорошо. Если что, говори, и я надеру его драконий зад.

Таня нервно хохотнула, представив, как утонченный Жослен ползет с кулаками на огромного черного дракона. А Сен-Жан просто сжал ее плечо, давая понять, что он рядом.

Скрытая дверь отъехала в сторону с лязгом и скрипом. Посыпалась пыль: этим проходом явно не пользовались очень давно. Вашон было сунулся в темный коридор — он хотел побыстрее убраться из замка, — но Мангон остановил его.

— Я его не открывал лет двадцать. Возможно, воздух ядовит.

Вашон сделался несчастным и поспешил отойти от прохода. Чем он дорожил по-настоящему, так это своей жизнью и своими пальцами, а больше, пожалуй, ничем, и Жослену в этом еще предстояло убедиться.

— А как же другие слуги? — спросила Радугу тихонько. — Лиза, старый Бромер, малышка Криси? И другие?

— Некоторые оказались предателями, их подкупили, — Мангон говорил будничным голосом, будто предательство его людей — вполне закономерное явление. — Тех, кто остался на моей стороне, стражники выведут через другой выход. С ними все будет в порядке.

— Храни их Великая Мать, — пробормотала Радуга, очерчивая круг на груди. Таня в первый раз увидела, чтобы кто-то из местных осенял себя знаком веры.

Мангон же, высоко подняв факел и зажав рот рукой, шагнул в тайный проход. Он вытянул огонь вперед, наблюдая за его поведением. Погаснет, значит, кислорода нет, поняла Таня. Но факел горел бодро и ровно, иногда танцуя под невидимыми струйками воздуха. Мангон убрал руку, осторожно втянул воздух в легкие.

— Можно идти, — сказал он. — Отец устроил тут неплохую вентиляцию. Одно из немногих дел, за которые его можно вспомнить добрым словом.

В держателе нашелся еще один факел. Его хотел взять Влад, но Таня показала на пистолет, зажатый в его руке.

— Лучше прикрывай нас, а я подержу факел, — по-русски предложила она и не заметила, как на секунду замедлился Мангон, прислушиваясь.

Они растянулись цепочкой. В начале шел, освещая путь, Адриан, за ним Радугу, Вашон, Жослен и Росси. За ней Таня с высоко поднятым факелом, замыкал цепочку Владимир, который периодически оглядывался и прислушивался, нет ли за ними погони. Коридор

сначала был широким, с высоким потолком и выложенными камнями стенами. Иногда он ветвился, но Мангон каждый раз уверенно выбирал направление. Постепенно проход становился все уже и ниже, каменные стены сменились земляными, от обрушения их удерживала мощная обрешетка. Несмотря на толщину, в некоторых местах брус прогнил, и земля высыпалась на пол. Пахло сыростью, затхлостью и плесенью, и если бы не хитрая система вентиляция, навряд ли в этих проходах получилось пробыть долго. Свет факела разгонял подземную живность, и многоножки, жуки, медведки и прочие твари бросались в разные стороны, а Росси неизменно вскрикивала, стараясь не касаться стен. Здесь время застыло, и никто, кроме Мангона, не мог сказать, сколько они плелись вот так, гуськом. Никто не решался говорить, разве что Вашон иногда изрекал что-то капризное или Росси пугалась теней и подземных тварей, поэтому у Тани было вдоволь времени и тишины, чтобы обдумать все мысли по кругу несколько раз. Зачем Тень приходил к ней, почему помогал, подсказывал? Он издевался над ней, визнавая слабости и потаенные мысли? Планировал приручить, а потом раздавить правдой? Что было в его голове, когда днем он вел себя, как самодур, а вечерами таскал ей сладости и читал книги? Может быть, Мангон — псих или шизофреник, и находиться сколь-либо близко к нему опасно? Закончилось тем, что она бесконечно устала, больше, чем от ходьбы по тайным проходам, но решить что-то для себя так и не смогла. Она была уверена в одном: Мангон — старый дракон, бесчувственный и безжалостный, а Тень — странный, но саркастичный и добрый, и от мысли, что с ним придется распрощаться навсегда, хотелось кричать.

— Стойте, — голос Мангона показался оглушительным после стольких минут тишины, которую нарушали лишь хлопанье ног по размокшей земле да редкие вздохи. — Сен-Жан, подержите факел. Мы пришли, я поднимусь и проверю, все ли в порядке.

Придвинувшись ближе, Таня увидела ржавую металлическую лестницу, уходившую к потолку, в который был врезан деревянный люк, обитый железом. Стены здесь, на выходе, были выложены камнем, но не так толково, как в замке, а наспех, просто чтобы укрепить их. Мангон поднялся, открыл люк и высунулся почти наполовину. Вниз устремился холодный ночной воздух, и вдохнув его, Таня зажмурилась от удовольствия. Она и забыла, насколько в проходе он был застоявшийся, привыкнув к затхлому запаху. Мангон быстро вернулся.

— Все в порядке. Можем выходить.

Таня вылезала предпоследней, вместе с Владом они вглядывались в темноту, оставшуюся позади. Было бы обидно, если бы погоня догнала их так близко к цели. Но все обошлось, и передав факел Владимиру, Таня поднялась по ржавым ступеням наверх.

В паре миль от замка на поверхность выходила сланцевая порода, нависая над землей, словно лихо задранный козырек кепки. Громоздкие валуны, привезенные сюда Матерь знает, сколько лет назад, уже вросли в почву, спрятали бока в пожухлой траве, но вместе с кустарником все еще неплохо скрывали того, кто решил сбежать из замка. Недалеко виднелась полоса леса, до нее нужно было пробежать не более двухсот метров по открытому полю, и обнаружить беглеца уже будет сложно.

Холод перед рассветом бывает самым лютым. Несмотря на то, что осень еще не собиралась уступать своих прав, ночами температура опускалась почти до нуля, и трава покрывалась льдом, словно пеплом. Холод проникал под пальто, вызывая дрожь, по телу побежали мурашки. Позади них, за парком, полыхало зарево, окрашивая небо в оранжевый и коричневый цвета. Ощутимо пахло дымом, было слышно, как ревет пламя. На севере, у самого горизонта, виднелся слабый купол света, — это Илибург, он еще спал, окутанный

ровным желтым сиянием твераневых фонарей. Но над головами беглецов раскинулось темное небо, усыпанное незнакомыми Тане звездами. Она подняла голову, вглядываясь в холодный блеск чужих созвездий. Несколько звезд были особо крупными, пульсирующими, переливающимися белым и фиолетовым светом, и ей казалось, что они смеются над ней, зло и презрительно.

— До города около пятнадцати миль, — сказал Вашон, кутаясь в модную, бесполезную в такую погоду мантию. Его усы от дыхания покрылись тонкой полосой инея. — Неужели мы пойдем пешком?

— Не волнуйтесь, я позаботился об этом, — сказал Мангон, вглядываясь в горизонт. Кажется, он чего-то ждал. Появления экипажа? Может быть, машины?

— И как же вы позаботились? — из-за валуна вышел Кору в сопровождении четырех стражников. На них все еще была синяя мангоновская форма, но поверх они накинули меховые пальто, а на головы натянули теплые шапки. Было очевидно, что в встречать хозяина замка их отправили, хорошо снарядив.

— Вы же проверяли, что все в порядке, — простонал Вашон, увидев в руках бывших стражников ружья.

— Какой бурундовой волей вас сюда занесло? — спросил Мангон недовольным тоном.

— Я занял правильную сторону, — голос Кору дрожал то ли от волнения, то ли от холода: неизвестно, сколько им пришлось ждать беглецов, прижимаясь к холодным камням.

— Я бы с этим поспорил, мальчик.

— Я не мальчик! — повысил голос Кору, вскидывая голову, будто тем самым мог показать свое превосходство.

— Хватит, — проговорил другой стражник, растягивая слова. Голос его был хриплым и подходил больше грабителю, нежели хранителю покоя. — Девчонку берем, остальные не нужны.

— Убьем их? — спросил Кору. Вашон возмущенно вскрикнул.

— Да ну, зачем? Ты посмотри на них, что они могут? Свяжем, пока ждем Мангона, он тоже скоро должен появиться.

Беглецы переглянулись. Мангон скрывался под капюшоном и маской, и сейчас он занял привычную позу, ссутулившись и припадая на одну ногу. Так он казался не таким уж высоким покалеченным человеком. Вашон, белый, как иней в его бороде, опирался с одной стороны на руку Жослена, с другой к нему жалась Росси. Радуга пряталась за господином. Влад пытался оттянуть Таню за свою спину, но та твердо стояла почти вровень с Мангоном.

— Они хотят меня забрать что ли? — хмуро уточнила она.

— Да. Ну не глупцы? — усмехнулся Мангон, совсем как Тень, и Таня не удержалась, чтобы не бросить на него взгляд.

Вдалеке что-то взорвалось, столб дыма поднялся над горизонтом.

— О, складу тверани конец, — развеселился Кору. — Если Мангон застрял где-то там, ему не выбраться.

— Он дракон, тупица. Они в огне не горят, — хмуро оборвал его другой стражник.

Таня смотрела на все разрастающееся зарево, и в памяти всплывало страшное воспоминание.

— Кору! Все вышли из замка? — почти закричала она.

— Замолчи! Сейчас мы задаем вопросы.

— Кору! — с нажимом повторила Таня. — В замке кто-то есть?

— А я откуда знаю? — нехотя ответил Кору, удобнее перехватывая ружье. — Никто не проверял. Если там кто и остался, так это мангоновы прихвостни.

— Кору, ты видел Виталину? — стоило только представить судьбу этой своенравной девицы, как начинала кружиться голова.

— Нет, она наверняка уехала еще вечером, как Ястин, — пожал плечами Кору.

— Она никуда не уехала! — неожиданно для себя самой закричала Таня, чувствуя, как отчаяние подкатывает к горлу. — Она в синей комнате. Она плетеная на стуле! Бурундово проклятье, я иду назад!

— Никуда ты не пойдешь! Мы забираем тебя с собой, — стражник схватил Таню за руку, но та, резко развернувшись, вырвалась. Его подельники одновременно подняли ружья.

— Мангон, самое время превратиться в дракона! — закричал Вашон: его нервы сдавали.

Стражники переглянулись:

— Это чучело в тряпках — Мангон?

— Ну спасибо, художник, — прохрипел Адриан, прекращая ломать комедию и неудобно кривиться. — Насколько было бы проще одному.

— Эдак нам повезло, — улыбнулся стражник с голосом преступника. — Сразу двоих возьмем.

Мангон чуть покосился назад, на Влада, и кивнул. Затем он молниеносно выхватил пистолет, и Владимир отстал от него буквально на секунду. Один за другим раздались выстрелы, а за ними бахнуло ружье: завалившись с пробитой грудью, один из стражников нажал на спусковой крючок и пальнул в небо. Кору, которому пули не досталось, отбросил ружье сам под прицелом двух пистолетов.

— Дэстор! Дэстор, прошу, не надо, — его голос вдруг стал тонким и сиплым.

— Ну что, правильную ли ты сторону выбрал, мальчишка? — спросил Мангон, поднимая пистолет. Он собирался убить предателя, и это было самым логичным решением, но Таня все равно напряглась, решая, стоит ли ему помешать. В ней боролись злость и принципы, и первая пока побеждала. Лицо Кору скривилось, потому что в лице дракона он не видел ничего, кроме своей смерти, и по новеньким синим штанам, которые он выиграл в соревновании с чужеземкой несколько дней назад, расплзлось мокрое пятно. Но умереть в тот день ему было не суждено. Рука Мангона дрогнула, когда Влад совсем рядом закричал:

— Таня, ты куда?

Оставив за спиной Жослена, Вашона и Росси, которые присели, боясь попасть под пули, Таня уверенно топала в сторону замка.

— Проклятая девчонка! Раду, — Мангон сунул верной служанке в руку пистолет, и та направила его на Кору, который в этот момент благодарил всех известных богов за спасение. — Пристрели его, если дернется.

— Как скажете, господин, — отозвалась Раду и твердой рукой направила пистолет на бывшего стражника. — А я еще тебя с кухни подкармливала. Тьфу!

Мангон бросился за Таней. Она ушла не далеко, хоть и старалась идти как можно быстрее. Мангон настиг ее секунд за десять и схватил за руку.

— Хочешь, чтобы я тебя ударила? — зло бросила Таня, развернувшись к нему.

— А ты попробуй, — Мангон сдернул маску, чтобы она лучше видела его лицо и поняла, что капризы сейчас неуместны. Только это был не каприз.

— Там Виталина. Она умирает, потому что я... Я... — рывком высвободив руку, Таня повернулась и снова зашагала к замку, не в силах по-другому справиться с ужасом, который

расползлся в груди. Она должна что-то сделать, обязана. Он не может просто принять вид, что все в порядке. Мангон что-то крикнул, снова попытался ее удержать, но она увернулась. Тогда он сгреб ее за талию и прижал к себе, оторвав от земли. В этот момент снова что-то взорвалось в замке, не так громко и не столь эффектно, и над его стенами с новой силой взвилось пламя. Это стало последней каплей. Таня забилась в руках Мангона, колотила руками и ногами и орала во всю глотку от отчаяния и ненависти к себе.

— Я убила! Убила! Убила! — кричала она, и с каждым словом сил становилось все меньше. Усталость и переживания бесконечно ночи дали о себе знать. Наконец она обмякла, откинула голову, прислонилась затылком к груди Адриана, а он продолжал прижимать ее к себе, сильно, но бережно, словно любовницу. Всполохи от пожара бросали желтые блики на ее лицо, под глазами залегли тени. Таня тяжело дышала и слабо цеплялась за мужские запястья, хотя не надеялась уже высвободиться.

— Я убила ее, — она показала на умирающий замок и уронила руку.

В этот момент сам Мангон по-другому посмотрел на Серый Кардинал и испытал свой личный ужас. Над горизонтом возвышались только башни, выше всех — Южная, с которой он всегда улетал и куда возвращался. Огонь вырвался из окна Уточьей башни, на вершине которой находилась любимая комната его матери. Внизу остались ее портреты, бесценная библиотека, сотни манускриптов, секретных документов, чужих тайн, артефакты и деньги. Все полыхало и гило на глазах у великого и хладнокровного Адриана Мангона.

— А они убили меня, — проговорил он, доверяя Тане свою боль и свой ужас, единственной во всем этом мире под чужими для нее созвездиями. И она спиной почувствовала, как он пытается дышать, как резко вдыхает и выдыхает морозный воздух, как дрожит грудь.

— Тень...

— Татана.

Их боль стала одной и поделилась пополам. Они смотрели, как горит прекрасный замок, а вместе с ним сгорает что-то важное, для каждого свое, но невозполнимое, и держались друг за друга, позволив себе на мгновение забыть о том, какая пропасть разверзлась между ними.

Возвращались они медленно, иногда спотыкаясь. Мангон вспомнил, что оставил на земле врага, и ничто не помешало бы тому подняться и перебить всех его людей, но рядом с камнями появились другие действующие лица. Точнее, морды. И это в корне меняло ситуацию.

Глава 3. Прощания

В сероватой предрассветной дымке, словно призраки, появились волки. Один из них, самый большой, косматый, с отражающими лунный свет глазами, казался гигантом, духом из древних легенд. Они терпеливо ждали, пока Мангон, такой же сильный и старый, как они, подойдет ближе, и практически не шевелились. Люди прижались к камням, сбились от страха в стайку, ведь оборотней на этом берегу Отолуры не видели уже пару десятков лет. Но они снова появились здесь, чтобы заявить о своих правах, вернуть владения и власть.

Вперед вышел самый крупный волк, и Таня его сразу узнала. В их первую встречу она была на грани жизни и смерти и навсегда запомнила морду своего спасителя. Вук.

— Я получил твое послание, дракон, — невнятно проговорил оборотень. — Итак, это правда? Ты возвращаешь нам наше право свободно передвигаться по этим землям?

— Да, Вук. В обмен на твою помощь.

— Доставить вас к городу и защитить, если придется. Я понял. Все эти люди с вами? — он кивнул в сторону камней.

— Нет. Среди них два предателя, — холодно ответил Мангон. — Можешь забрать их себе.

Кору вырвался вперед и упал на колени.

— Дэстор, нет, умоляю!

— Да какой они мне сдались? Бабы в штанах, — презрительно фыркнул Вук, и сопровождавшие его оборотни зашевелились, заурчали. — Ничего плохого не имел в виду, — он слегка поклонился Тане, насмешливо приоткрыв пасть. — Ты чего в горелый замок рвалась?

— Там человек умирал, — еле слышно проговорила Таня, сжимая предплечья.

— Да там много, кто сегодня подох, — недобро усмехнулся Вук.

— Умирал из-за меня, — жестко добавила она, глядя оборотню прямо в его огромные желтые глаза. Он видел ее боль и сожаления, но лишь покачал головой.

— В первый раз? С почином.

Нет, не в первый. Еще был Айронгу, который тоже умер из-за нее. Она подумала, что все рушит вокруг себя, но признать это вслух не могла.

Небо быстро тускнело, выцветая, словно платок под летним солнцем. Звезды еще было видно, но не так ярко, шагнули из темноты силуэты кустов и деревьев, стали различимы черты лиц. Где-то далеко запела птица.

— Ночь на исходе, — сказал Мангон. — Еще немного, и мы будем подбираться к городу на глазах у всех, а нам этого не нужно.

Вук мог бы спросить про восстание, но не стал. Он только что получил былые привилегии назад и не был настроен их снова терять, ввязываясь в перепалку с драконом.

— Возьму девчонок, — сказал Вук, — они знают, как держаться на оборотне. Ты полетишь, Мангон?

— Мне нельзя оборачиваться сейчас, — сдержанно ответил тот, не вдаваясь в подробности. Пусть думает, что он не хочет, чтобы его видели мятежники.

— Тогда тебя возьмет Хокки, — распорядился вожак и принялся распределять людей по другим спинам. Хокки смотрел прямо на Таню, переступал с лапы на лапу, растягивал пасть в волчьей подобии улыбки: одним словом, ему явно было весело. Ей показалось, что она

видела этого оборотня на празднике Мабон, что узнает его. Но может быть, она просто обозналась.

К девушкам подошел Вук. От него пахло влажной шерстью и немного, на грани чувствительности человеческого обоняния, кровью. Он легко пригнулся, позволив сначала усадить себе на спину Росси, а потом взобраться Тане.

— Вы намного лучше выглядите, когда не умираете, — усмехнулся Вук, переминаясь, выгибая спину и перераспределяя вес так, чтобы и ему было удобнее, и ценный груз по дороге не свалился. — И пахнете лучше.

— Ну спасибо, — откликнулась Таня. — Все волки — мастера на добрые слова?

— Нет, я особенный. Думал, ты это поняла.

Таня не ответила, стусевавшись. Но Вук уже забыл о ней. Он внимательно осмотрел оборотней, которые пришли с ним, проверил, правильно ли сидят люди. Убедившись, что все в порядке, Вук коротко и звонко рыкнул и с места сорвался в прыжок. Таня едва не слетела с его спины, так как Росси не удержалась и врезалась ей в грудь. Пришлось наклониться, обнять подругу и самой вцепиться крепче в густую влажную шерсть на холке. Оборотни бежали быстро. Холодный влажный ветер летел в лицо, выбивая слезы. Под лапами стелилась серая трава, покрытая тонкими узорами инея. Иногда Вук оборачивался, ворчал, что-то сообщая стае, но Таня была сосредоточена только на пальцах, которые держали шерсть, и бедрах, сжимавших вздымающиеся бока: главное, не упасть.

На востоке разрасталась светлая полоса. Небо голубело, над землей за клубилась туманная дымка, окрашенная в теплый желтый цвет. Впереди, над туманом, выросли далекие шпили илибургских небоскребов, их вершины горели огнем под невидимым еще с земли солнцем: столица была рядом. Пригород еще спал, и пятерым волкам удалось подобраться к ничего не подозревающим горожанам совсем близко. Солнце протянуло первые лучики из-за горизонта, погладило серебристую шерсть. Оборотни остановились, позволив людям слезть на землю.

— Я выполнил свою часть договора, — сказал Вук Мангону, когда все оборотни оказались свободны.

— И я благодарю тебя за это. Ты и твои собратья могут свободно проходить по моим землям.

— И охотиться!

— Зная меру, — уклончиво ответил Мангон. — Мы все обсудим, когда я наведу порядок в городе.

— Значит, у меня много времени, — весело ответил Вук. То ли он что-то знал о восстании, то ли просто имел свои соображения на этот счет, но на быструю победу драконов он явно бы не поставил.

— Мы не стали друзьями, волк, — предупредил его Мангон. — Следи, что говоришь.

— Само собой, дракон, — ответил оборотень и поднял лапу. Не задумавшись, Адриан протянул руку и пожал локоть волка, как сделал бы это при прощании с человеком. Тот шлепнул его лапой по предплечью, оставив на плаще грязный след. На других людей оборотни не стали обращать особого внимания, разве что на Тане и Росси Вук задержал взгляд чуть дольше, а затем его стая растворилась вместе с утренним туманом.

Вдалеке виднелась городская стена, но сам Илибург давно вытек за ее пределы, захватив посады. Постройки лепились к стене и усеивали весь склон, образуя новые районы. Здесь находились небольшие домики в один-два этажа, некоторые покрытые цветной

черепицей, а вокруг них были разбиты небольшие огородики. Где-то там стояло убогое убежище Фарухи, в огороде которой Таня помяла базилик. Как же давно это было! Здесь, в пригороде, все еще чувствовалась провинциальная атмосфера, люди просыпались раньше, развешивали белье на веревках, держали домашних животных и ездили на лошадях. Но они уже гордо называли себя илибургцами и пользовались всеми привилегиями горожан. А также платили городские налоги.

Из тумана выступал белый мостик через речку, несущуюся к величественной Отолуре, он напоминал спину змейки, гибкой и легкой. А за мостом начинались дома, все лучше различимые в лучах поднимающегося солнца.

— Это Малый Шерр, Раду, — сказал Мангон.

— Здесь же живет моя сестра, — радостно отозвалась экономка, а потом запнулась, посмотрела на господина, словно он хотел ее ударить. — Мы же поэтому остановились?

— Да, — Мангон не смотрел на нее, стоял ровно, заложив руки за спину. — Кажется, вот тот домик, с голубым фасадом? У самой реки?

— Верно, — отозвалась Раду. — Места у нее немного, но уверена, нам с вами хватит.

— Будет лучше, если ты одна наведишь сестру и побудешь у нее некоторое время.

— Но Дэстор! Вы отсылаете меня? — Раду смотрела на него своими бледно-карими глазами, не в силах поверить в происходящее. В ее голосе слышались слезы.

— Нет. Я забочусь о твоей безопасности. И безопаснее всего сейчас — подальше от меня, — строгим тоном пояснил Мангон.

— Дэстор, это как же? Я же столько с вами бок о бок. И теперь вы меня гоните? — она протянула руки к господину, сжала его предплечья. В лучах рассветного солнца он напоминал героя легенд: высокий, статный, со смуглым лицом и острыми скулами. Коса выбилась из-под плаща, и перо на ней тревожно алело. Таню кто-то дернул за рукав: это была Росси, она хмурила брови, мол, стыдно тарашиться на Раду в таком состоянии, обычно суровую и храбрую, а сейчас треснувшую, как старая ваза. Под давлением подруги Таня отошла подальше, к Жослену и Владу, и не слышала, о чем говорил Мангон со своей верной служанкой, но иногда бросала в их сторону взволнованные взгляды. Раду прижимала руки к груди и что-то тихо говорила, Мангон нагнулся к ней, чтобы лучше слышать.

— Что будете делать дальше? — спросил Владимир.

— А я вам скажу, что! — встрял в разговор Вашон, который всегда держался чуть поодаль. Он выглядел злым и уставшим одновременно, и было в его фигуре, обмотанной мантией, гневной, напряженной, что-то удивительно поэтичное. — Я подписывал договор на один портрет. Я не собирался ни болеть страшной болезнью, ни прятаться от обезумевших бунтовщиков. Это все слишком для меня! Я не намерен оставаться здесь ни минутой более. Жослен, пойдем, у нас много дел. Нужно еще найти служанку, чтобы она привела в порядок мастерскую в городе и закупила еду. Или ты сам на рынок пойдешь?

Сен-Жан посмотрел на Таню, потом на Росси, и вид при этом имел совершенно растерянный и несчастный.

— Мастер, а как же мои друзья? — нерешительно начал он.

— Ах да, твои бесценные друзья, — Вашон сложил руки на груди, и длинные рукава его мантии взметнулись в воздух. — Твое право — оставайся с ними. Я не в силах навязывать тебе ни свои знания, ни свое участие.

— Мастер, — Жослен сделался еще несчастнее, если такое вообще было возможно. Он смотрел на Вашона, который свел густые брови к переносице, и не мог решиться. — Я же

смогу видаться с ними?

— Наверяд ли, если вы намерены остаться моим учеником, — отрезал тот. — Я недолго пробуду в Илибурге, да и в Илирии в целом. Обстановка здесь стала неблагоприятной для творчества. Я возвращаюсь в Лориш. Ты со мной?

Жослен ответил не сразу. Таня смотрела на него и видела, как он разрывался между желанием быть со своим учителем и долгом перед друзьями, и понимала, что оставаться с ней — не самая лучшая затея. Опасная, если честно, и почти безнадежная.

— Все в порядке, Жослен, — сказала она, поглаживая его предплечье. — Ты должен идти. Ты художник, твое место там, — она кивнула на Вашона, явно недовольного тем, что его ученик посмел сомневаться.

— Татана, — Сен-Жан сжал ее пальцы в руках, и глаза его были красные от выступивших слез. — Если все сбудется, все легенды, то это последний раз, когда я вижу тебя?

“Если Мангон убьет тебя”, — имел он в виду и не смел сказать. Таня кивнула:

— Да. Но это ничего. Давай я лучше посмотрю на тебя.

Она шагнула ближе, сжала его щеки, поросшие легкой щетиной, и на руки ей упали светлые кудри. Глаза у Жослена были отчаянно голубые, особо глубокие, когда на них блестели слезы. Лоб скрыт кудрями, лицо со впалыми щеками и высокими скулами золотисто-темное, будто выточенное из оливы. Такой красивый, изящный, в мире Тани он был бы любимчиком фотокамеры. Солнце поднималось над горизонтом и в его золотых лучах на мгновение показалось, что Жослен сошел с картины, где далекие тополя, и пожухлая осенняя трава, и бледное осеннее небо, и он, хрупкий ангел, не иначе. Солнечные блики запутались в его волосах, присыпанных пылью, блестули в скользящей по щеке слезе.

— Ты будешь помнить меня? — спросила Таня. Рядом всхлипнула Росси. Она гладила Жослена по плечу и прижималась к нему щекой.

— Я напишу тебя на самой великой своей картине, — пообещал Жослен и привлек Таню к себе, крепко обняв, вложив в силу рук всю любовь. А потом они пустили в свой круг Росси и стояли так некоторое время, склонившись головами, и шептали разные глупости.

— Жослен, я не могу ждать, пока вы наобнимаетесь, — прикрикнул Вашон.

— Ну что ты орешь? — протянул Владимир с явным укором в голосе. — Ребятишки прощаются. Тебе жалко что ли?

— В любой момент тут могут появиться мятежники, и я бы предпочел с ними не встречаться.

— Ну дай им еще пять минут, нельзя же быть таким старым жуком.

Вашон гневно глянул на врача, но ничего не сказал, на что потратил последние капли своего скудного терпения.

Круг распался. Друзья еще пару мгновений подержались за руки, а потом отпустили друг друга. Росси продолжала всхлипывать, Жослен зло вытирал щеки тыльной стороной руки. Таня почувствовала, что прокусила губу до крови, и быстро стерла ее. Подошел Мангон.

— Мастер прав, — сказал он, и тон его был по обыкновению спокоен и холоден. Раду рядом с ним не оказалось, и посмотрев вокруг, Таня увидела вдалеке, на противоположной стороне реки, одинокую фигурку, что брела, спотыкаясь, прочь. Что же Мангон сказал ей, как смог прогнать, как разбил сердце, возможно, самой верной женщине в его окружении? Тане вдруг нестерпимо стало жаль угрюмую, немногословную Раду, и она посмотрела на

Мангона, но на его лице застыло холодное и сдержанное выражение. — Кто хочет уходить, сейчас самое время.

— Жослен? — еще раз спросил Вашон. Он не подал никому руки и явно не собирался ни с кем прощаться. Сен-Жан обнял Владимира, кивнул Мангону и встал рядом с учителем.

— Мне жаль, что картину не удалось написать. Ваше жалованье выслано на адрес мастерской, — сказал Мангон на прощание.

— Если бы я знал, что так все будет, никогда бы не согласился на работу, — буквально выплюнул Вашон.

— Справедливо, — не стал спорить Мангон. Мастер не протянул ему руки, просто повернулся и зашагал к городским воротам. Жослен бросил прощальный взгляд на друзей и последовал за ним.

Мангон сразу потерял к художникам всякий интерес.

— Росалинда, Влад, вы тоже отправляйтесь по домам. Дальше мы с Татаной сами.

— И куда вы пойдете? Про вас в городе наверняка все знают, — сказал Владимир.

— У меня есть пару мест, которые держат верные мне люди. Там переночуем, я продумаю план, потому что в голове одни обрывки мыслей.

— Вы уверены в этих людях? — не отставал Влад. — Поручитесь за их верность в это время? А за верность их помощников? Поймите, вы дракон и все такое, но Татану таскать по сомнительным притонам я не позволю.

— У меня пока нет альтернатив, — ответил Мангон.

— Тогда приглашаю ко мне в лабораторию, — предложил врач. — Там вы отдохнете, поедите нормально и пойдете дальше, куда надумаете.

Мангон качнул головой.

— Я не могу подвергать тебя такому риску.

— А то выгатащив меня через тайный ход из осажденного замка вы не подвергли меня риску, — скривился Влад. — Пойдем, это лучшее, на что вы можете рассчитывать.

— Хорошо, возможно, ты прав, — Мангон потер глаза и снова натянул капюшон и маску, превратившись в подобие Тени.

Они двинулись вдоль речки к большому широкому мосту, по которому могли разъехаться две повозки и еще оставалось место для пешеходов. По нему проходил Тракт, ведущий к городским воротам, весьма условным, ведь город давно вырвался за пределы территории, которые они запирали.

— Росси, а тебя куда проводить нужно? — спросил Влад. Он щурился на яркий свет, чувствуя, как солнце понемногу начало согревать стылый утренний воздух.

— Мне некуда идти, — призналась Росси. Глаза ее все еще были красными. — Я из Каменок, это деревня в ста милях отсюда. Надеялась заработать в доме Амина, может, встретить хорошего парня, замуж выйти, — она вздохнула, и Таня неловко потрепала ее по руке. Парень, который так нравился Росси, предпочел ей блестящее будущее художника.

— Может быть, у тебя здесь есть родственники? Друзья? — продолжал Влад, но она снова замотала головой. — Ладно, не беда, побудешь пока у меня. А потом мы решим, что с тобой делать. Может, работку какую найдем.

Так они и отправились в город — вчетвером. До него оказалось дольше, чем можно было представить с первого взгляда. Тане казалось, вот она, стена, возвышается совсем рядом, только речку перейди, а оказалось, что и сам мост довольно длинный, и до ворот еще идти и идти. Судя по солнцу, было около семи часов по местному времени, когда они

приблизилась к центральному Илибургу. Мангон сильнее надвинул капюшон на глаза и снова стал припадать на левую ногу.

— Если стража на месте, — сказал он, — то перед воротами разойдемся. Я найду другой путь. Встретимся в лаборатории.

Впрочем, его осторожность оказалась излишней: стражи не было, а сам город представлял собой тревожное зрелище. Дома и лавки, которым в это время полагалось быть открытыми, закрывали ставни, а таверны и закусочные в столь неприбыльное время продолжали работать. Из-за их дверей слышались песни и крики, пьяные компании бродили по улицам. Один такой прохожий запутался в ногах и чуть не навалился на Росси, но Мангон ловко поймал его за шиворот и пинком отправил в сторону.

— Что, к Бурунду, тут происходит?! — прошипел он, как сделал бы Тень, и Таня вдруг почувствовала, в каком он гневе и растерянности. Они проходили мимо небольшой площади, на которой был установлен фонтан в виде дракона. Центральную фигуру явно пытались сбить с пьедестала, но это не удалось, только крылья обломали и голову, они валялись тут же, в фонтане. На площади собрались люди, в основном, молодые. Две девушки красили дракона в желтый цвет, цвет шутовства, какой-то парень мешал им, мочась на статую.

— Город взбунтовался против драконов, — озвучил Владимир очевидную вещь. — Для большинства это еще забава, они пьют, веселятся и глумятся. Но есть те, кто пошел убивать Мангона, кто за всем этим стоит, — он специально не обращался к Тени как к дракону, помня, что у каждого камня мостовой есть уши, — и они настроены серьезно.

— Нужно собрать Великий Совет, — в полголоса ответил Тень. — Один, без возможности обращаться... У Мангона нет шансов.

— Он мог бы поговорить с людьми, — предложил Влад. — Сделать заявление, выслушать требования. Насколько я понимаю, Илирия — последнее государство, находящееся под полной верховной властью драконов, народ всегда гордился этим и любил вас... Их. Нужно дать ему время повеселиться, а потом призвать всех к порядку.

— Я хочу понять, есть ли Мангона гвардия и на чьей стороне полиция. Особенно третье отделение.

— Ну а прежде всего, нужно отдохнуть. Сюда, моя лаборатория в этой подворотне, — Владимир повернул направо в арку, мимо маленькой забегаловки, из которой вышли, обнявшись, двое пьяных студентов. Здесь, далеко от центра, почти вплотную к восточной части стены, располагалась лаборатория Влада по прозвищу Странник. Ее окна выходили на тихий дворик с неработающим фонтаном под раскидистой липой. Лавочку под ней Владимир сколотил сам и сам же белил ее каждую весну. Окна на первом этаже были забраны решетками, на втором располагались жилые комнаты. Это был его дом, его пристанище, полученное через непосильную работу, порой позор и гонения. И сейчас на зеленой двери лаборатории какой-то парнишка вешал плакат с красной надписью “драконы — тупые ящеры”.

— Вали, это что такое?! — взревел Владимир, буквально подлетая к нему. Парень вздрогнул и обернулся. У него оказалось простое непримечательное лицо, глупая челка и низкий лоб. Кожа его была оливковой, как и у большинства местных.

— Дэстор Влад! Как это вы тут оказались? А у нас это... восстание, — заикаясь, начал Вали. — Мы драконов свергли.

— Это кто — мы? — сердито посмотрел на него врач. — Ты лично что ли сверг?

— Нет, но говорят, что замок Мангона сожгли, а его лично над пепелищем распяли и

тоже подпалили, — парень переводил взгляд с уставших незнакомых девушек на Влада, с него на устрашающего мужчину в черном плаще, он боялся и одновременно захлебывался от восторга. Незнакомец в черном усмехнулся.

— Дракона? Сожгли? — переспросил Влад. — Ты бы еще сказал, что они русалку утопили или оборотня в лес на съедение отвели. Ну-ка, снимай это позорище, и чтобы я больше ничего про восстание не слышал!

— Ну как же это, мастер? — спросил Вали, с несчастным видом снимая свои художества. — Ведь решается судьба города. Да что там города, страны! Надо участвовать.

— Вот ты и участвуй: делай лекарства и спасай страну. А хотя... Съезди к старой Марте, привези ей трав на зиму, — врач махнул рукой, открывая дверь в лабораторию. — Подальше от всего этого. А если узнаю, что в городе остался, уволю к Бурунду, и не послушаю эти песни про больных сестер, — он сурово свел брови, чтобы никто не посмел усомниться в серьезности его слов. — Что смотришь? Снимай!

Владимир открыл дверь, отпихнув Вали в сторону, и пропустил гостей в свою обитель. Встретила их узкая темная прихожая, свет в которую поступал только через стекло черного выхода. Здесь было прохладно — дом, скорее всего, не отапливался, и витал тот особый запах обеззараживающих средств, которые встречаются в любой приличной аптеке, смешанный с ароматом сухих трав. Владимир засуетился, принимая верхнюю одежду, и Таня вдруг ясно представила его в маленькой квартире на пятом этаже в спальном районе Твери. Он бы так же говорил “да оставьте обувь тут”, “давайте я повешу пальто”, “тут есть тапки, но только одна пара”, как делал бы это в узком коридоре с обоями в цветочек и линолеумом на полу. Таня увидела во Владе радушного и хлебосольного хозяина, чуть одичавшего без теплой женской руки, но все равно знающего, как принимать гостей.

— Росси, давай затопим печи, — предложил он, распахивая дверь в комнату, которую звал в гостиной. В центре стоял диван в окружении двух массивных потертых кресел. Перед ними — чугунная печь, черная, с позолоченными ободками и ручкой, рядом с ней простые приборы на треноге. От нее шли металлические трубы вдоль стен, ныряли в другие комнаты, разнося тепло. В гостиной было уютно и чисто, но довольно захлаплено. На столиках лежали журналы и книги, пробирки, чашки, какие-то статуэтки. Со стен скалилась пара масок с рогами, уныло опустил кисточки цветастый коврик, обнаружились даже мутные фотографии, на которых вполне был узнаваем Владимир, молодой и улыбчивый. В одном шкафу со стеклянными дверцами стояла посуда, навеявая воспоминания о родине, в другом — колбы, пробирки и почему-то свернутый улиткой ремень. Таня обошла комнату по кругу, рассматривая картины, фотографии, фигурки. У нее появилось чувство, что она погрузилась в мир Владимира, явившийся экзотическим переплетением оставленной России и местной культуры.

Росси сразу пошла к печи, открыла дверцу и принялась со знанием дела укладывать в нее дрова, которые обнаружились тут же, в поленнице. В ее движениях чувствовался опыт деревенской жизни, незаменимый в отсутствие центрального отопления.

Мангон же не проявлял никакого интереса к происходящему вокруг. Он снял плащ, и оказалось, что под ним удобный черный свитер, из-под которого выглядывал воротник сорочки, словно у студента какого-нибудь престижного колледжа. Вместе с маской Мангон оставил образ Тени и теперь стоял, сосредоточенный и почти злой, и смотрел, как внутренний дворик по сантиметру занимает солнце.

— Я включил воду, — заявил Влад, вновь появляясь в гостиной, — печи затопим, и

скоро станет теплее. Эти поганцы, мои ученики, ленились прогревать комнаты, за что им достанется отдельно. Росси, ты уже сложила клетку? Вот умница, — он по-отечески похвалил девушку, и ты заулыбалась. — Давай подожду. Я там на твераневой плитке чайник поставил. Чай попьем и будем отдыхать.

Владимир на удивление быстро сладил с Росси, и они хлопотали уже на пару, попросив Таню сесть и не мешать. В комнату вошел большой пушистый кот дымчатого серого цвета. Он с недовольным видом оглядел гостиную, занятую чужаками, прошел в одну сторону, потом в другую. У него была острая мордочка и кисточки на ушах, а на хвосте была такая длинная шерсть, что свисала метелкой.

— Ильич, уйди с дороги! — прикрикнул Владимир, внося в гостиную большой поднос с горячим чайником. — Ошпарю, потом не ной мне! А вот и чай.

За ним шла Росси с чашками в руках, сложенными “розочкой”, как складывала их любая российская бабушка. Таня обняла себя за плечи: она как никогда остро почувствовала тоску по дому. Гостеприимство Владимира было замечательным и довольно милым, но выглядело, словно самовар с баранками на улицах какого-нибудь европейского города: узнаваемо, но до боли чужеродно. У Тани в московской квартире так же хранили чашки, стоял сервиз в гостиной, а вечерами они пили с папой чай, но то было настоящим, родным, незаменимым.

— Таня, чего загрустила? — окликнул ее Влад. — Возьми вангетки, вот, в коричневом пакете. Это конфеты, — он произнес это слово по-русски, тихо, чтобы Мангон не услышал. Дракон казался погруженным в свои мысли и навряд ли замечал, что происходит вокруг. — Адриан, хватит смотреть в окно, садись с нами, — Влад вдруг перешел с Мангоном на “ты”, будто приключение сблизило их, стерло все условности.

Мангон вздрогнул, когда его выдернули из глубоких раздумий, и обернулся, вопросительно подняв бровь.

— Присоединиться к чему?

— К чаепитию, — Влад обвел руками небольшой столик, на котором дымился чайник со свежесваренными местными травами, жались круглыми боками чашки, аккуратной горкой возвышались вангетки. — Не кривись, нужно выпить горячего, крепче спать будешь.

Мангон медленно подошел к столику, посмотрел на него сверху вниз, словно на странного зверя. Мягко ступая лапами, подкрался кот, потерся о его ноги и, не дождавшись угощения, прыгнул на кресло. Таня и Росси смотрели снизу на Мангона, ожидая, что же он сделает.

— Этот день не может быть более странным, — наконец сказал Адриан и опустился на диван рядом с Таней. Ему с его длинными ногами было явно неудобно сидеть, но он смолчал. Таня бы предпочла, чтобы Адриан выбрал другое место, но на одном кресле сидела Росси, на другом вылизывал пузо кот. Чувствовать близость Мангона было странно, в ее душе все еще бушевала буря, она не знала, как относиться к этому человеку, и продолжала страдать по Тени, поэтому сжимала чашку в холодных руках и старалась не смотреть направо.

— Ваш чай, дэстор Мангон, — Росси подала его чашку на блюде, и Адриан молча принял ее. Сделал глоток. Лицо его осталось возмущительно бесстрастным, хотя он заявил:

— Это не чай, — и отставил чашку.

— А что же тогда? — Влад усадил Ильича себе на колени — тот возмущенно мяукнул — и тоже пригубил горячий напиток.

— Что угодно, но не чай. Татана, помнишь, я угощал тебя циньсиньским улуном? Вот

это был чай.

Росси и Влад заинтересованно посмотрели на Таню, будто хотели узнать, когда же она успела отведать такой дорогой напиток в компании дракона. Таня вдруг покраснела, сама не зная отчего.

— Нормальный чай, — с досадой сказала она, чувствуя, как горят щеки. — Пейте, дэстор Мангон. Травы есть полезные для спокойствия.

Адриан выразительно покосился на нее, но ничего не ответил. К чашке, впрочем, он тоже больше не притронулся. Каждый за столиком в той гостиной чувствовал, какое напряжение царит вокруг, понимал, сколько вопросов не задано и ответов не получено, и все же молчал. Самое странное чаепитие, в котором принимала участие Таня, и, пожалуй, она многое бы отдала, чтобы его не состоялось.

Когда чашки опустели — конфеты остались нетронуты, — и молча сидеть больше не осталось сил, поднялся Влад:

— Ну что, друзья мои, а теперь нужно немного отдохнуть. Адриан, предлагаю тебе свою спальню, а девушкам две гостевые. Они маленькие, и в них давно не убирали пыль, но надеюсь, вы достаточно устали, чтобы не заметить этого, — нервно улыбнулся он. — Я посплю на диване.

— Все хорошо, Влад, — проговорила Таня, касаясь его руки. — Спасибо.

— В таком случае, Росалинда, пойдем, поможешь мне с постельным бельем.

— Я бы еще посидела немного, дэстор Странник, — беспечно отозвалась Росси.

— К сожалению, я без тебя никак не справлюсь, — настойчиво повторил Влад, делая страшные глаза, и Росси пришлось подняться. — Дело в том, что я понятия не имею, куда складывает белье горничная, а приходит она раз в две недели, кроме того... — Владимир вышел, увлекая за собой Росалинду, и голос его стих, а за ним и стук девичьих каблучков. В гостиной вновь повисла тишина. Мангон сидел близко, едва ли не касаясь ее, и Таня чувствовала его тепло и до боли знакомый запах кардамона и шалфея. И как она раньше не заметила, что они с Тенью даже пахнут одинаково?

— Наверное, у тебя есть вопросы? — тихо спросил Мангон.

Нелепее начала разговора трудно было придумать. В груди Тани вмиг вспыхнула ярость.

— О да. Например, как ты можешь нормально спать ночью? — прошипела она.

— В последнее время я плохо сплю ночами. Все больше провожу их на балконе одной тэссы, — отозвался Мангон, и в его голосе послышались знакомые насмешливые нотки. Это смутило Таню и еще больше разозлило ее, поэтому она обернулась, чтобы кинуть Тени какую-нибудь колкость, но увидела, вспомнила, что его рядом больше нет.

— Кажется, ты ненавидишь меня? — спросил он.

— Да, — коротко бросила в ответ Таня.

— За то, что обманывал тебя?

Таня несколько мгновений обдумывала дипломатичный ответ, но тактичность не была сильной стороной ее натуры, поэтому настоящие чувства вновь выплеснулись наружу.

— Я похожа на игрушку? — горько спросила она. — Можно меня крутить, оторвать руку, ногу, поменять их? Можно надеть смешное платье или заставить танцевать? — когда она злилась, акцент у нее становился совершенно ужасным, она забывала слова и путала их. — Можно дать мне друга, а потом отобрать его?! Посмотри, у нее исчезать земля под ногами, как это смешно! Так?

Ее голос дрожал от гнева и слез, которые не могли пролиться, от боли, которая

раздирала грудь. Потеряв Тень, она чувствовала себя так, будто оставила на пепелище Серого Кардинала своего настоящего друга, а не вымышленного.

— Я никогда не играл с тобой, — ответил Мангон. — И как бы я хотел...

— Чтобы все было по-другому, — Таня закатила глаза. — Я уже слышала сто раз. А ладно, забывай это, — зло сказала она, отворачиваясь. — Все нормально. Ты же дракон.

“У драконов есть сердце и чувства, им тоже ведомы и любовь, и боль”. Какая ирония, рассказывая про других, Тень на самом деле имел в виду себя.

— Я не согласен это забыть, — голос Мангона прозвучал глухо и совсем рядом. — Потому что мне не все равно. Снять маску Тени перед тобой и увидеть ужас на твоём лице... Это было настоящим ударом, я даже не думал, что будет так сложно.

Таня не обернулась. Мангон положил локти на колени, сцепил длинные пальцы и продолжил:

— Я просто был заинтригован. Хотел поговорить с тобой, узнать, какая ты, ведь до сих пор мне не приходилось встречаться с людьми из обратных миров. Просто так ты бы со мной разговаривать не стала, ты боялась меня и ненавидела по вполне понятным причинам. Но когда тебе, несмотря на это, хватило сил в открытую выступить против меня, мне стало немного интересно. Тогда и пригодился Тень.

— Ты придумал его для меня? — Таня наконец повернулась и посмотрела в знакомые янтарные глаза.

— О нет, — улыбнулся он. — Ты особенная, но не настолько, извини. Тень существует очень давно. Он — глоток свежего воздуха в моей жизни, способ не быть Мангоном.

— Не быть Мангоном?

— Это сейчас не важно, — с нажимом проговорил Адриан. Он сидел на расстоянии вытянутой руки, ближе, чем когда-либо в своём истинном облике, и Таня понимала, что все еще боится его. — Я не думал, что разговоры с тобой станут такой же отдушиной, как и брожение по крышам или выпивка в компании простых мужиков.

— О, крыши, выпивка и я. Отлично.

— Речь не об этом, — раздраженно проговорил Мангон. — Я хочу сказать, что мне самому не нравится, во что это все превратилось. План был не такой! Я хотел просто узнать, кого не пожалел для меня Амин, а потом найти с Айронгу способ вернуть человечность, а тебя отпустить домой. Великая Матерь мне свидетель. Я не собирался болтать с тобой ночами, учить твой язык и покупать для тебя безумно дорогие платья, чтобы доказать, что ты в них можешь быть прекрасна! — в конце он стал говорить громче, и Таня отпрянула, удивленная бурными эмоциями.

— Я и не просила ничего... — начала было она, но Мангон снова ее прервал:

— Ты хоть слово поняла из того, что я хотел сказать?

Таня набрала в грудь воздуха, чтобы достойно ответить, но ее прервали. Сзади раздалось вежливое покашливание: в дверях стоял Влад.

— Друзья мои, предлагаю сделать перерыв в криках друг на друга и немного отдохнуть. Спальни готовы.

Таня и Мангон выразительно посмотрели друг на друга. Оба были в смятении, и короткий разговор ничего не расставил по местам, но они слишком устали, чтобы выяснять отношения, а Таня вообще не была готова слушать какие-либо доводы. Влад прав, отдых был лучшим выходом.

Адриан поднялся, отряхнул с брюк невидимые крошки. Таня встала вслед за ним.

— Дэстор Мангон, — тихо позвала она. Он быстро обернулся. — Скажите Тени, что я буду скучать. Очень-очень сильно.

— Татана...

Но Таня уже обогнула старенький диван и шла прочь из гостиной. Видеть полное раскаяния лицо Мангона было выше ее сил.

Наверх вела простая, но крепкая деревянная лестница. Наверху обнаружился такой же тесный коридорчик, в котором с трудом расходились три человека. Влад показал Мангону свою комнату, и тот исчез за дверью, не сказав ни слова. Таня бросила ему вслед встревоженный взгляд, но ее окликнула Росси:

— Татана, все в порядке? Мангон так кричал, — тихо спросила она.

— Да говорил немного громче, чем обычно, — отмахнулась Таня. — Помнишь, как он залился, когда Виталина сделала ужин?

Они улыбнулись воспоминаниям, ставшим вдруг далекими и неожиданно теплыми, но потом в памяти всплыла Виталина, примотанная к стулу, воображение услужливо дорисовало языки пламени, и улыбка исчезла без следа.

— Давай отдыхать, — предложила Таня.

— Да, Татана. Я хотела попросить, — Росси немного помялась. — Можно я посплю с тобой? Мне будет очень страшно одной. Я знаю, что это дом Влада, он наш друг, но в этом городе, когда по улицам бродят мятежники... Я все жду, что они вломятся в окна.

— Конечно, Росси, — кивнула Таня. — Отдадим кровать для Влада.

Они объявили Владимиру, что он не должен больше ютиться с котом на диване, и вошли в очередную комнату, которая ненадолго стала принадлежать им. Здесь было простенько и уютно. Основательную кровать на толстых деревянных ножках Росси застелила свежим бельем, на невысоком комодике стояла пузатая ваза в компании статуэтки дракона и стеклянной лампы для свечи. Скромную обстановку дополняли платяной шкаф в углу и ковер на полу. Окно выходило на залитый солнцем дворик, но в комнату солнце пока не проникало. Несмотря на это, Росси дернула рычажок рядом с рамой, и на стекло опустились медные пластинки, напоминавшие жалюзи.

— К вечеру солнце будет здесь. Я хочу, чтобы ты отдохнула, — пояснила она. — Ночную одежду я не взяла, извини, слишком была напугана. Вот, Влад дал нам мужские рубахи, говорит, что они чистые. Ты уж потерпи, — Росси скривилась, будто предлагала Тане какую-то непристойность. А Таня смотрела на подругу, несчастную, с этими глупыми рубашками в руках, и любовь затопила ее сердце.

— Все равно на одежду, — сказала она. — Я так рада, что ты жива, Росси.

— И я тоже, — ответила Росалинда, и дрожащий голос предвещал обильные слезы. — О, Татана, как я рада, что ты со мной!

Росси бросилась Тане на шею, уже не сдерживая слез, и некоторое время они стояли так, обнимаясь, давая себе время перевести дух и осознать все, что с ними произошло. Потом они переоделись и улеглись под холодные одеяла: комнаты все еще не успели прогреться, хотя в черных батареях, проходивших внизу стен, журчала горячая вода. Росси, измученная слезами, уснула почти сразу, прижавшись лбом к плечу подруги. Таня же еще долго лежала, глядя в крашенный потолок, и пыталась пережить события этого утра. Но перед глазами то и дело возникало лицо Мангона, а в ушах звучал его голос: “Ты хоть слово поняла из того, что я хотел сказать?” Как страшно было понять, это меняло все, и как дальше жить с этим пониманием, было совершенно не ясно. Но через некоторое время к Тане пришел сон,

тяжелый и беспокойный, и избавил ее от размышлений.

Когда Таня проснулась, был уже вечер. Она обнаружила это, дернув за рычажок у окна и впустив в комнату фиолетово-красный свет умирающего дня. На душе было тяжело, но дышалось куда проще, чем несколько часов назад. Поистине сон решает многие дилеммы. В животе заурчало — голод брал свое, как бы не сотрясался мир вокруг, и молодой организм требовал еды. Таня тихо переоделась, стараясь не будить Росси, и спустилась в гостиную.

Квартира Влада прогрелась за целый день. Почти все двери в ней оказались открыты, а сам хозяин обнаружился в лаборатории. Она была не такой большой, как зал, выделенный Владу в Сером Кардинале, зато это была настоящая лаборатория, больше напоминавшая кабинет алхимика. Таня удивленно присвистнула, войдя, и принялась осматриваться.

— Добрый вечер, Танюша, — поприветствовал Владимир по-русски. Мангона рядом не было, и он мог не опасаться, что он догадается об их связи. — Как ты себя чувствуешь?

— Жить можно, — пожала плечами Таня, рассматривая свое кривое отражение в большой пузатой колбе. Влад некоторое время следил за ней, будто желая удостовериться, а не врет ли, а потом, довольный увиденным, спросил:

— Ну, как тебе моя берлога?

— Она потрясающая, — улыбнулась Таня. — Особенно серванты в гостиной.

— О да, — улыбнулся в ответ Влад. — Известно, что можно увезти человека из деревни, а вот вывести деревню из человека не получится. С родиной так же. Посмотри, какой перегонный куб. Я заказывал его выдувку на стекольном заводе, по моим собственным чертежам, — гордо сказал он. — Красивый, правда?

— Я в этом ничего не понимаю, — призналась Таня, — но выглядит внушительно.

— О, у меня есть кое-что для тебя, — Влад открыл люк в полу, нырнул в помещение внизу на минуту и вернулся с коробочкой. — Там мои холодильники. Я голосую за развитие электричества, но пока это привилегия для богатых, поэтому приходится ставить твераневые баллоны, чтобы сохранить медикаменты. Это для тебя. Надеюсь, не поздно.

Таня с любопытством смотрела, как Владимир открывает деревянную шкатулку. В ней, пересыпанные опилками, лежали ампулы.

— Это вакцины от местных болезней. Я выбрал самые опасные и сделал когда-то эти препараты для себя. Как видишь, я жив-здоров, поэтому могу предложить их тебе. Навряд ли тебе захочется закончить жизнь с гноящимися глазами или от разлагающегося кишечника.

— О нет, — ответила Таня. Она аккуратно подцепила ногтем одну из ампул и посмотрела желтую жидкость на свет. — Я планирую умереть в огне дракона.

— Кстати об этом. Сначала закатай рукава, оба. Колоть сразу все не желательно, но соблюдать календарь прививок у нас не получится, — сказал Влад, набирая в многоразовый шприц с металлическим поршнем вакцину. — Кстати о твоём жертвоприношении. Мне ответил Свирл, он готов отправить тебя домой в ближайшие дни.

Сердце у Тани замерло, она даже не почувствовала, как игла вошла в плечо.

— В ближайшие дни? То есть я могу скоро увидеть папу? — голос предательски дрогнул.

— И обязательно увидишь, — заявил Влад, прикладывая к месту укола ватку. — Надо только кое-что купить из расходников. Товар редкий и дорогой, но у меня есть сбережения, должно хватить.

— Влад, — Таня схватила его руку, в которой он сжимал второй шприц, и посмотрела

ему в глаза. — Я же не смогу вернуть деньги.

— Танюш, если ты вернешься домой, ты отплатишь мне сполна, — его взгляд был настолько добрым и нежным, словно он и вправду был ее добрым дядюшкой. Могла ли Таня подумать, что встретит таких замечательных людей в этом забытом богом мире? — Ну вот и все. Возможно, завтра ты будешь чувствовать себя не очень хорошо, но это нормально. Если что, обращайся прямо ко мне.

Таня сидела, прижав вату к ранке, где букет иномирных вирусов начали свои попытки уничтожить ее организм, и собиралась с силами, чтобы задать важный вопрос врачу. Влад суетился, перебирая инструменты, наводя на столе порядок. Вскрытые ампулы полетели в корзину, за ними отправилась игла.

— Владимир?

— Да, Танюш? — он повернулся, спокойный, домашний.

— А у тебя умирали пациенты? — голос предательски сорвался, засипел.

Влад нахмурился, поправил инструменты в металлическом изогнутом лотке.

— Конечно.

— Я имею в виду, умирали ли люди... ну... из-за тебя? То есть, не ты их конкретно убил, — поспешно поправилась она, — но ты понимаешь, что мог бы их спасти, но не спас?

Влад посмотрел на нее долгим тяжелым взглядом из-под кустистых бровей. Он, конечно, понимал, о чем беспокоится Таня, что гложет ее еще не встречавшуюся с настоящими дилеммами совесть, но вопрос всколыхнул другие, его собственные воспоминания. В его глазах на несколько секунд появилась такое глубокое несчастье, старое, отравляющее кровь и сны, что у Тани холодок пробежал по спине.

— Да, Танюш, такое часто случается. Если честно, почти каждый раз, когда умирает кто-то из моих пациентов, я думаю, что мог бы его спасти. И ненавижу себя за то, что не смог. И его ненавижу.

— А пациента-то за что? — Таня удивленно распахнула глаза.

Влад скривил губы в подобии улыбки.

— За то, что не принимал лекарств, не поставил ребенку прививку, ходил полуголым по морозу и прочее, прочее. За то, что заставил меня чувствовать... Вот все это, — он снова отвернулся к столу, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами.

— И как ты справляешься?

— Как и все врачи — черствею душой. Цинизм, сарказм, здоровая злость — наши лучшие друзья. Пациенты часто недовольны этим, но что ж поделать, — Влад развел руками. — Иначе сердце не выдержит, надорвется и встанет. И так я точно уже никому не помогу. Э-эх, не хотел я всего этого, хотел в микроскопы смотреть и в чашку Петри палочкой тыкать. А жизнь-то, она вон как повернулась.

— И как же это — научиться быть циничной и злой? — спросила Таня, легко уворачиваясь от яда чужой боли и возвращаясь к своей. Она представила, как щит из цинизма и равнодушия защищает ее от мыслей о Виталине, что сгорела в драконьем замке, как за ним не слышно воображаемых криков.

— Жизнь сама нас учит, девочка моя, быть злыми и прыскать сарказмом направо и налево, — невесело усмехнулся Влад. — Ты попробуй остаться если не доброй, то хотя бы по возможности справедливой — вот это та еще задачка.

— Один человек сказал мне, что справедливости не существует, что то, что хорошо одному, принесет боль другому, — от воспоминаний о Тени стало только хуже.

— Если не справедливость, то что же признает твой друг?

— Милосердие, — пожал плечами Таня. — По крайней мере, он уверен, что не достоин его.

— Ну, это не ему решать. Иногда Бог твердо намерен быть милосердным, и как бы ты ни уворачивался, догонит и простит тебя.

Влад хотел продолжить мысль, но не успел: в дверях появился Мангон. На нем был черный плащ, маска спущена под подбородок. Он внимательно посмотрел на Влада и Таню, которая застегивала рукава, но никак сцену, открывшуюся ему, не прокомментировал.

— Я собираюсь в таверну поужинать, — просто сказал он.

— Не боишься выходить на улицу? — спросил Влад, снова перекладывая предметы на столе.

— Как Тени мне нечего опасаться.

— Если честно, я бы тоже не отказалась поесть, — Таня потерла живот, который уже ощутимо сводило от голода.

— Но я не успел купить продуктов, — Влад сокрушенно развел руками. — Однако я не думаю, что выходить сейчас на улицы — лучшая идея.

— Не выходите, — пожал плечами Мангон, натягивая капюшон по самый нос. — А я хочу послушать, что говорят люди. Что смотришь, Татана? Ты со мной?

Странно, как менялся его голос, стоило ему только натянуть маску на лицо. Пропадали холод и чопорность, появлялись разные краски и интонации, например, игривая, как сейчас. Он снова становился Тенью, насмешливым и свободным.

— Влад, я хочу в эту...

— Таверну, — подсказал Тень.

— Да. Со мной все в порядке, я могу стоять за себя, если что, — Таня чувствовала себя так, будто отпрашивалась у отца. Владимир нахмурился.

— Одних я вас не отпущу, и не уговаривайте, — от встал и принялся убирать бумаги, над которыми работал, когда вошла Таня. — А тебе бы надеть юбку. Женщина в брюках точно привлечет внимание, особенно с белыми волосами и кожей.

— Что, Влад, может, завалилась у тебя юбка какая-нибудь? — спросил Тень.

— Адриан, что за глупости? Откуда?

— Неужели девушки никогда у тебя ничего не забывали? — он почти в открытую смеялся.

— Без юбки пока никто не уходил, — резко ответил Влад.

— Кажется, ты не заставлял их терять голову?

— Да что с тобой такое? — сердито спросил смущенный врач. Он пристально посмотрел на Мангона, явно не узнавая старого знакомого в этом бесстыжем призраке.

— О, когда он надевает эту тряпку, он становится... — Таня запнулась, подбирая слово: ее знаний катастрофически не хватало, чтобы выразить противоречивое отношение к этому человеку.

— Давай я подскажу тебе. Невыносим, — протянул, почти мурлыкнул Тень.

Таня закатила глаза. Слово, которое он подобрал, было самым точным.

— Вот, возьми это, — Владимир достал из шкафа коричневый плащ, шерстяной, старый и очень длинный. Таня натянула его на плечи, спрятала голову в объемном капюшоне. Ей в нос ударил запах слежавшейся ткани и пыли. Кажется, плащ давно никто не надевал. Она крепче затянула тесемки и только тогда вспомнила о Росси, которая наверняка

испугается, проснувшись в незнакомом доме одна.

— Ты права, — согласился Влад. Он уже надел короткую куртку, напоминавшую дубленку, и был готов выходить. — Я разбужу ее и предупрежу, чтобы не волновалась. Подождите меня на улице.

Лабораторный дворик тонул в прозрачных сумерках. Здесь пахло сладковато, то ли перегноем, то ли нечистотами: к канализации подключился еще далеко не каждый дом. Липа сбрасывала пожухлые листья и они кружились в воздухе, словно мертвые мотыльки. В промежутке между крышами было видно кусок ночного неба, на котором зажигались звезды. Он были здесь намного бледнее, чем далеко от города, и все равно тревожили душу, далекие, чужие. Тень стоял рядом, и они с Таней не говорили друг другу ни слова. Любая мысль, как начать разговор, казалась неуместной и глупой. Время тянулось бесконечно, и когда Влад все-таки появился на пороге лаборатории, Таня тихо выдохнула от облегчения.

— Я предупредил Росси и дал ей поручение, чтобы ей не было скучно. Я пообещал принести ей еды, так что отведи нас в место попримечнее, — сказал он, зябко засовывая руки в карманы.

— Разве я могу отвести вас в дурное место? — возмутился Тень.

— Я его не узнаю, — тихо признался Влад. — И мне это не нравится.

— А мне не нравится настоящий Мангон, — тихо ответила Таня по-русски. — Надутый мороженный индюк. Кстати, ты знал, что современные ученые считают, что динозавры — это не ящеры вовсе, а предки птиц. Может, и драконы — это просто стервятники-переростки?

— Это бы все объяснило, — улыбнулся Влад.

Тень шел впереди, беспечно пиная камушки, попадавшие на мостовой. Никто не смог бы подумать, насколько внимательно он вслушивается в чужую речь, еле слышно звучащую за его спиной.

Центральная улица Илибурга, тянущаяся от ворот к небоскрегам, разительно отличалась от темных дурно пахнущих двориков, жмущихся к стене. Вдоль широкой дороги горели ярким желтым светом фонари, толстые скрутки проводов тянулись от них, словно змеи, и ныряли в подстанции, где жадно впитывали тверань из больших баллонов. Чем ближе к центру, тем богаче становились дома. Они все дальше отодвигались от дороги, огорожаясь заборами и садами, смотрели на празднично шатающихся людей арками слепых окон и балконов, которые поддерживали извивающиеся кариатиды. Небоскребы с каждым шагом становились все ближе, возвышались над прохожими, словно пальцы, готовые в любой момент схватить их. Высотные дома тускло блестели медными боками в вечернем свете фонарей. Здесь располагались апартаменты для богатых и, самое главное, государственные учреждения, поэтому небоскребы были устроены так, чтобы в любой из них с легкостью мог попасть дракон. Многие венчались посадочными площадками, от которой вниз тянулась шахта, по которой дракон мог бы доползти на любой этаж. Вокруг некоторых тянулись уступы, словно весь центральный район был площадкой для громадных обезьян. Таня вспомнила дом Филлиона и круглое отверстие в потолке, через которое в дом залез изумрудно-зеленый дракон, испугавший их с Росси до полусмерти. Тогда Таня не думала, что огромные ящеры станут для нее обыденным явлением.

Таня вспомнила, как смотрела в окно тверамобиле, везущего ее в лапы дракону, и как красив был Илибург в спокойное время. Таня представила, что по центральной улице прогуливаются богато одетые люди, останавливаются, чтобы поздороваться, пожимают друг другу локти. Дамы в вычурных шляпках и платьях с объемными турнюрами, мужчины в

дорогих костюмах с жилетами, в цилиндрах и, конечно, с тростью. По дороге неторопливо едет экипаж, запряженный вороным конем, или, может быть, тверамобиль, останавливается у особняка, в котором широко распахнуты двери, а из холла на темную улицу льется свет. Тонкой струйкой в особняк стекаются гости, предвкушая веселый вечер. Но сейчас ворота были надежно заперты, свет в комнатах, окна которых выходили на главную улицу, старались не зажигать, чтобы не возбуждать интерес сомнительных личностей, которые толпами бродили по мостовой. И даже экипажи старались объезжать Центральную улицу стороной.

Таня чувствовала себя одной из таких бесцельно бродящих людей. В основном они гуляли небольшими группками, возбужденные, они говорили громко и много двигались. Иногда их неумная энергия выплескивалась наружу, и какой-нибудь несдержанный парень нападал на фонарь и бил, и гнул его, пока тот не становился похож на гору металла и не переставал светить. Тень, наблюдая за тем, как громят его любимый город, растерял остатки веселья, и теперь скользил вдоль стен, безмолвный и пугающий. Таня цеплялась за руку Влада, и они старались держаться рядом с Мангоном.

Они не дошли до дома Амина буквально пару кварталов и повернули направо, в Жасминовый переулок, одно из мест в городе, где располагались самые дорогие рестораны. В лучшие дни здесь горело много огней, заведения светились панорамными окнами, и было видно, какая шикарная публика вкушает внутри деликатесы и как лощеные официанты скользят между столами, словно угри в воде. Но сейчас стекла были закрыты деревянными ставнями, в одном из ресторанов окна были разбиты, кадки с цветами перевернуты, и земля высыпалась на дорожки. Чрево ресторана было развращено и разграблено, лампы побиты, и лишь блестел медным боком бар у дальней стены, в котором не осталось ни одной бутылки.

Тень не смотрел по сторонам. Он шел мимо шикарных заведений в самый конец Жасминового переулка, туда, где располагалась старая таверна “Красный Петух”. Ею владела семья Дубовичей не одно столетие, и пользовался “Петух” отвратительной репутацией, но никакие силы не могли выжить его из этого фешенебельного района.

— Добро пожаловать в “Красный Петух”, — Мангон насмешливо поклонился, пропуская Влада и Таню вперед.

Вниз вела короткая лесенка. Стоило спуститься, как гость попадал в большой зал, где не было потолочного света, а на стенах висели канделябры, в которых коптили толстые свечи. Поэтому тут было дымно, жарко и темно. Пахло едой, табаком, потом и еле уловимо — воском. Откуда-то из глубины раздавались звуки расстроенной гитары, но их перекрывал гомон людских глоток. Кухня располагалась в глубине таверны, и двери ее постоянно распахивались, чтобы выпустить разносчицу с подносом.

Таня о таких местах только читала в книгах, и на деле все оказалось не так здорово, как на страницах. Несмотря на то, что таверна была не средневековая, пахло здесь все равно дурно, и заталкивать в легкие теплый пахучий воздух было тем еще испытанием. Тень же, по всей видимости, чувствовал себя в “Петухе” прекрасно. Стоило ему подойти к барной стойке, как его тут же узнали:

— Тень, дружище! — пророкотал огромный бармен, и голос, похожий на звук трубы, перекрыл даже шум толпы. — Сто лет тебя не было! Это кто же с тобой?

— Это Ролу, старый сапожник, и его молодая жена, Розетта, — прохрипел на ухо бармену Тень. Чтобы услышать его, здоровяку пришлось перегнуться через стойку.

— Здорово, что ты вернулся в город, — пророкотал бармен, потирая длинную курчавую

бороду. — Скоро придут музыканты, настоящие, не то, что этот пройдоха, — он кивнул на гитариста. — У нас сегодня праздник.

— Вот как? Что празднуем?

— Как что? Ты из навозной ямы вылез что ли? — коротко рассмеялся бармен. — Кейбл сегодня объявил, что отдает столицу людям! Видать, испугался гнева народа. То-то же, столько лет драконы нами помыкали и наконец-то нас ждет свобода! Ну, проходи, вон столик в углу сейчас вам освободим. Там мародеры собрались, не люблю этот сброд, гнусные они.

Бармен отложил кружку, которую натирал все это время, и медленно подошел к дальнему столику. Что-то сказал собравшимся там мужчинам. Двое встали добровольно, еще троих пришлось выгонять пинками под улюлюканье толпы. Кто-то из завсегдатаев даже помог бармену и отвел душу на спинах посетителей, попавших под опалу.

— Ну вот, стол свободен, — добродушно сказал бармен, как будто не он сейчас раздавал подзатыльники и дергал за шкурку других людей. Пару привычных движений полотенцем, и стол снова чистым. — Сейчас скажу Анке, чтобы принесла тебе и твоим друзьям как всегда. Хороша у тебя женушка, — подмигнул бармен Владу и ушел, держа в каждой руке по три кружки.

— О чем это он? — спросил врач, усаживаясь рядом с Таней за стол.

— Не имею представления, — ответил Мангон. Таня чувствовала кожей, насколько он зол. Она не могла понять, почему именно, половины из происходящего она не осознавала, могла только слушать, смотреть вокруг и стараться уловить меняющееся настроение. Мангон поставил локти на стол, сцепил пальцы и упер в них подбородок. Он смотрел по сторонам, молчал и слушал, почти как Таня, только причиной тому было не ощущение, что тонешь в неведомом мире, как у нее, а желание понять, что на самом деле происходит в его городе.

К столику подошла Анка, невысокая девушка с круглым добрым, но усталым лицом. На подносе у нее стояло три огромные запотевшие кружки. И как она только донесла их, не пролив? Влад понюхал золотистую жидкость.

— Мед?! Мангон, ты с ума сошел? Тане нужно поесть. Девушка! — крикнул он Анке. — Принеси нам лучше вот что...

Вскоре на столе появились большие миски с густым говяжьим супом, блюдо с дымящимся жарким, луковая закуска, хлеб, нарезанный крупными кусками, и горшок тушеных овощей. Таня, чувствуя себя ребенком на взрослом празднике, отправляла в рот то одно, то другое, чувствуя греховное удовлетворение от того, как тепло и сытно становится в животе. Влад с удовольствием присоединился к позднему ужину, а Тень просто тянул мед, опустив маску под подбородок. Вскоре его кружка опустела, и он потребовал еще одну.

Мужчины за соседним столом обсуждали ситуацию в городе. Они явно сидели уже давно, успели опьянеть, протрезветь и снова напиться. Долгое время их рассуждения вертелись вокруг того, как здорово заживут люди, когда драконы наконец уберутся обратно в Огненные пустоши, и эти фантазии, имевшие мало общего с реальностью, только раздражали Мангона. Но когда речь зашла о Кейбле, он напрягся, подался вперед и приготовился слушать.

— А я говорил, что нужно Кейблу все в морду его поганую сказать, — заявил один из пьянчуг, стукнув кулаком по столу. — Потому что правда с нами, и вот супротив этой правды он ничеготеньки поделать не сможет.

— Так что ж ты не пошел к Железной башне? — спросил другой.

— Я ж это... Жена к матери своей потащила, говорит, капусту убирать пора, померзнет... — за столом раздался дружный хохот, кто-то выпил за семейные скрепы. — Чего ржете? А то вы своих жен не слушаете!

Разговор было ушел в сторону семейных дразг, но Мангон ловко направил его в обратное русло, вкинув одну фразу:

— И что, его бы пустили в Железную башню?

— Да кто б его пустил? — удивился мужчина в темно-зеленой шапке. — Туда собрались представители ордена геоцинта, они говорили от лица всех нас.

— Ну да, такие же богачи, только что крыльев у них нет, — буркнул кто-то, но на него все сразу зашикали, замахали руками.

— Ты помолчи, старый, если не знаешь, о чем говоришь! В ордене геоцинта самые храбрые из нас. Ты бы полез в пасть дракона? То-то же. И я б не полез. А они прошли в Железную башню и заставили Кейбла оставить наш город в покое.

— Я-то помолчу, — продолжал старик, — если ты мне подскажешь, как это их пустили в башню и не пожгли к Бурунду всех? А еще и власть вернули?

— А я и говорю, — встрял пьянчуга, который затеял разговор, — описали поди всю обстановку, так, мол, и так, весь народ против тебя встал. Мангона спекли в замке, Уэллу голову отрубили, остальных никто уже давно не видел. Один он остался, вот и скумекал что к чему.

— Голову Уэлла видел, да. Мангона мертвого не видел, но может случиться. Да даже если один остался... Не толкай меня, свинячье отродье! — старик со всей силы ударил по пальцам парнишку, который пытался его вытолкать, и тот взвыл. — Даже если один остался, что ж, он не защитился бы от вас, дураков?

— Дед, вот чего ты пристал? — поморщился мужчина в зеленой шапке. — Видел, катапульти какие по городу стоят? Говорят в них что-то, что разъедает чешую этих тварей, и их можно проткнуть хоть копьем, хоть шпагой.

— Ух, попадись мне дракон, — протянул пьяница, — я бы его убил. Вылил бы зелье это и своими руками бы задушил...

— Да ты и собаку не задушишь, у тебя от пива руки все трясутся! — за столом снова грохнул дружный хохот.

— Анка! — Тень взревел так, что Таня подпрыгнула на месте. — Еще кружку!

— Эй, — Таня тронула его за руку, — ты как?

Мангон повернулся и посмотрел на нее. Он был пьян: выпил уже три огромные кружки, так и не поев ничего, — но в глазах горел гнев, а губы были сжаты в упрямую полоску. Таня и сама уже попробовала мед, тягучий, густой и коварный, он быстро вскружил ей голову, разлился колющим теплом по членам. Она почувствовала, что расслабляется, будто наконец смогла опустить тяжелый камень и поняла, насколько затекли ее руки.

— Они говорят, что Уэлл мертв, и его голову можно увидеть, — зашептал Мангон на ухо Тане голосом Тени, — что Кейбл предал нас. Что у них есть зелье, растворяющее чешую, а орден гиацинта оказался рыцарями-освободителями. И все у меня под носом, пока я смотрел на восток, на чертовых феррийцев, которые грабят границы... Я должен все увидеть своими глазами.

Решившись на что-то, Тень натянул повязку на лицо и попытался подняться, вероятно, чтобы тут же отправиться посмотреть на голову Уэлла или напрямиком к Кейблу.

— Великая Матерь, сядь, — Влад дотянулся до него и силой усадил обратно. — Ты пьян

и никуда не пойдешь.

В таверне началось движение. Люди в центре зала вставали из-за столов, раздвигали их, освобождая место, появились новые лица. Это были обещанные музыканты в неярких, но удивительно многослойных одеждах. У единственной девушки можно было насчитать пару десятков юбок, из-под которых выглядывали стройные ножки. На мужчинах было несколько рубашек, поверх них жилеты, камзолы и перевязи, надетые крест-накрест. Головы их венчали небольшие цилиндры. Музыканты проверяли инструменты, посетители их подбадривали и шумно комментировали.

— Напомни, кто такие Уэлл и Кейбл? — тем временем спросила Таня.

— Мои друзья. Они... — Тень чуть было не сказал “драконы”. — Такие же, как я. Уэлл — книжная ящерица, хранитель знаний. Хозяин великой библиотеки. Кажется, он знал каждый том. Он водник, у таких, как Уэлл, нет дара огня. Он голос разума и наша совесть. И совсем не умеет драться. Не умел, если эти недоумки не врут, — он замолчал и сделал большой глоток из новой кружки.

— А Кейбл?

— Генерал Кейбл, — протянул Мангон. — Старейший в Илибурге, старше его только Аррон. Главный среди нас, глава города, повелитель всего, — в его голосе звучали странные ноты то ли зависти, то ли злости. — Он не мог продать город, он и так может взять все, что захочет.

— Тогда, может, не все? — тихо предположила Таня. Мангон снова посмотрел на нее долго и серьезно, как только мог в своем состоянии. Заиграла веселая музыка. Девушка вступила первой, крепко прижав скрипку к подбородку, за ней вступила вторая скрипка, послушная длинным пальцам парня в полосатом цилиндре. За ними волынка, и гитарист ударил по струнам своей яркой гитары с непривычно маленькой декой. Последний участник группы сел за большой пузатый барабан, звук которого делал музыку ощутимой почти физически и пробуждал в душе особое возбуждение. Мальчишка в смешно сдвинутой кепке, прибывший с музыкантами, бросился вперед, в свободный центр, и принялся танцевать так задорно, что к нему присоединилось сразу несколько человек. Музыка была громкой, простой, но с ощущением эпичности происходящего, словно из титров к хорошей приключенческой истории. Вот и Влад, сидевший настороженно весь вечер, вдруг заулыбался и начал притопывать ногой.

Заиграла вторая мелодия, и мимо их столика пролетела пара, парень и девушка, выплясывающие бесхитростный, но радостный танец. Те, у кого пары не было, просто притопывали. Анка ловко маневрировала среди танцующих с полными бокалами пива и меда, рискуя в любой момент свалиться и разлить напитки, но каждый раз чудом оставаясь на ногах.

— Тень! — радостный женский восклик с трудом пробился сквозь громкую музыку. Женщина лет тридцати извернулась и упала на колени Мангону, обвинив его шею руками и чмокнув в капюшон. — Наконец-то ты пришел. Какой у нас праздник! Ты обязательно должен потанцевать со мной.

Таня удивленно наблюдала эту картину. Она знала Мангона очень недолго, но с трудом могла представить у него на коленях веселую кудрявую девицу, радостную, как сама жизнь, и не обремененную приличиями. Тень что-то сказал ей на ухо, и противное чувство завертелось в Танином желудке, обожгло сердце холодом. Она нахмурилась, потерла грудь. Что с ней?

— Да не ты один! Мы все пьем здесь за рушащийся мир! — рассмеялась девица. — Так пойдем потанцуем на его костях!

Мангон упрямо помотал головой. Он достал откуда-то свернутую банкноту и велел ей выпить за бедовую голову Уэлла.

— Я вообще не пью за драконов, но Уэлл был безобидным малым, — задумчиво проговорила она. — Ладно, но если только ты никому не скажешь.

И девица ловко спрыгнула с коленей Тени, чтобы спустя несколько секунд протянуть полученную купюру бармену. А Таня со спутниками остались сидеть, молчаливая троица посреди бушующей радости.

— А знаешь, что? — сказал вдруг Тень. — Пошли танцевать!

Таня посмотрела на него, будто он вздумал прямо в таверне обернуться в дракона.

— Тень, ты в порядке? Мне страшно за тебя.

— Серьезно, пошли! Сезара права, потанцуем в последний раз на костях моего мира, — он смотрел на Таню, и глаза его дико блестели.

— Это не хорошая идея, — забормотала она, но Тень ее не слышал. Он уже встал и тянул ее за собой.

— Куда вы? — спросил Влад, пытаясь перекричать грохот музыки.

— Он ушел с ума, — с несчастным видом пояснила Таня, — и хочет танцевать.

— Так иди, милая, — улыбнулся Влад. — Я присмотрю здесь, — и принялся ловко собирать еду в припасенную сумку.

Как так могло получиться, что она оказалась в центре, среди столов, кружек, людей, криков и трелей скрипок, захлебывающихся от восторга? У нее кружилась голова, а ноги оказались легкими, как никогда раньше. Таня замерла напротив Тени, который, хоть и скрыл лицо капюшоном, улыбался, она это знала. Мимо промчалась парочка, толкнула ее в спину локтями, Таня полетела вперед, но Тень ловко ее поймал, одной рукой обхватил за талию, другой сжал пальцы и, не давая опомниться, потащил в общий вихрь. Впервые Тень был без перчаток, и руки у него оказались сухие и горячие. Они сначала мчались просто по кругу, приставляя одну ногу к другой, потом Тень закружил ее, подхватил, и вот они уже двигаются в другую сторону. Таверна вращается, мелькают люди, лица и столы. Капюшон слетает с головы, белые пряди падают на глаза, но в полутьме таверны никто не обращает на нее внимания. Грохают барабаны, и пары распадаются сами собой, и вот девушки кружатся отдельно, притоптывая, кто как может и умеет, и мужчины напротив хлопают и танцуют вприсядку, но с новым ударом барабанов пары снова сходятся. Какой-то мальчик попробовал перехватить Таню, но Тень ловко увел ее прямо из-под носа у нового ухажера, увлекая в новый круг. И вот Таня уже не тащится за ним, молясь, только бы не упасть. Она чувствует такт, вовлекается в ритм, она сама танцует так, как не танцевала никогда. Ноги гудят от притопов, из груди вырывается смех, и Тень рядом, он не дает запутаться, не дает упасть, а ведет, кружит, подхватывает. Позади и впереди них смерть, но они кружатся сейчас так, будто будут жить вечно, и вся таверна кружится вместе с ними.

Таня вырвалась на свежий воздух, тяжело дыша. Ветер пробрал ее насквозь, но она все еще смеялась, закинув лицо к звездам, и те подмигивали ей с холодной высоты. Тень выбежал следом, высокий, длинноногий и легкий, словно дух ночи. Он тоже тяжело дышал и улыбался. Они остановились друг напротив друга, покрасневшие, взмокшие, почти счастливые. Встретились взглядами, потянулись было друг к другу, но вспомнили и обиды, и смерть, что распахнула навстречу им свои объятия, и ступешались, отступили. Они

простояли еще так некоторое время, обдуваемые сквозняками Илибурга, деля пополам болезненную радость, но с каждой секундой ее становилось все меньше, она вырывалась вместе с дыханием, превращающимся в пар.

— А теперь скажи мне, Татана, что ты ненавидишь танцевать, — сказал Тень, и голос его был нормальным, негромким и приятным.

— Когда было утро, я и тебя ненавидела, — ответила она.

— А сейчас?

Таня испуганно посмотрела на него. Мед и танцы ударили в голову, и она сболтнула лишнего, того, о чем сама не успела подумать толком. А Мангон уже подался вперед, и она могла представить, насколько довольное лицо скрывает его капюшон.

— А сейчас я хочу убивать тебя уже не так жестоко, — поморщилась она.

Вышел Влад, и в руке его была полная сумка еды для Росси.

— Ну что, готовы идти домой?

Они не были готовы, но выбора особо не было. Путь к лаборатории они прошли в молчании и с тревожным чувством, что что-то закончилось в их жизни, осталось на полу таверны среди липких следов пива и черенков разбитых кружек.

На утро Мангон ушел.

Глава 4. На пути домой

Позже, возвращаясь мыслями к двум неделям, проведенным в доме Владимира, Таня вспоминала их как самое счастливое время в Илибурге. Оно было наполнено простым трудом, душевным общением, обедами в кругу друзей и обучением. Просыпались они рано, Росси сразу отправлялась протапливать печи, а Таня готовила незамысловатый завтрак, стараясь управиться с непривычной твераневой плитой. Она жарила яичницу и чесночные гренки к ней, заваривала травяной чай, а Влад приносил к нему булочки из ближайшей пекарни. Лаборатория, ставшая их убежищем, располагалась далеко от главных улиц, поэтому волнения горожан оставались в стороне, за пределами их внимания. Влад отпустил учеников в отпуск, не доверяя их любопытству, и обходился помощью новых наперсниц. Пока он сидел в лаборатории, корпя над новой вакциной и проводя испытания, Росси прибиралась в доме, а Таня выполняла задания по драконьему языку. Ей и в голову не приходило, что это занятие довольно бессмысленное, ведь она со дня на день должна была отправиться домой, где больше ничего не услышит ни о драконах, и о Илирии. Но упражнения и каллиграфия занимали ее ум и отвлекали от волнения, которое все больше и больше разрасталось в груди.

В занятиях была особая прелесть: когда Влад и Росси заканчивали ежедневные дела, они садились за стол к Тане и разбирали то, что она успела сделать. Смеялись над ошибками, объясняли непонятные слова и рассказывали забавные истории. Уютно горела твераневая лампа под зеленым абажуром, трещали дрова в печи. В доме пахло печеными яблоками, и иногда запах еды перебивал запах дезинфицирующих средств. Влад опускал жалюзи, и казалось, что их дом — это стойкий маяк, а внешний мир с его драконами, бунтами и жестокими правилами — темные волны, которые бились в каменные стены и не могли их разрушить.

О том, что Мангон ушел, девушкам сообщил Влад.

— И когда он вернется? — с безразличным видом спросила Таня, хотя в глубине души она прекрасно знала ответ.

— Никогда, — просто ответил Влад. — Он планирует навестить других членов Великого Совета, заручиться их поддержкой и отправиться к Кейблу. Потребовать от него ответа за предательство. Думаю, на этом путешествие Мангона закончится, ведь он не может обращаться, и Кейбл с легкостью с ним справится. А если обратится, навряд ли снова станет человеком, и ему останется только отправиться в Доэрон, в земли диких драконов.

— И что, он просто так отказался от Северянки? — Росси оторвалась от платья, которое она чинила, и удивленно посмотрела на Влада.

— По крайней мере, он не изъявил желания забрать ее, — криво усмехнулся Влад.

Тут Влад лукавил: Мангон собирался взять Таню с собой, и пусть он уверял, что не позволит причинить ей вред, они оба знали, что она — последняя надежда на сохранение человечности. Влад уперся, словно рогами:

— Я не позволю забрать Таню!

Мангон, без черного плаща, а значит, снова холодный и уравновешенный, только поднял брови:

— Вот как? И какое ты имеешь на это право?

— Считаю меня ее названным отцом. Я не дам таскать ее среди бунтующих толп и тем

более пихать в жерло вулкана.

— В жерло вулкана, — Мангон потер лоб. — Что за дикие у тебя представления?

Он уже собрался в дорогу. На нем был камзол из плотной ткани, в кармашке которого прятались часы на цепочке, драповое пальто и длинный коричневый шарф. И где он только умудрился все это достать? Особенно добротные кожаные сапоги с высоким голенищем.

— Не смотри так. У Тени много друзей, и он без проблем нашел одежду. На диване лежат чехлы, в них платья для Росси. В конце концов, она осталась на улице без вещей из-за меня.

Такая забота со стороны равнодушного Мангона сбивала Влада с толку, он привычно нахмурился, но не отступал:

— Я все равно не отпущу Таню с тобой.

— То есть ты решил отказать дракону? — в словах Адриана Владимир услышал угрозу, а может быть, он просто переволновался.

— Хочешь, разорви меня на месте. И тогда можешь забирать ее. Но пока я жив, она останется со мной, — а потом добавил, уже тише: — Ты опасен для нее.

Мангон вскинул голову, посмотрел на Влада сверху вниз.

— Вы что-то с ней задумали? Вы же были знакомы раньше. Я слышал, как вы разговариваете по-русски.

Влад почувствовал, как похолодел затылок, но мысленно приказал себе держаться, разве что лицо на мгновение болезненно скривилось.

— Не знаю, о чем ты. Я впервые увидел Таню в твоём замке.

— Влад, давай обойдемся без лжи. Сейчас это лишнее.

Владимир внимательно посмотрел на Мангона, пытаясь предугадать, что он может сделать, когда узнает, что его старый знакомый — сам пришелец из оборотного мира. Бесполезно, по этой маске чопорного благородства что-либо прочесть было невозможно, а в свете недавних странных изменений с ним Влад вообще отказывался что-либо угадывать об этом человеке.

— Я не лгу, я правда не знал Таню до встречи в Сером Кардинале. Но оказалось, что мы пришли из одного мира, более того, из одной страны. Если бы ты знал, каким счастьем было снова говорить по-русски! Теперь ты понимаешь, что она для меня больше, чем просто одинокая девчонка, которую вы все обрекли на смерть? Я не могу отпустить ее с тобой.

Снова повисло молчание. Мангон поправил шарф, застегнул пальто, надел неведомо откуда взявшийся цилиндр.

— Позаботься о ней, — сказал он наконец. — Надеюсь, мы еще встретимся, Влад Странник.

— Надеюсь, это будет добрая встреча, — отозвался Влад, не задавая лишних вопросов. Он протянул Мангону руку, и тот сжал его локоть.

— До свиданья, — сказал Адриан по-русски, как его учила Таня, и приподнял цилиндр в знак прощания, оставив доктора одного в темной прихожей его дома.

Всего этого Влад девушкам не рассказал, ограничившись простым “он ушел”. Опытным взглядом он замечал, что между Мангоном и Таней непростые отношения, густо замешанные на страхах и влечении, нездоровые в корне своем, и боялся, что Таня, как любая молодая девушка, поддавшись бурным эмоциям, начнет расспрашивать его, допытываться, может, на ее глазах появятся слезы. Но ничего такого не произошло. Он просто кивнула, восприняв уход Адриана как данность, и Влад вздохнул с облегчением, приняв эмоциональную

беспомощность за мудрость и силу.

Спустя неделю умиротворенной жизни произошло событие, принесшее смуту и радость в спокойствие лаборатории. Вечером раздался стук в дверь. Владимир никого не ждал: горничная принесла продукты еще с утра, ученики были или в отпуске, особо политически активные выполняли задания подальше от города, и поздние гости не означали ничего хорошего. Влад достал из шкафа пистолет, тот самый, который отдал ему Мангон, и кивком головы велел девушкам спрятаться в задней комнате. Таня бы пошла с ним, но предпочла побыть с Росси, которая сразу спала с лица и принялась дрожать.

Влад возвел курок и медленно прошел в прихожую. Стук повторился, более настойчиво. Держа пистолет у лица, Влад подошел к двери и громко спросил:

— Кто там?

— Ох, вы дома! — раздалось снаружи. — Слава Великой Матери! Это я, дэстор Влад Жослен.

Владимир не опускал пистолета, пока не убедился, что за дверью действительно стоял Сен-Жан. Он стоял в одиночестве под морозящим осенним дождем, в промокшем пальто, с кудрями, прилипшими к голове, а в руках держал большой чемодан с разноцветными ярлыками.

— Дэстор, зачем пистолет? — несчастным голосом спросил он.

— Потому что мы никого не ждали, а на улицах сейчас опасно, — проворчал Влад. — Ну, что стоишь, бродяга, заходи.

Жослен вошел в прихожую, оглядываясь, пока доктор аккуратно запирает вход на все замки. Вода капала с его пальто на пол и собиралась в лужицы. В дверях гостиной появилась Таня с суровым видом, но увидев друга, расплылась в улыбке и бросилась ему на шею, не заботясь о том, что его не мешало бы сначала выжать.

— Жослен! Я так рада тебе! — она отошла на шаг назад, чтобы лучше рассмотреть его. — Ужасно выглядишь!

— Спасибо, — ухмыльнулся Жослен. — Стиль бездомного мятежника, популярен этой осенью.

Услышав голоса, вышла Росси. На ней было простое, но добротное платье из хорошего материала, одно из тех, что оставил ей Мангон, и она казалась в нем особенно хрупкой и красивой. Она замерла, распахнув глаза, а затем расплылась в улыбке.

— Жослен...

Росси не бросилась к нему, ничего не закричала, удивленная его появлением и оглушенная своими чувствами, и только когда Жослен распахнул объятия, со вздохом облегчения рухнула в них.

— Как же я рад вас всех видеть, — дрожащим голосом сказал Сен-Жан, и капли с его волос падали на макушку Росси.

— Ну давай, раздевайся, — махнул рукой Влад. Выглядел он не очень довольным. — Нечего заливать мой коридор.

Позже они все сидели в гостиной, а на столике стоял горячий чайник. Жослен переоделся, вещи в чемодане стали чуть волглыми от дождя, но по сравнению с тем, в чем он пришел, это было совсем не страшно. Его волосы быстро высохли в теплом доме и снова закрутились в тугие кудри.

— Кажется, пришло время рассказать, как ты тут оказался, — сказала Таня, когда гость по всем правилам был обогрет и накормлен. Жослен, до этого привычно шутивший, вмиг

поник и принялся крутить чашку в длинный ладонях.

— Я поссорился с мастером. И думаю, больше не вернусь к нему.

Он замолчал, и Таня сочувственно потрепала его по плечу.

— Он сделал тебе плохо?

— Не то, чтобы это было в первый раз, — криво усмехнулся Жослен, — он всегда меня задевал.

— О, поверь, это было видно.

— Правда? — скривился Сен-Жан, а Влад шикнул на нее за бестактность. — Но мы вернулись в его студию, и это все стало таким огромным. Я имею в виду, его самомнение, презрение ко всем, желчь. Он обнаружил в сарае с садовыми инструментами какого-то парня, наверное, из тех, что бродят по улице. Сломал ветку и отстегал его ею. Он бил по рукам и лицу и гнался за ним до самых ворот. Я сразу вспомнил твою историю, Северянка, как ты пыталась просто немного отдохнуть в саду, представил, что на месте этого бродяги могла оказаться ты. Я больше не мог уважать своего мастера, а для меня это все равно, что небо упало на голову. С ним стало невозможно разговаривать. Как бы я не тянулся к нему, я получал, как тот парень. Не буквально, конечно, но от этого не легче.

Он снова замолчал, думая о чем-то своем. В тишине было слышно, как далеко, в центре города, а может, на другой его окраине что-то бахнуло, будто салют, но все подумали, что шансов на праздничные взрывы маловато.

— И что ты планируешь делать? — спросил Влад, единственный, кто подходил к ситуации с сознательной, взрослой стороны.

— Вернусь в Лориш. Сам я не оттуда, из городка в пятидесяти милях. У меня там родители и три сестры. Но я хочу попробовать найти себе другого учителя. Проблема в том, что мастер Вашон тоже собирается возвращаться в Лориш, и он может здорово подпортить мою репутацию, — он вздохнул. — Но это не беда, поеду в другую страну, например, на юг, в Талию. В тальских художественных школах не любят Лориш, и им будет все равно, что там обо мне думают. Осталось только накопить деньги и выбраться из Илирии.

Росси все это время вертелась рядом с Жосленом, взволнованная, раскрасневшаяся.

— Да что ты переживаешь! — воскликнула она. — Дэстор Влад возьмет тебя к себе ассистентом, будешь ему помогать хоть за небольшие деньги и скоро накопишь на билет.

Жослен тут же посмотрел на Влада, как странник в пустыне, которому сказали, что доктор прячет в рукаве бутылку воды. Владимир откашлялся.

— Это вы здорово придумали, конечно, но напомним, что я всего лишь врач, причем с довольно сомнительной репутацией. Конечно, у меня есть пациенты и гранты от медицинской коллегии, но я не так состоятелен, как вы думаете. Особенно в такое время. Ну-ну, чего нос повесил? — он заметил, что Жослен сник, услышав его слова. — Придумаем и с тобой что-нибудь. Не на улицу же тебя выгонять в таких пальто модных.

Так Сен-Жан стал четвертым человеком, поселившимся в лаборатории Влада Странника. Он с особым рвением помогал доктору в его исследованиях, пытаясь доказать, что может быть полезен и заслуживает свою миску супа. Модные свитеры оказались сложенными в шкафу, Жослен повязал кожаный фартук подмастерья, туго стянул волосы в пучок и работал, не покладая рук. Росси, которая добровольно взяла на себя хозяйственные дела, все чаще забегала в лабораторию просто поболтать или принести домашний лимонад, или угостить Влада и Жослена бутербродами. Она расцвела и была почти счастлива, взяв на себя почти все дела по дому, получая искреннее удовольствие от возможности ухаживать за

Сен-Жаном и всеми остальными, конечно, но по остаточному принципу, и для Тани почти не осталось дел. Она все чаще бесцельно слонялась по дому, помогала в каких-то мелочах Владу или Росси, пыталась читать книги или просто смотрела в окно, и ленность впервые не смущала ее. Она нуждалась в передышке, отдыхе от безумных приключений и душевных потрясений, и в маленьком обиталище Владимира наконец обрела их.

Однажды Таня, уже собираясь наверх, в комнату, которую снова делила с Росси, заметила, что в гостиной горел свет. Она подошла к двери и тихонько толкнула ее. В гостиной сидел Жослен. Он пододвинул кресло к печи и пил вино прямо из бутылки. Таня тихо постучала.

— Можно войти?

Жослен оглянулся. Кудри падали на глаза, под которыми залегли тревожные тени. Красивый рот уродливо кривился. Жослен выглядел как человек, сердце которого сыпалось по кусочкам и который никак не мог собраться с силами. Он был несчастен.

— Проходи, Татана. Я предаюсь унынию, — он поднял бутылку.

— Это опасно — пить одному, — сказала Таня, подходя ближе. Сен-Жан поднял на нее взгляд, его глаза покраснелись то ли от жара, то ли от слез, которых он не стеснялся.

— Если честно, я не лучший собеседник сейчас. Я бы предпочел сидеть в тишине и молча ненавидеть себя.

— Скажи, и я уйду, — предложила Таня. Она хотела положить руку на плечо друга, но не решилась.

— Нет, я бы не отказался, чтобы кто-то побыл со мной. В тишине. Будешь? — Жослен протянул бутылку. — У меня есть еще. Влад разрешил взять в погребе.

— Давай.

Таня достала из серванта бокал, протерла его и протянула Жослену, а затем устроилась прямо на полу, привалившись спиной к креслу.

— За тебя, — она подняла бокал, и Сен-Жан тихонько стукнул по нему бутылкой.

— За тебя.

Некоторое время они пили молча, слушая, как в тишине гостиной трещат, догорая, поленья в печи. Было тепло, и алкоголь быстро потек по жилам. Жослен был уже давно пьян, поэтому Таня не особо удивилась, когда он спросил:

— Как думаешь, мужчина может любить другого мужчину?

— Я не знаю много драконьих слов, чтобы говорить на такие темы, — призналась она, — но у меня дома так бывает.

— У тебя дома таких мужчин отправляют в лечебницы?

— Уже нет. Их не любят, но не все думают, что они больные.

Жослен кивнул, будто понимал, о чем идет речь. Ему потребовалось несколько минут, чтобы собраться с духом и признаться:

— Фабрис сказал, что отправит меня в лечебницу.

— Кто?

— Фабрис. Так зовут Вашона. Я сказал, что люблю его, и он пригрозил, что отправит меня лечиться.

Таня до боли закусил губу: ей стало до невозможного жаль Жослена. Он доверял своему мастеру и восхищался им, и тот мог бы обойтись с бурными чувствами ученика по-доброму. Таня протянула руку и сжала пальцы Жослена.

— Знаешь, что? — сказала она пылко. — Я думаю, твой Вашон — бурундова

трещина, — это было единственное ругательство, которое она выучила на драконьем. Жослен нервно расхохотался:

— Да, тот еще ублюдок! — он сделал глоток вина. — Знаешь, я ведь теперь даже не уверен, кого люблю. Фабриса или его образ? Или его гения? Работы? Себя рядом с ним?

— Если Вашон нормальный человек, он бы говорил с тобой об этом. Спросил, что за чувства ты имеешь. Помог бы тебе, а не ходил по твоему сердцу грязными ботинками. И я очень злюсь на него!

— Да, я тоже.

Жослен налил еще вина Тане, и они снова подняли тост.

— За то, что ты имеешь меня, и Росси, и Влада. А Вашон пусть сидит один между своих картинок! — она сделала глоток.

— Я вижу, что Росси влюблена в меня, — сказал Жослен после короткого молчания.

— Конечно, ты же имеешь глаза, — фыркнула Таня.

— Она — красивая девушка. Милая и добрая. Какие у нее волосы! Она была бы хорошей женой. Но я боюсь, я не смогу никогда полюбить женщину.

— Как жаль для женщин! Ты красивый, думаю, ты нравишься многим. Что ты смеешься? — возмутилась она. — Я говорю честно. Ты красивый.

— И ты могла бы влюбиться в меня? — спросил Жослен неожиданно бархатным голосом, перегнувшись через подлокотник кресла. Его лицо оказалось совсем рядом, Таня почувствовала, как от него пахнет вином и лекарствами, с которыми он возился целый день. Он смотрел на нее из-под опущенных ресниц, свет лампы ронял на его лицо тени, и оттого он казался еще более томным.

— Нет, конечно! Ты как... Эмм... Будто у нас одни мама и папа.

— Брат?

— Брат! Ты мой брат, — объявила Таня.

— Это хорошо на самом деле. Я бы расстроился, если бы и ты в меня влюбилась, — и он снова упал в кресло, а Таня рассмеялась во весь голос. Ей было хорошо и легко рядом с Жосленом, и было радостно видеть, что его грусть немного треснула, обнажая обыкновенную для него веселость.

— Это потому, что я не красивая? И не имею длинные волосы?

Жослен нагнулся и не больно стукнул ее по плечу.

— Хватит говорить глупости! Ты красивая, яркая и сильная, и даже Мангон это видит. А еще ты серьезная, — продолжал Жослен. — Не делаешь глупости, как я. Ты бы никогда не призналась человеку, что любишь его, если бы знала, что между вами ничего не возможно.

— Это потому, что я бурундова трещина, — прыснула от смеха Таня. — Хочешь, расскажу про глупость? — она зашептала. — Я танцевала с Мангоном в этой... как её? Таверне!

Жослен удивленно открыл рот.

— Ты с Мангоном? С этим я-дэстор-кусочек-льда?

— Да! Он надел черный плащ и танцевал, будто у него нет замка или дракона внутри. И я с ним! Представляешь?

— Нет, — честно признался Жослен. — Ладно, твоя глупость почти такая же, как моя. Какие мы глупые, Татана, — он сполз с кресла на ковер, подвинулся к Тане и обнял ее. — Молодые и глупые, и оттого все равно счастливые. Намного грустнее быть старым и глупым, как Влад.

— Эй! Не говори про Влада плохое, — нахмурилась Таня.

— А я и не говорю. Он связался с нами, разве он умный?

— Трудно спорить, — согласилась она, удобно устраиваясь у Жослена под мышкой. — Давай еще бутылку откроем?

Они долго сидели на полу гостиной, пили и смеялись. К ним пришел Ильич, погрелся у огня и ушел. Догорели дрова в печи, и сквозь решетку за двумя друзьями наблюдали красные зрачки угольев. Таня и Жослен разошлись уже под утро, когда солнце подобралось к самому горизонту, готовое окрасить его линию в бледно-серый цвет, оба довольные вечером и друг другом.

С утра, пока Таня ворочалась в кровати, мучаясь от отголосков головной боли, Владу принесли письмо. Оно лежало в конверте из дорогой плотной бумаги, запечатанное сургучом с оттиском в форме кристалла. На лицевой стороне размашистым почерком было написано: Владу Страннику от Магистра Свирла, Лесная улица, дом 5. Влад заперся в лаборатории и аккуратно вскрыл конверт ножом. Он помедлил, боясь увидеть, что написано на гербовой бумаге, коротко воззвал к Богу и вытащил листок.

“Уважаемый доктор, дэстор Влад Странник,

надеюсь, что письмо мое застанет вас в добром здравии. Я слышал, что замок, в который вы отправились лечить неведомую болезнь, сгорел в мятежном огне вместе с его хозяином. Впрочем, говорят, что свет в ваших окнах горит, и к вам даже можно попасть на прием, поэтому я надеюсь, что вы живы, здоровы и планы ваши не поменялись.

Если это так, то я готов вам оказать всю помощь, которая только есть в моих слабых старческих руках. Я получил камни, они будут стоить вам сущие копейки — девятьсот агортов, и еще пятьсот за мое скромное участие в переносе вашей племянницы в оборотный мир. Понимаю, что вы оцениваете мои услуги намного выше, но смею вас заверить, что не возьму и монеты больше заявленного, все-таки вы мой друг и бесценный лекарь нашего города.

Предлагаю вам посетить мою лабораторию завтра, в 23 день месяца Темного дракона, в три часа дня. Я буду готов и буду ждать вас с вашей очаровательной племянницей.

За этим прощаюсь с вами,

ваш верный друг, архимагистр Свирл”.

Письмо заканчивалось размашистой подписью, щедро украшенной закорючками, и датой: 22 число Темного дракона. Влад погладил бороду. Тысяча четыреста агортов! Его средний доход до оплаты всех налогов составлял всего триста агортов в месяц. И Свирлу еще хватает наглости понимать, что его услуги стоят намного выше. Хотя, честно признаться, техномагов на всем свете сыщется едва ли дюжина, уж слишком сложная эта наука, а в Илибурге он был вообще один, поэтому он мог устанавливать любые суммы, которые ему заблагорассудятся.

Таких денег у Влада не было. Он открыл сейф и вытряс оттуда ровно тысячу двести пятьдесят агортов, еще пять сунул в карман, чтобы купить еды на праздничный ужин. Он планировал попрощаться с Таней, как полагается. Владимиру пришлось отправиться к другу, торговцу травами, и занять у него еще сто пятьдесят агортов, чтобы хватило на оплату услуг Свирла. На обратном пути, ежась под холодным ветром, он поймал себя на мысли, что, возможно, его затея того не стоит, что можно найти другой способ отправить Таню домой. Или вообще не отправлять, она вполне успешно приживается в Илибурге в его доме. Влад даже замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Он ясно представил себе эту картину: Таня

останется в его лаборатории, станет ему помогать, может быть, пойдет учиться. У него наконец появится настоящая семья, о которой он столько мечтал. Это видение было таким солнечным и приятным, что сердце его зашлось от тоски. Но Влад тут же одернул себя. Что за блажь? У девочки есть своя семья, отец, о котором она говорила. Она так мечтает попасть домой, да и кто бы не мечтал на ее месте? Лишить ее этого — значит поступить, как последний мерзавец, а Влад Странник был кем угодно, но не мерзавцем. Нет, он никогда не стал бы обманывать маленькую Таню, пусть возвращается домой, подальше от драконов и их козней, и будет счастлива. Забормотав проклятия в свой адрес, он поспешил домой.

Таня спустилась вниз только к обеду. Заглянула на кухню, схватила за кувшин воды.

— Что, хорошо вчера провели вечер с Жосленом? — спросил Влад и хитро улыбнулся в усы. Он резал овощи, и все руки у него были красные от свеклы.

— А что вы делали с Жосленом? — тут же вскинулась Росси, которая помогала Владу готовить богатый ужин.

— Разговаривали. И пили. И все! — поспешила она заверить, видя, как вспыхнули гневом глаза подруги. Влад тихонько смеялся, и плечи его подрагивали. Он сам чувствовал себя моложе в компании Тани и ее друзей, вспоминал свою молодость, студенчество в медицинском институте и скудные на еду, но щедрые на выпивку вечеринки.

— Жослен тоже выпил целый кувшин, — сказал он. — Я отправил его подмести площадь перед домом, пусть воздухом подышит.

— А зачем праздник? — спросила Таня, воругая с доски кусок моркови и отправляя его в рот.

— В честь твоего возвращения домой.

Таня замерла, и Влад на нее посмотрел долгим и грустным взглядом.

— Да, милая, сегодня я получил письмо от Свирла, и он готов провести перемещение завтра.

— Уже завтра? — проговорила Таня. — Так быстро...

— Мне тоже не хочется расставаться, но такой шанс выпадает очень редко. Мы не должны его упустить, — с этими словами Влад ссыпал свеклу в глиняный горшок. — Однако сегодня я прошу тебя не грустить. Сегодня у нас праздник в честь того, что мы есть друг у друга и что одна большая мечта завтра сбудется: ты наконец-то вернешься домой.

Таня кивнула, чувствуя, как сжало грудь, и крепко обняла Влада. Тот стоял, далеко раздвинув испачканные свеклой руки, и старался не расчувствоваться.

— Все, больше не буду грустить, — пообещала Таня, отступая. — С этого момента будем веселые.

— Северянка, хватит отвлекать Влада, — судя по тону, Росси все еще сердилась на подругу за ее ночные разговоры с мужчиной ее мечты. — Бери нож и присоединяйся к нам. Мы режем виньрет.

— О, виньрет? — радостно переспросила Таня, выбирая себе деревянную доску и нож. — А рыбка будет к нему?

— И рыбка, и мясо, и все, что твоя душа пожелает.

— А оливье? — с замиранием сердца спросила Таня.

— И оливье. Докторской колбасы тут не сыскать, зато я купил маленького фазана, и мы будем есть салат, как в лучших домах, — ответил Влад, демонстрируя кусок плохо ощипанной тушки.

— А оливье — это мясо такое? — поинтересовалась Росси, ловко нарезаая картофель.

— Ох, оливье — это сказка, — мечтательно проговорила Таня, и Влад принялся объяснять Росалинде традиции их с Таней родины.

Вернулся Жослен, растрепанный, пахнувший прохладой и сухими листьями. Он снова схватился за кувшин воды, Влад продолжал беззлобно комментировать их с Тане ночные посиделки, а Росси — вздыхать, пока Жослен не догадался коротко поцеловать ее в макушку. День обещал быть по-семейному теплым, и Таня то и дело откладывала нож, чтобы посмотреть еще раз на друзей, запечатлеть в памяти каждую черточку их лиц, а в душе — ощущение от их близости.

На следующий день, когда она в компании друзей пробиралась по улицам Илибурга, пряча руки от холода в складках плаща, воспоминания о прошедшем вечере согревали ее. Это было теплое прощание за простым, но сытным столом, на котором горели толстые восковые свечи. На нем илирийские блюда соседствовали с русскими, соленые огурцы смешались с крупными талийскими оливками, и Влад даже достал бутылку крепкого алкоголя, который получил с помощью своего замечательного оборудования, но никто его попробовать не решился. Владимир достал гитару, и они по очереди с Жосленом пели песни обоих миров. Расхрабренная после двух бокалов вина Росси рассказывала страшные сказки, а Сен-Жан непрестанно шутил, прогоняя жуткие тени. А потом они принялись вспоминать свои приключения, и смеялись, а Росси плакала из-за грядущего расставания, и друзья вместе с Владом утешали ее. И когда на следующий день они всей компанией вышли под низкое серое небо, им было не о чем жалеть: все происходило так, как должно.

Лаборатория Свирла, не в пример убежищу Влада, располагалась в богатой части города. Им пришлось пересечь Илибург по диагонали, и на протяжении всего пути им не встретилось ни одного экипажа, чтобы согреться и добраться до места назначения быстрее. Пока Таня пряталась у Влада, город продолжал страдать в агонии. Улицы были пусты, ветер гонял по ним мусор. У одного из домов лежала разломанная повозка, словно труп чудовища. Витрины магазинов, которые хозяева не удосужились заколотить, осыпались осколками на мостовую, и их большие окна напоминали открытые от ужаса беззубые рты. Мятаж прошелся по улицам, словно ураган, срывая все великолепие, лишая Илибург красок, и небоскребы с молчаливым укором взирали из-под облаков.

Перекресток Центральной улица с Тридумовым проспектом был одним из самых красивых мест в городе. Дороги здесь сворачивались в кольцо, посреди которого за кованой оградой жались друг к другу красно-желтые деревья. Их было видно издалека, взрыв цвета посреди серой безысходности, отчаянный пожар, единственный, который той осенью не принес никому горя. Над тонкими белоствольными деревьями с яркими бордовыми, красными и желтыми листочками взлетала стелла, и на вершине ее сидел каменный дракон. Он держал в руках полупрозрачную синюю сферу, и хвост его обвивал каменную опору, а крылья распростерлись над изнывающим от человеческой глупости городом. Посреди круговой дороги лежало огромное бесформенное нечто. Издалека его можно было принять за кучу хлама, тряпок или другого мусора, но по мере того, как Таня приближалась к нему, становилось понятно, что нечто имеет приятный голубой цвет, у него есть уши и усы, а еще оно отвратительно пахнет. Резкий порыв ветра принес тошнотворный запах размножения, и тут же Владимир сдавленно вскрикнул и закрыл рот рукавом.

— Уэлл!

— Уэлл? — пискнула Росси. Она морщила прелестный носик и вглядывалась вперед, а Жослен рядом прошептал строки неизвестной Тане молитвы.

Когда до голубоватого нечто оставалось не больше тридцати шагов, стала очевидна страшная правда: посреди дороги под взглядом каменного дракона лежала голова. Огромная чешуйчатая голова с продолговатыми ушами, вытянутой мордой, с которой свисали и падали на грязную дорогу вибриссы, стеклянные глаза, отражавшие безучастное серое небо. Под ней некогда собралась лужа крови и растеклась в разные стороны тонкими ручейками, но они успели высохнуть и застыли пугающими свидетельствами чьего-то преступления.

— Кто это? — сдавленным голосом спросила Таня.

— Уэлл. Водный дракон, Великий Библиотекарь, — ответил Влад. — Изверги, тупые звери, что же они с ним сделали?

Он сорвался с места и за считанные секунды оказался рядом с головой Уэлла. Глазные яблоки облепили мухи, во внутренностях шеи кто-то копошился. Прикрывая нос и рот рукой, Влад стоял над мертвым драконом и качал головой. Всхлипнула Росси: вид смерти внушал ей ужас, и она не могла справиться со слезами. Даже Тане, выросшей на фильмах ужасов, стало нехорошо.

— Никто не заслужил такого, — проговорила она по-русски. — Дракон или человек — так нельзя поступать.

— Ты права! — отозвался Влад на драконьем. Он был уже рядом и дотошно вытирал руки платком, хотя даже не касался головы. — Уэлл был самым безобидным из Великого Совета, обитал в Библиотеке, заботился о книгах и знал, наверное, все на свете. Он даже не умел изрыгать огонь. А эти... твари. Мятежники, Бурунд их заberi! Убили самого слабого и бросили гнить посреди улицы.

— Можно мы уйдем отсюда, — взмолилась Росси. — Пожалуйста. Мне так его жалко. А еще он пахнет ужасно, — добавила она, смутившись.

— Да, вы правы, — нахмурил брови Влад. — Не на что тут больше смотреть. Надеюсь Мангон этого не видел.

И они отправились к реке, ветер с которой уносил запах чужой мести прочь. Лирой, приток Отолуры, на котором стоял Илибург, неспешно нес свинцово-серые воды на запад, к великой реке, закованный в гранит набережных. Каждые несколько кварталов берега Лироя стягивали массивные мосты, и большинство фонарей на их опорах были разбиты. Влад провел друзей по одному из мостов, над которым ветер свирепствовал особо сильно, вдоль молчаливых богато украшенных фасадов к лаборатории Свирла. Она располагалась также в проулке, но совсем близко к большой улице, и ее стены украшали искусные мозаики с изображением алхимиков за работой.

— Мы пришли, — выдохнул Влад, останавливаясь перед высокими деревянными дверями.

— Наверное, здесь мы с вами прощаемся? — проговорила Таня, а сама сцепляла и расплепляла руки, пытаясь справиться с волнением.

— Зачем же? Я пойду с тобой к Свирлу, оплачу его услуги. И провожу тебя, помашу на прощание, — вымученно улыбнулся Влад.

— А можно мы тоже пойдем? — спросил Жослен. И Росси, которая цеплялась за его пальто, согласно кивнула.

— Надо спросить у Свирла, но не думаю, что он откажет. Все-таки Таня много значит для всех нас, — ответил Владимир. Он протянул руку к стукалу и ударил несколько раз.

Дверь распахнулась почти сразу.

На пороге стоял лакей в идеально выглаженной ливрее. Его высокомерный вид не вязался с атмосферой алхимической лаборатории настолько, насколько это было возможно.

— Влад Странник, — представился доктор.

— Проходите. Магистр ждет вас.

За дверью оказался просторный холл с высокими потолками, с которых свисала огромная люстра. Паркет сменялся мраморными плитами, а стены украшали обширные полотна неизвестных Тане мастеров. Эта лаборатория настолько была не похожа на скромную обитель Странника, что друзья на секунду потеряли дар речи, осматривая богатое убранство.

— Сюда, пожалуйста, — лакей провел их мимо широкой лестницы по коридору в приемную Свирла. Постучал и распахнул дверь.

Архимагистр сидел за широким дубовым столом. Он поднял голову, и Таня увидела вытянутое, покрытое складками лицо, будто кожа была ему велика. Свирл не выглядел старым, ему на вид нельзя было дать больше пятидесяти лет, его волосы и куцая борода были черными, как в молодости. Брови, такие же черные, выгнулись в причудливые дуги над темными глазами. Тяжелое темно-фиолетовое одеяние сверкало в свете большой электрической люстры вышитыми бриллиантами созвездий.

— Доктор Влад! — Свирл растянул длинные губы в улыбке. — Вы пришли большой компанией.

— Добрый день, магистр, — поприветствовал его Влад. Он не мог не заметить, что хозяин кабинета не встал и не подал руки. — Это моя племянница Таня, а это ее друзья. Мы пришли, чтобы попрощаться.

— Как это мило, — протянул архимагистр. Его гладкие руки с необычайно длинными ладонями покоились на столе, сцепленные в замок. Гости же мялись в дверях, изнывая от волнения. — Думаю, разговоры излишни? Мы все знаем, зачем мы здесь. Давайте утрясем наши взрослые дела, а Таню и друзей проводят в комнату с переходным колесом.

— Им можно будет проводить Таню домой?

— Конечно, — сладко улыбнулся Свирл. — Они все очень ценны.

— Я скоро приду, — шепнул Влад, погладив Таню по руке. Она с тревогой посмотрела на его широкое доброе лицо, справилась с внезапно нахлынувшим желанием обнять названного отца и просто кивнула. Что за вздор, еще будет время для прощаний. Лакей молча показал, куда надо идти, и Влад остался со Свирлом наедине.

— Прошу, садитесь, — магистр указал на кресло напротив. Влад не стал отказываться. — Это наш договор, — на столе появилась стопка дорогой шелковой бумаги. — По нему я обязуюсь доставить вашу племянницу — как ее зовут?

— Татьяна? — Владимир почувствовал, что у него сухо во рту.

Свирл приготовился писать, но его брови сползли к переносице:

— Как вы сказали?

— Татана, — вздохнул Влад. — Татана Странник.

— Та-та-на, — магистр вписал ее имя в договор знакомым размашистым почерком. — Я обязуюсь отправить вашу племянницу в целости и сохранности в оборотный мир, о котором вы писали мне. Взамен вы оплачиваете расходные материалы — девятьсот агортов — и мои услуги — еще пятьсот. Итого тысяча четыреста агортов. Подпишите здесь.

Свирл развернул к Владимиру две бумаги с гербом наверху. Договор был простым и

содержал всего несколько пунктов.

— А если с ней что-то случится?

— Доктор, — одна бровь поднялась выше другой, но голос магистра был тягучим, как патока. — Вы сомневаетесь в моих знаниях? Тогда к чему это все?

Влад понимал, что Свирл просто манипулирует им, даже не стесняясь, но его сердце сковала отчаянная решимость. Сейчас или никогда. Таню нужно спасать, вытаскивать из мира Мангона, пока есть такая возможность, потому что с Кейблом ему не совладать, и он обязательно явится за своей жертвой. И Влад поставил подпись.

— Ваши тысяча четыреста агортов, — он выложил на стол кожаный кошелек с банкнотами.

Дверь открылась, и в приемную вошел знакомый ему молодой человек. В щеголеватой одежде, сытый, напوماженный, Ястин выглядел намного лучше, чем в охваченном ветрянкой замке дракона.

— Ястин, мальчик мой, познакомься, это Влад Странник, известный своими нетрадиционными методами доктор.

— Мы знакомы, — неприятно улыбнулся Ястин, протягивая руку.

— А это Ястин, мой племянник. Так же дорог мне, как вам, — он глянул в документ, — Татана. Ну что ж, — Свирл поднялся и оказался на удивление высоким, пожалуй, он мог бы поравняться с Мангоном, а благодаря черной мантии он казался еще выше. — Татана отправится в свой мир, договор заключен, и вы можете с чистой совестью отправляться домой.

— Как это — домой? — Влад тоже поднялся. Он выглядел растерянным. — Я хотел попрощаться с ней и лично убедиться, что портал открылся и она благополучно вернулась в свой мир.

— Это исключено, — мотнул головой Свирл. — Мне не нужны лишние люди в лаборатории, это может привести к непредвиденным последствиям.

— Я должен увидеть Таню, — с нажимом повторил Влад. — И забрать ребят домой.

— Она уже готова к переходу, — вступил в разговор Ястин, и голос его был холоден, как день за окном. Он перегородил дорогу и смотрела на врача сверху вниз, всем видом показывая свое превосходство. — Не нужно ее беспокоить.

— Ястин прав, — магистр все так же сладко растягивал слова, но теперь в них чувствовалась угроза. — Вам лучше отправиться домой, и все будет хорошо.

Влад посмотрел на Свирла, потом на Ястина, и страшная догадка обожгла его нутро. На лбу разом выступил пот, желудок скрутило от дурного предчувствия.

— Татана, — почти прошептал он. — Что с ней?

— С ней все хорошо, — Свирл еще пытался его успокоить, но явно начинал злиться. — Она отправится туда, где ей место, и если вы сейчас уйдете из моего дома, с вами тоже все будет в порядке.

— Нет, Татана. Татана! — Влад кинулся к двери. Он должен ее найти, должен спасти! Влад не понимал, что происходит, но чувствовал, что его Тане угрожает опасность, и он сам, старый дурак, привел ее на заклятие. Кровь стучала в ушах. Только бы выбраться из кабинета, а дальше он найдет путь!

Но ему не позволили уйти. Ястин в два шага догнал его, обхватил за грудь, сильно прижав к себе. Он хотел успокоить старика, дать ему шанс уйти, но тот больно пнул его локтем по ребрам и снова рванулся вперед. Охнув от боли, Ястин потянулся вперед, схватил

край развевающейся мантии. Влад споткнулся, стал заваливаться назад и устоял на ногах каким-то чудом. Ястин уже был за спиной. Он отточенным движением достал из-за пояса тонкий кинжал и всадил доктору в шею.

Влад замер, широко распахнул глаза, будто силясь увидеть всю сцену целиком. Успел сделать пол оборота на носках, но Ястин тут же вытащил кинжал. Из горла бурным потоком сквозь пальцы полилась кровь, и Владимир рухнул на пол.

— Ястин, ну что ты наделал? — скривился Свирл. — Мой ковер...

Глава 5. Гостеприимный дом Свирлов

Пол покрывали мраморные плиты, белые, в черных прожилках. По центру аккуратно вырезанные плитки складывались в многоцветные восьмиугольные звезды, напоминавшие румбы. Таня насчитала тринадцать звезд на своем пути. Она дрожала. От волнения, непонятного страха и предвкушения. Смотрела под ноги, старалась не наступать на звезды, как в детстве, будто это могло привести к чему-то страшному. Например, развернется пол, сбрасывая всех в лаву, или активируется скрытый механизм, запуская встроенные в стены арбалеты. Когда она была еще девчонкой, Таня часто фантазировала о подобных трудностях, когда перешагивала трещины в асфальте на пути в школу. Нахлынули воспоминания о доме. Таня решила, что попросит мага перебросить ее в родные дворы, откуда ее выкрали, а потом принялась думать о том, как встретит отца. Воспоминания о нем причиняли боль. Отец только вернулся из больницы, ему нужен был покой, и Таня боялась, что пропажа единственной дочери может оканчательно подкосить его. Он не был талантливым папой, совершал много ошибок, рядом с ним пришлось рано повзрослеть и часто подставлять ему плечо, когда он не справлялся с чувствами. Но отец старался, как мог, и любил дочь всем сердцем, единственную семью, которая у него осталась. Ее душа, мечущаяся в другом мире под чужими звездами, изо всех сил стремилась домой.

Таня не заметила, когда появились стражники. Они будто возникли из ниоткуда и теперь шли по пятам, шагая в ногу. Таня подняла голову и огляделась. На стенах белые деревянные панели, поверх них — картины, а впереди невысокий проход. Вот она, комната перемещений?

Лакей распахнул дверь и отошел в сторону, молчаливый и безучастный. Таня вздохнула, унимая трепет, и в компании Жослена и Росси вошла. Но никакой комнаты внутри не оказалось. Там была лестница, ведущая вниз, в темноту.

— Вы ошибались? — хрипло спросила она, обернувшись. — Мне надо в комнату помещений.

— В комнату перемещений, — поправил Жослен. Он был бледен и держал за руку Росси. — Магистр должен ее там ждать.

Стражник сурово посмотрел на них.

— Шагайте вниз!

Друзья переглянулись. Они поняли, что попали в передрыгу в тот же момент, что и Влад в кабинете Свирла, и до них донесся отголосок его отчаянного крика.

— Позовите дэстора Свирла, — Жослен выступил вперед, пытаясь загородить спиной девушек. — Вышло какое-то недоразумение.

— Шагайте вперед, — с нажимом повторил стражник, — иначе я столкну вас с лестницы.

Двое его товарищей встали рядом с ним, высокие, коренастые, Жослен и одного не смог бы побороть, не говорят уже о троих.

— Пойдем, пожалуйста, — попросила Росси, сжимая его предплечье. — Не лучшее время драться.

Таня в это время прикидывала, сможет ли она вырваться из западни. Против одного у нее были шансы, если поставить на внезапность. Но даже с ее навыками боя против троих не выстоять. И Таня, злобно посмотрев на стражников, принялась спускаться.

По ее ощущениям лестница вела вниз на глубину двух этажей. Чем ниже они спускались, тем холоднее становился воздух, тем больше пахло сыростью и бетоном. Когда ступеньки закончились, друзья оказались в полнейшей темноте. Стражник нашарил выключатель на стене, щелкнул, и вспыхнула электрические лампочки — неслыханная роскошь по меркам Илибурга. Одна осветила лестницу, другие — темницу.

Дверь была распахнута, и Таня увидела решетки, вмурованные в бетонные стены. Помимо них в просторной комнате стоял стол, рядом — два стула. Больше в помещении ничего не было.

— Вперед! — скомандовал стражник.

— А у тебя не очень со словарным запасом, да? — усмехнулся Жослен и тут же получил такой тычок в спину, что пробежал несколько шагов.

— Жослен! — взвизгнула Росси. Ее схватил под руку один стражник, Таню — второй, Жослен достался третьему.

— Что происходит? — повторяла Таня, крутя головой. — Я не понимаю. Что происходит?

— Приказ Свирла, — рявкнул мужчина, захлопывая железную дверь.

— Татана! — закричала Росси, когда ее сунули в другую камеру. Лязгнула одна дверь, вторая. В замках повернулись ключи. Стражники, не говоря больше ни слова, направились к выходу.

— Эй, постойте! — завопил Жослен, хватаясь руками за решетку. — Вы не можете оставить нас здесь! Эй!

Таня оглядела камеру, насколько могла в скудном свете далекой лампочки. Каменный мешок с решеткой вместо одной стены. Солома в углу, судя по запаху — свежая. Ни лежанки, ни стула, даже отхожего места не было. Она обошла камеру по кругу, запустив пальцы обеих рук в волосы и больно их оттягивая.

— Думай. Думай. Думай.

Росси кричала. Жослен ее успокаивал, как мог, хотя сам пребывал в ужасе: его голос дрожал. Все три камеры находились рядом, и если вытянуть руки, он мог левой коснуться руки Тани, правой — Росси. Постепенно крики сменились всхлипываниями, Росси опустила на пол и заплакала. Жослен, оказавшийся посередине, подошел ближе к Тане.

— Ты знаешь, что произошло?

— Нас забрали, — Таня не узнала собственный голос. — Свирл не хотел меня возвращать домой. Влад... Влад! Не мог же он...

— Привести нас сюда специально? — закончил Жослен, и от одной мысли об этом волосы поднялись у него на руках. — Но зачем?

— Не знаю. Не понимаю. Это ведет меня с ума, — Таня снова дернула себя за волосы. — Надо подождать. Кто-то придет, спросим информацию и тогда будем думать.

Но прошло много времени, прежде чем хоть кто-то появился в темнице. Таня не знала, сколько именно, здесь, внизу, в полутьме, скованная отчаянием, она сразу потеряла счет времени, которое тянулось, словно резинка. Она не могла решить для себя, что причиняло ей большую боль: необходимость расстаться с мечтой, которая была так рядом, нужно сделать лишь правильный шаг, и вот он, дом, или предательство Влада, которого она считала дядюшкой. Жослен попытался было строить теории, но Таня его оборвала: и без того было тошно. Вскоре стало тяжело стоять, и от безысходности она села на солому, прислонившись спиной к холодной стене.

Первым их навел стражник. Он принес еду: сваренные до состояния каши овощи, хлеб и воду. Ни Таня, ни Росси есть не стали. Только Жослен, преодолевая отвращение, пихал в рот ложку за ложкой и глотал, не жуя.

— Ешьте, нам нужны силы, — просил он. — Выпейте хотя бы воды. Без нее мы не выживем.

Таня послушалась. Вода оказалась чистой и прохладной, не так плохо, как могло быть. Когда стражник пришел во второй раз, его сопровождал мужчина. Уверенно расправленные плечи, длинная шея, аккуратно уложенные волосы. В слабом свете Таня узнала его не сразу, но когда увидела знакомое лицо, радостно воскликнула:

— Ястин! Это я, Татана. Ястин, ты спасаешь нас!

Ястин подошел к решетке, заложив руки за спину, посмотрел на Таню, на несъеденные овощи.

— Зря ты не ешь. Так ты не доживешь до его возвращения.

Таня подошла вплотную к решетке, чтобы лучше видеть лицо мужчины.

— Ты спасаешь нас? — мрачно спросила она.

— Ах, Татана, как интересно было показывать тебе мой мир. Как забавно было смотреть, как ты, словно сопливое дитя, шатаешься, делаешь по нему шаги. Принимаешь глупые подарки и ищешь друга в каждом, кто протягивает руку, — он сунул руку между прутьев, но тут же отдернул ее, увидев, какой плотоядный взгляд бросила на нее Татана. — Но вот беда, ты — ключ к силе Мангона. А я не могу ему позволить обрести ее.

— Так не позволяй! Отправь ее домой, и дракон никогда больше не найдет ее, — кричал Жослен.

— Кто тут у нас? О, молодой художник, любимчик Вашона? Занятная у тебя компания, Татана, — Ястин прошелся вдоль камер, потом вернулся к первой. — Художник прав, мы могли бы вернуть тебя домой. Но тогда мы бы еще долго искали Мангона. Видишь ли, никто не знает, где он. А ты?

— Он бросил меня, даже не попрощался, — со всей возможной злостью ответила Таня, надеясь, что Ястин поверит в ее обиду и не решит, что она что-то скрывает. Темница оставляла простора фантазии на тему того, как он может попробовать добыть сведения.

— Жаль. В любом случае, мы постараемся дать ему знать, что вы у нас... в гостях. И мы будем ждать его. О, мы очень соскучились, — улыбнулся Ястин. Он был все так же красив, даже в полутьме, в темнице, Ястин прямо держал спину, и костюм сидел на нем без единой складочки.

— Зачем тебе это? — спросила Таня.

Ястин посмотрел на нее, как на умалишенную. Он не собирался говорить ничего лишнего и задерживать здесь дольше, чем нужно. Увидев, что Ястин собирается уходить, Жослен крикнул:

— Где Влад! За сколько он продал нас?

Мужчина обернулся на полпути.

— Влад продал? — переспросил он. — За сколько? Хех. Пусть это останется нашей с ним тайной. Ах да, я кое-что принес вам. Шонт, отдай одеяла!

Стражник послушно поднял бесформенную кучу с пола.

— Ночи здесь невероятно холодные, — продолжал Ястин. — Конец осени как-никак. За дальней стеной идет канализационная труба, по ней часто течет теплая вода, ложитесь лучше там. Надеюсь, вы оцените мою доброту.

Стражник подошел к камерам, и Росси протянула тонкую ручку, ожидая, что тот подает одеяла. Но стражник просто выронил их на пол так, что девушка не смогла бы до них потянуться.

— Ну ты и бурундова трещина! — прорычала Таня. Она не собиралась показывать свою ярость, но поступок стражника совершенно вывел ее от себя. Тот подскочил к камере и громко ударил по прутьям, заставив отскочить.

— Молчать! Я не позволю так со мной разговаривать.

— Шонт! Держи себя в руках, — приказал Ястин. — Запомни, чтобы волос с их голов не упал! Только живые они представляют хоть какую-то ценность для Мангона. Все действия только по моему приказу. Понял?

— Да, дэстор, — зло ответил стражник.

— Вот и славно. Пошли, мне пора возвращаться домой, сегодня на ужин индейка...

Их шаги вскоре стихли. Таня, Жослен и Росси вновь остались одни.

— Хорошо, давайте займемся одеялами, — предложила Таня. Она была единственной, кто мог дотянуться до них кончиками пальцев и подтащить к себе. Затем из ее рук, сдирая кожу о прутья, одеяло принял Жослен и передал Росси.

— Ну хоть хорошее дал, ублюдок, — проговорил он.

Таня передвинула солому к дальней стене, где правда оказалось теплее, и села, закутавшись в одеяло. Но почти тут же ее окликнула Росси.

— Северянка! Северянка, — ее голос был скулящим, несчастным. Тане пришлось подниматься и идти к решетке.

— Что случилось?

— Я не могу сказать, — Росси почти плакала.

— Ну же, говори скорее.

— Не могу, — повторила она.

— Росси, я сейчас уйду обратно! — пригрозила Таня, чувствуя, как поднимается раздражение.

— Пусть Жослен закроет уши.

— Что? Ох, хорошо. Жослен, закрой уши!

Сен-Жан, совершенно не понимая, что происходит, зажал уши руками.

— Северянка, — продолжила Росси, убедившись, что Жослен ее плохо слышит. — Мне нужно в уборную.

— Раздави меня каток! — пробормотала Таня по-русски. — Ну так сходи! Только не далеко у стены, там тепло, там нужно спать.

— Так как же я, Северянка? Здесь же нет уборной. И слышно, и пахнуть будет.

— Ну так не ходи! — Таня в раздражении повысила голос.

Жослен опустил руки, спросил:

— Все уже?

И девушки хором воскликнули:

— Нет!

— Росси, мы в беде, — продолжила Таня. — Мы не можем быть приличными. Не сейчас.

— Хорошо, — ответила Росалинда, и слышно было, как она плачет от стыда.

Таня вернулась на свое место. Она закуталась плотнее в одеяло, стараясь отвлечься от окружающей ее реальности и не слышать, как снова спрашивает Жослен, можно ли открыть

уши, как Росси истерично кричит “Нет!” и как всхлипывает, справляя естественные потребности. Ее мечты в одно мгновение превратились в настоящий ад.

Посетителей не было в течение нескольких дней, если не считать стражника, который приносил еду. Именно завтраками, обедами и ужинами Таня отмеряла проходящие дни. Их не морили голодом, в металлических мисках, которые с глухим стуком стражник ставил перед камерами, находилось и мясо, и овощи, и запеканки. Самые простые, водянистые, разваренные и несоленые, но свежие блюда. Скорее всего, это была еда, предназначенная для слуг и именно с их стола попадала вниз, в темницу. Иногда Таня ела, когда телу становилось невыносимо, и желудок сводило резкой болью. Но чаще всего смотрела на тарелку с равнодушием, так же, как она относилась к условиям, в которых приходилось жить, к запаху своего тела и холоду. Ей было все равно. Большую часть дня она сидела, набросив на плечи одеяло, положив руки на согнутые в коленях ноги, и смотрела вперед, на решетку и висящую на противоположной стене тусклую электрическую лампу. Таня не просто не хотела есть, она теперь не особо стремилась жить.

Мечта, цель, то, что все это время согревало ее жмущееся от страха в чужом мире сердце, была слишком близко. Таня уже не просто ждала возвращения домой, в мыслях она была там. И когда Свирл за шкурку выдернул ее из ощущения безопасности, справиться с этим сил не хватило. Раньше Таня черпала их в страстном намерении вернуться, в злой уверенности, что она достигнет цели, и когда та развалилась на части, брать новые силы стало просто неоткуда. И Таня смирилась.

Поэтому, когда в их холодной обители появилось новое существо, она даже не сразу подняла голову. Ее заинтересовал только возглас Росси, которая чего-то испугалась. В темнице появился призрак.

Он замер в дверном проеме, слегка покачиваясь. Это была дама в пышном белом платье, как будто свадебном, оно закрывало грудь, и руки, и плечи. Волосы скрывал капюшон белого плаща с золотыми тесемками. На том месте, где у призрака должно быть лицо, висела маска, украшенная жемчугом. Она скрывала все от лба до подбородка, если таковые под ней имелись, и только выложенные красными камнями губы алели на белом, словно капли крови.

Призрак замер на некоторое время, а потом двинулся в сторону камер. Именно тогда закричала Росси, а Таня подняла голову. Призрак остановился напротив ее камеры и склонил голову набок. Таня почувствовала далекий отголосок страха, но только усмехнулась и тоже наклонила голову к плечу.

— Тебе страшно? — прошипела гостья.

— Нет, — откликнулась Таня.

Призрак зашипел, поднял руку к маске, и стало видно, что кисть у нее не в перчатке, а перемотана бинтом и почти не гнется.

— Ты знаешь, кто я? — продолжала приставать неизвестная женщина.

— Не интересно.

До Тани долетели обрывки разговора Жослена и Росси, они о чем-то взволнованно переговаривались вполголоса.

— Ты знаешь, — гостья выговаривала слова странно, будто не могла открыть рот или округлить его, и на ум сразу приходило сравнение с Вуком, которому говорить нормально не позволяла пасть.

— Может, и знаю, — пожалала плечами Таня. Эти загадки ей были так же неинтересны, как еда или судьба этого проклятого мира.

— А если так? — призрак снял дорого украшенную маску и отбросил ее в сторону. Под ним обнаружилось перемотанное бинтами лицо.

— Ты знаешь, что у тебя на лице тряпка? — голос Тани оставался бесцветным. — Я его все еще не могу видеть.

Гостья задрожала, тихонько завывала от гнева, схватилась было за прутья решетки, но зашипела, будто железо обожгло ее. Может, и правда какая-то сверхъестественная тварь? Если здесь водятся драконы и оборотни, то почему бы не быть какой-нибудь мумии-дворянке?

— Виталина, вот ты где. Я мог бы догадаться, — в темницу спустился Ястин. Таня не видела его уже несколько дней, и его красивое лицо с правильными чертами не вызывало теперь ничего, кроме неприязни. На отвращение не было сил. — Помнишь, что сказал дядя? Не вредить им.

— Виталина? — вскинула голову Таня, и в ее глазах впервые за много часов появилось подобие интереса.

— А ей?! — сипло взревела гостья, и голос ее срывался, будто горло было серьезно повреждено. — Этой твари можно мне вредить?!

Таня решила было, что мумия в подвенечном платье набросится на Ястина, но оказалось, что ей тяжело двигаться. Это было незаметно, пока она изображала из себя призрака, но сейчас, попробовав сделать резкие движения, женщина просто проковыляла несколько шагов.

— Виталина? — вновь подала голос Таня. — Ты жива?

Гостья обернулась, и юбки взметнулись белым облаком.

— А ты бы предпочла, чтобы я там подохла?!

— Ты жива! — проговорила Таня и рассмеялась, закинув голову, запустив руки в волосы. Сквозь оцепенение она чувствовала, как ее сердце отпускают ледяные тиски, и чувство вины испаряется, как влага под лучами солнца. Виталина выжила! Все картины ее обгорелого тела, примотанного к стулу, остались плодом фантазии, ночным кошмаром, который не оставит ее никогда, но будет рассеиваться с приходом утра. Она смеялась и смеялась, долго, истерично, хрипло, до икоты, не в силах остановиться.

— Что ты смеешься? — Виталина подошла к камере, чтобы лучше разглядеть безумно хохочущую девчонку. — Отвечай!

— Татана смеется от радости. И облегчения. Она думала, что убила тебя, — глухо сказал Жослен, заставляя повернуться к себе. Он прислонился лбом к прутьям, и в свете электрической лампочки было видно, как впали щеки и под глазами появились синяки. — Она единственная, кто рвалась тебя спасти, собиралась кинуться в огонь, несмотря на то, что ты вела себя с ней всегда, как последняя стерва.

— Ох, надо же, она хотела меня спасти, — протянула Виталина, перемещаясь ближе к Сен-Жану. — Только меня меня вытащил из огня Ястин, а не она.

— Ей не позволили, — Жослен пожал плечами. — Наверное, посчитали, что ты не достойна ее смерти.

— Конечно, она же не дракон, — усмехнулся Ястин. — Это только драконы достойны служения, богатства и жертв.

Он стоял у дальней стены напротив пленников, прислонившись к ней спиной и

скрестив руки на груди. С поразительным спокойствием он наблюдал за картиной, которая разворачивалась перед ним. Его единственной задачей было не допустить кровопролития, чтобы обезумевшая Виталина не испортила приманку для дракона, а страх и боль, которые ощущались почти физически, когда эти люди сходились в споре, были лишь частью забавного представления.

— Да, она предназначена для дракона, — прошипела Виталина. — Для великого храброго Мангона, благочестивого Мангона, надежды Илирии. Никто не обращает внимания, как хрустят под его каблуком кости людей, у него же так блестит чешуя, — она схватилась за край бинта и потянула, разматывая. — Что такое наши убогие жизни по сравнению с бессмертием дракона?

— Вообще-то они не бессмертны... — попытался вставить слово Жослен, но его больше не слушали.

— Что значат наши судьбы по сравнению с огнем, который он несет?

— Пока огонь несете только вы, — упрямо бурчал Сен-Жан.

— Меня можно оставить в пламени, меня можно лишит последнего, и это будет веселой шуткой, — бинты ослабли и начали сползать с лица. — Говорите, боялись, что я сгорю? Да лучше бы я сгорела!

— Не нужно снимать их, — попробовала остановить ее Таня. — Тут грязно, можно взять инфекцию.

Но Виталина никого не слушала. Последние витки бинта ей пришлось буквально отрывать от обгорелого лица и головы, на которой не осталось волос. Кожа была очень красной, местами лопнули волдыри, обнажая плоть, но оправившись от первого впечатления ужаса, Таня подумала, что все не так уж и страшно. От глаза протянется шрам — это точно, и от носа, возможно, кожа станет неровной, но Виталине точно не стоит опасаться, что ее лицо станет похоже на личи.

— Как тебе? Нравится? — спросила Виталина, и теперь стало понятно, почему она так странно произносит слова. Наверняка у нее болела каждая мышца, а рот стянула запекшаяся корочка, и двигать губами было неприятно. Таня испытала что-то вроде сочувствия, хотя даже воскрешение Виталины не избавило ее от отчаяния.

— Здесь грязно, — спокойно повторила она. — Твоя кожа воспаляется, будет гной. Ты нуждаешься в докторе и лекарстве. И все с тобой будет хорошо.

“Не то, что со мной”.

— О, я просто так не уйду, — Виталина держала в руках бинт, свисающий с ее головы, и не знала, что с ним делать. — Я хочу причинить тебе такую же боль, от которой страдаю я.

— Поздно. Ястин уже сделал все за тебя.

Это было признание в своей капитуляции, но навряд ли Виталина или ее друг поняли, насколько близки они были к тому, чтобы растоптать ее окончательно. Если бы Амин была умнее и не столь упорно думала о себе, она бы увидела, что Татана стала хрупкой, как сталь на морозе, что достаточно затоптать угли ее гордости и ярости, чтобы она легла пластом и стала ждать смерти. Виталина была зла, но недостаточно умна, а Ястин хотел только заполучить Мангона, поэтому позволил случиться тому, что случилось.

— Виталина, Татану нельзя трогать. Никого нельзя пытаться. Приказ дяди.

— О, а я и не буду их пытаться. Просто дай мне десять минут. Всего лишь маленькая месть, мой добрый Ястин, я ее заслужила, — и она вышла из темницы, с трудом передвигая ноги. Тане страшно было представить, каково ей сейчас было подниматься два пролета по

лестнице. Наверняка у нее болела вся поверхность кожи, и какой же ненавистью нужно гореть, чтобы превозмогать такую боль. Мысль о мести, которую затеяла Виталина, заронила крупицу беспокойства.

Ястин тем временем сел на один из двух стульев и приготовился ждать. Он закинул ноги на стол, и Тане с ее соломы было прекрасно видно высокие сапоги из качественно выделанной кожи. Ястин сложил руки на груди и вид имел крайне скучающий. Как же все поменялось! Совсем недавно Ястин был обаятельным незнакомцем, смущающим Росси и дарящим неловкой Тане ничего не значащие сувениры. Теперь он представлял отвратительным самовлюбленным тюремщиком, готовым наблюдать за чужими мучениями со скучающим видом. Как такой человек может так убедительно носить маску учтивой добропорядочности?

— А что, если Мангон не придет? — спросил Жослен.

— Придет, — усмехнулся Ястин. — У него нет выбора: Татана — его последний шанс, и вы все, — он показал на камеры, — это знаете. Произошел переворот, и больше никто не отдаст свою дочь на растерзание зверю.

— Он прав, Жослен, — проговорила Росси. Она была далеко, и Таня еле расслышала ее слова. — Он обязательно придет, и тогда в наших жизнях больше не будет прока.

— Но у вас еще есть время, — Ястин выглядел довольным тем, что в его руках находятся чужие судьбы. — Наслаждайтесь ими.

Росси тихонько всхлипнула, и Жослен протянул ей руку.

— А вы знаете, кто такой Айронгу? Дракон такой был? — неожиданно подала голос Таня. Ястин поднял на нее взгляд, но рассмотреть ее лицо было невозможно: она сидела слишком далеко, и тень скрывала почти всю фигуру. Вдвойне сбивало с толка то, что вопрос был задан равнодушным тоном, в отличие от того же художника, который явно переживал, и над ним легко было насмеяться.

— Знаю. Он все таскался за Мангоном, но исчез почти год назад. Скорее всего сдох. А какое тебе до него дело?

— Потому что я его видела.

На мгновение Ястин потерял самообладание. Глаза его расширились, он качнулся назад и, чтобы не упасть, спустил ноги со стола. Еще один дракон! Если Айронгу жив, это изменило бы расстановку сил, нарушило все планы и поставило под угрозу все, к чему они так долго шли.

— Это бред, — он наконец взял себя в руки.

— Я видела его, Ястин. Молодой красный дракон. Он чуть не убил меня огнем. А знаешь, где я его видела? — Таня сделала паузу, подалась вперед и проговорила, растягивая гласные: — У Мангона в замке.

— Тот самый дракон, который чуть не снес ползамка? — спросил Жослен, и его волнение доказывало лучше всего: Татана не врет.

— Зачем бы Мангону скрывать дракона в замке? Когда его можно было ввести в Совет и укрепить свои позиции?

— Потому что они искали что-то. Например, способ иметь человечность без жертв. Если они нашли ответ, Мангон может не приходиться, Ястин, и все твои дела станут просто смешные, — Таня откинулась на спину, и тень опять скрыла ее. Айронгу был мертв, а все исследования Мангона зашли в тупик, но этого никто не знал, это была маленькая тайна Тани и Адриана.

Ястин некоторое время молча созерцал фигуру в клетке, лицо его было темно, а мысли лихорадочно метались от одного к другому. Наконец он сказал:

— Тогда вы мне больше не нужны, понимаешь? — голос его был наполнен ядом.

— Да все равно, — отозвалась Таня.

— Почему бы мне, — Ястин наклонился вперед, глаза его превратились в две презрительные щелки, — просто не убить вас.

— Тоже можно, — кивнула Таня, и тон ее остался спокоен. Но слишком тонок был тот лед, на который она ступила, возможно, стоило вообще молчать, но бессилие топило ее в своих темных волнах, отбирая способность здраво рассуждать. — Но я верю, что в тебе есть хорошее. Ты делал мне оленя и жирафа.

— Это просто бумажки, — фыркнул Ястин.

— Или нет, — пожала плечами Таня и замолчала. Тут не о чем было говорить. Ястин тоже это понимал. Он поднялся, оглядел камеры еще раз: испуганную служанку со спутанными волосами и грязным лицом, бледного художника и чужеземку, жмущуюся в темном углу. Общение с драконом явно не пошло ей на пользу, она стала самоуверенной и дерзкой. Как отвратительно.

— Возможно, ваша подруга только что вынесла всем вам смертельный приговор, — сказал он, обращаясь к Росси и Жослену, и стремительно вышел. Когда его шаги стихли, Сен-Жан позвал Таню:

— Ты слышишь меня? Татана, не рассчитывай на его милосердие. Я вижу, как надежда отбирает у тебя последние силы, поэтому не мучай себя.

Таня не ответила. Милый Жослен не знал, что надежды у нее не осталось.

Виталина верила, что ее ненависть — извращенный способ любить, а разрушение — своего рода созидание. Созидание ничего из прекрасного. Если Виталина не могла заслужить любви и дружбы такой, какую имела эта мерзкая иномирянка, то она могла причаститься им, разрушив. Она не отдавала отчета в своих действиях, не задумывалась над ними, она жила чувствами и привыкла потакать им. Сейчас ее захватила жажда мести, больше всего она хотела причинить Татане боль, но проклятый Свирл ясно дал понять, что трогать пленницу запрещено. Он Виталину, конечно, не убьет за самоуправство, но вот отправить в какой-нибудь северный храм Матери — это он мог, и даже отец ничего поделать с этим был бы не в состоянии. Нет, связываться со Свирлом — дело гиблое. Он смотрел на Виталину, как кобра на птенца, и привыкшая к интригам девушка чувствовала себя несмышленным младенцем в его присутствии. В его глазах под жуткими подвижными бровями скрывалась ледяная злоба, зиждящаяся на холодном расчете, и ей нечего было противопоставить такой силе.

Виталина хромала по комнате и думала. Навязчивые мысли о мести терзали ее, словно подкожные паразиты. Вокруг нее стояли книги в высоких шкафах, комнатка, которую ей выделили, была библиотекой зелий. У окна стояло два кожаных кресла, торшер с электрической лампочкой и стол. Электричество оставалось дорогим удовольствием, и то, что Свирл провел его к каждому светильнику в лаборатории, говорило о его богатстве и сумасбродной одержимостью наукой. Любой, будь то токи или алхимия. Он рассказывал, как работник при установке лампы схватился за оголенный провод, и его знатно трянуло, а на руке остался ожог. Вот бы к камере чужеземки бросить провода, к ее или ее друзей...

И тут Виталина с радостью, которая свойственна только психопатам, подумала о

друзьях Татаны. О, эта великая сила — люди, которые готовы встать за нее, словно горы. Они же ее главная слабость. Особенно малышка Росалинда, глупая деревенская девчонка, которая решила влезть в драконье гнездо. Пожалуй, лучше и не придумаешь.

Поэтому, когда Таня подумала, что больше не увидит мумию Виталины, та объявилась в подземелье в компании стражника. У того в руках был таз и что-то еще, что оказалось свертком, который он разложил на столе. Было уже поздно, ужин давно прошел, и по недостоверным расчетам время приближалось к восьми часам вечера. Таня напряглась, когда Виталина остановилась напротив ее камеры, но даже не пошевелилась. Так и сидела в своем углу, закутавшись в одеяло, и наблюдала из-под полуопущенных век за сумасшедшей девицей.

— Треск, выведи Росалинду и посади на стул, — просипела Виталина.

Таня вскинула голову. Это было неожиданно. Она приготовилась к нападкам в свою сторону, и ей было все равно, каким ядом приготовилась плевать Амин, но того, что Виталина тронет Росси, Таня даже не предполагала. Стражник тем временем отомкнул замок и вытащил испуганную девушку на середину комнаты, силой усадив на стул. Прямо напротив Тани.

— Эй, что ты собралась делать с ней? — закричал Жослен неожиданно яростно, и эхо заметалось под сводом темницы.

— Ничего особенного, — проговорила Виталина, не отворачивая от Тани прорези в бинтах, через которую наблюдала за миром. — Росалинда заключенная, и нужно провести некоторые процедуры.

— Не трогай ее, — прорычал Жослен, тщетно сжимая прутья решетки.

— Я не причиню вреда твоей подруге. Ни один волос... Ой, а вот этого я не обещаю. Треск! Отрежь ей одну прядь.

Молодой стражник со спокойным лицом взял инструмент из своего свертка — им оказались ножницы, — выдернул прядь из спутавшейся косы и отрезал ее под корень.

— Нет! — воскликнула Росси, хватаясь за голову.

Таня наблюдала за этим представлением с недоумением.

— Ты резала волосы, — усмехнулась она. — Как страшно.

Треск тем временем расплел ленту, и волосы Росси темными волнами упали на ее плечи.

— Нет, пожалуйста, не нужно, — она сползла со стула на пол, цепляясь пальцами за пряди, тщетно пытаясь спрятать их. Жослен все кричал, требуя прекратить, а Виталина следила за Таней. Та же носила короткие волосы с четырнадцати лет, брила затылок и пока не понимала, в чем трагедия происходящего.

— Еще одну, — скомандовала Виталина. Стражник рывком за волосы вернул несчастную Росси на место, намотал на кулак толстую прядь и обрезал ее. Росалинда взвыла, чем наконец привлекла внимание Амин.

— Давай я объясню тебе, — голос у нее срывался и хрипел: огонь сильно повредил ее связки. — Я сделаю то, чего ты заслуживаешь, чего бы мне это не стоило. Если ты будешь сидеть смирно, все пройдет быстро и безболезненно. Если будешь вырываться... Ножницы очень острые, я не хочу, чтобы ты порезалась. Поняла? Руки на колени! — крик перешел в кашель: горло явно не справлялось с нагрузкой. Но Росси послушалась. Она опустила дрожащие руки на колени и смотрела теперь только вперед, в камеру Тани, и во взгляде ее было такое отчаяние, что корка льда, покрывшая Танино сердце, треснула. Это всего лишь

волосы, через год уже будет симпатичная стрижка, через три — приличная длина. Но России так дрожала, с такой мольбой смотрела на Таню, что та стала подозревать: что-то здесь не так. Вот и Жослен беснуется в камере. Она не видела его, но прекрасно слышала угрозы и рычание, которые вообще были ему не свойственны.

— Отпусти ее, мразь! Ты не достойна и волоса с ее головы, имей хоть каплю самоуважения, не пачкай своим дерьмом всех окружающих!

Таня подошла к решетке, чтобы увидеть, как на пол падают и рассыпаются волосы ее подруги. Виталина неспешно командовала “Еще!”, и когда стражник собирал очередную прядь, руки Росси чуть поднимались, как будто она хотела помешать, но не решалась. Только смотрела огромными черными глазами на Таню, будто не могла поверить, что это происходит именно с ней.

— Еще!

Таня со смесью ужаса и отвращения наблюдала за Виталиной: ей нравилось! Она будто расслабилась, томно покачивалась, и голос ее со скрипа сменился на приятную хрипоту. Амин видела отчаяние Росси, ненависть Жослена и получала удовольствие.

— Ты психованная стерва, — протянула Таня, наблюдая за странным процессом. Ее сердце рвалось на части при виде совершенно несчастной Росси, и она повторяла:

— Это просто волосы. Просто волосы, Росси.

А та мотала головой и чуть не плакала. Когда на пол упала последняя прядь и ножницы звякнули о стол, Росси схватилась за голову, от ужаса вращая глазами. Ее пальцы нащупывали короткие пеньки, коже было прохладно без облака волос, а шее — непривычно легко. Росалинда медленно встала, как во сне, и хотела было уйти, спрятаться в камере, чтобы никто ее не видел, но стражник остановил ее и впервые подал голос:

— Постой. Мы еще не закончили.

Росси замерла, вскинула полный страха взгляд на Таню. Та нахмурилась.

— Что еще? Оставь ее!

Виталина чуть помедлила, а потом хрипло ответила:

— Дело нужно довести до конца, Татана. Смотри, смотри внимательно. Это ты привела сюда своих милых друзей. Это все происходит с ней из-за тебя.

— Да что с тобой не так?! — воскликнула Таня, окончательно сбитая с толку отчаянием подруги, пространными фразами Виталины и криками Жослена.

Снаружи лил отчаянный осенний дождь, хлестал в окна лаборатории Свирла, но в глубоко в темницах было тихо и спокойно. На стуле посреди зала сидела Росалинда, по-прежнему сложив руки на коленях в унижительном смирении. Треск намывливал ей голову из таза, который принес с собой. Вода стекала по ее лицу и шее, намочила ворот платья.

— Ты заключенная, а у заключенных водятся вши, блохи и Мать знает, что еще. Но есть способ с эти бороться. Вот что мы сделаем, — Виталина наклонилась к лицу Росси так низко, как могла. — Мы побреем тебя, — в этот момент Росалинда всхлипнула, а Жослен всем телом врезался в решетку, издав яростный вопль. Девица Амин подняла взгляд и с нескрываемым восторгом посмотрела на пленников. — Да, побреем до блеска, не упустим ни волоска. Именно так поступают с такими, как ты. И должна предупредить. У Треска только опасная бритва. Не дергайся, будь добра, иначе он может промахнуться, а мы же не хотим этого? — почти нежно предупредила Виталина. Теперь она не смотрела на Таню, отвернувшись к ее компаньонке. Ждала, словно стервятник на ветке дерева. Замер Сен-Жан, не в силах поверить в происходящее. Его ранимое сердце разрывалось от жалости к верной

подруге и своей беспомощности. Он мог только смотреть, как и Таня, в груди которой разгоралось пламя ярости. О, это была фатальная ошибка злобной, недалёковидной Виталины. Свирлу бы запереть своенравную девицу, отправить к отцу домой, сделать что угодно, но не допускать к пленникам. Но он был уверен, что Виталина не нарушит его приказ и не нанесет увечий его товару на обмен, а об остальном думать у него не было времени.

Когда лезвие бритвы коснулось головы, Росси заплакала. Слезы двумя дорожками катились по щекам, сливались на подбородке и капали на подол. Губы шептали: “Татана. Татана”, — будто та могла выбить дверь камеры и спасти ее. Плечи дрожали от сдерживаемых рыданий, а в глазах застыла обреченность. Так могла бы выглядеть девушка, которая переживала насилие, но никак не стрижку, и Таня ясно поняла, что волосы много значили для ее подруги, были ей жизненно необходимы. Виталина причиняла ее подруге почти физическую боль, и прощения она не дожидается. Танино лицо потемнело. Брови сползли к переносице, руки сжались в кулаки. В груди полыхала ненависть. Желая уничтожить Таню, Виталина внезапно вернула ее к жизни.

“Вжух... Вжух...” — в почти полной тишине было слышно каждое движение бритвы. С легким всплеском стражник погружал инструмент в воду и снова возвращался к работе. Между двух темных берегов остриженных волос появлялась полоска непривычно светлой кожи, которая никогда не знала солнца. Вскоре все было готово. Росси была мокрая, несчастная. И абсолютно лысая.

— Иди в камеру, — приказала Виталина и наблюдала, как Росси покорно бредет к месту своего заточения. Ее лицо было все мокрое от слез, тело трясло мелкой дрожью. Таня не видела, как ее подруга добрела до кровати, но слышала, как ее вырвало.

— Росалинда — заключенная, а заключенные должны быть помечены, — прохрипела Виталина, вплотную подойдя к Тане.

— Бред! — воскликнул Жослен, снова стуча кулаком по решетке. — Ты — бурундова подстилка, ты просто издевалась над ней.

— Ну что, Татана? Как ты? — спросила Виталина, не обращая внимания на крики.

И Таня улыбнулась так холодно и злобно, как никогда в своей жизни не улыбалась.

— Замечательно.

— Храбрись, храбрись. Это только начало. Молись Великой Матери, чтобы дракон поскорее пришел за тобой.

— А ты молись, — прошипела Таня, — чтобы я до тебя не добралась. Я или Влад, он-то свободен.

И ее драконий язык никогда не звучал так чисто и гневно, как в тот момент.

— Влад? — переспросила Виталина и хрипло рассмеялась, как старая ворона. — Твой Влад никогда мне ничего не сделает! Ни мне, ни кому-либо еще. Потому что он мертв, Татана!

Таня сделала шаг назад. Ужас прокатился от затылка вниз по спине, и заныло в груди.

— Ты врать! Ты врать, бурундова трещина! — закричала она, обличительно тыкая в сторону Амин пальцем.

— Нет, дорогая. Я сама видела его тело. Твой Влад самый мертвый доктор в этом городе. И это тоже твоя вина, — отчеканила Виталина.

Таня прислонилась к стене. В ушах зашумело, и она сползла на пол. Весь мир скукожился до камеры в Богом забытом мире, в подвале лаборатории алхимика-психопата.

Открытое, горящее гневом сердце приняло удар со всей силы, не защищенное ни апатией, ни цинизмом, и боль разлилась от головы до пальцев ног. Таня закрыла глаза, утопая в этой боли, и на несколько минут мир вокруг перестал существовать.

Покойся с миром, Владимир. Ты не предавал свою Таню, ты умер из-за нее.

Им требовалось время. Росси для того, чтобы смириться с потерей прекрасных волос и последствиями, которые это повлечет за собой в ее жизни, Жослену — со своей слабостью и беспомощностью. Требовалось время и Тане, в течение которого она переживала смерть Влада, друга, ставшего кем-то большим, а также трагедию Росси, виновницей которой она стала. Возможно ли было остановить Виталину? Таня начала осознавать, что слишком далеко зашла в своей гордости, и от этого стали страдать ее друзья. Стоила ли ее неприступность слез и отчаяния подруги? Могла ли Таня, наступив себе на горло, умолять Виталину перестать, возможно, самой шагнуть навстречу ее безумию, но оградить малышку Росси? Таня размышляла, где проходит граница ее ответственности за чужие жизни. Сама того не желая, она возглавила небольшой отряд и сделала это именно благодаря непокорности и готовности вступить в спор, встать грудью на защиту... чего угодно. Жизни друзей или своих принципов. Вся история ее пребывания в чужом мире оказалась историей борьбы и противостояния, и теперь ей предстояло ответить для себя, насколько ее бунт был оправдан.

Они молчали почти двое суток. Когда стражник бросил тарелку с едой перед камерой, Таня, вопреки обыкновению, ловко утащила ужин себе и вгрызлась в сухое куриное мясо. Она собиралась жить и мстить, а для этого нужны были силы. И только на третий день она начала разговор. Первой.

— Жослен, — позвала Таня, — мне нужно объяснить. Я не поняла, что теперь будет с Росси.

— Да, Татана! — горько воскликнул Сен-Жан. — Да! Ты ничего не понимаешь, и поэтому всем вокруг тебя плохо и больно! Ты обречена на огонь, и нас тянешь в самое пекло, не заботясь о том, выживем мы или нет. Твоя борьба за жизнь важна, а все остальные ложатся под твои ноги на пути к свободе. Ты словно... словно дракон!

Он закрыл лицо руками и замолчал, раскачиваясь из стороны в сторону. Таня посмотрела на руки, которые сбила, когда в ярости от гибели Влада колотила бетонную стену. Кожа была содрана, раны саднили, но эта боль была ничем по сравнению со словами Жослена. Перехватило дыхание от ощущения, что ей всадили в живот ледяной клинок, от которого мертвый холод пополз к сердцу и вниз, к ногам. Таня схватилась за живот, согнувшись. Пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы сохранить хоть какое-то спокойствие.

— Прости, — заговорил Сен-Жан. — Прости, ты не виновата. Мы сами за тобой сюда пришли. Просто внутри такая боль, и я не справляюсь с ней, вот и отыгрываюсь на тебе.

— Нет, Жослен, — покачала головой Таня, но дрожь в голосе с головой выдавала ее боль. — Ты прав. Я играю в драконьи игры, а с доски улетают другие. Я не лучше, чем Виталина.

Наверное, стоило успокоить ее, но любые слова, которые приходили в голову Сен-Жану, звучали глупо и наиграно.

— Между вами есть разница, — наконец решил он. — Ты хочешь выжить. А она — развлечься. Поэтому тебя я смогу простить, а ее — нет. Но мне потребуется время, Татана.

— Я понимаю, — ответила та, прижимаясь затылком к холодной стене. — Этого уже много.

В подземелье снова стало тихо и умиротворенно, будто в каменных мешках не страдали, не менялись, не выросли три совершенно разных человека, чья любовь друг к другу подвергалась испытанию.

— Но ты можешь рассказать? — вновь нарушила молчание Таня. — Зачем Виталина это сделала?

— Попробую, — Жослен подошел к решетке, чтобы его было лучше слышно, и просунул руки между прутьев. — В Илирии женщины не стригутся коротко. В моей стране даже мужчины ходят с длинными волосами, за исключением рабочих и простых солдат, которым они мешают. И становятся пристанищем вшей. Длинные косы — признак добропорядочности. А налысо бреют рабынь с Паучьих Островов. Или бывших рабынь, ставших проститутками. В любом случае, бритая голова — это приговор. Даже когда волосы отрастут, за Росси закрепится слава продажной женщины. Она не получит хорошей работы, не выйдет замуж, разве что за бывшего заключенного или уедет с каторжником в ссылку. Побрив ее налысо, Виталина фактически лишила ее жизни.

Таня смотрела прямо на стену и решеткой, не зная, что сказать. Голова кружилась. Она и подумать не могла, что Росси плачет не просто по красивой прическе, а по своей судьбе. Таня вспомнила, как ее гнали в Илибурге отовсюду, где бы она ни появлялась, кроме, разве что, церкви.

— Она стала, как я.

— Тебя мало кто видел. И мы знаем, что ты из другого мира, странного и дикого. Это все объясняет. Но если бы ты захотела жить в Илибурге, шансов на приличную жизнь у тебя бы не было.

В дальней камере всхлипнула Росси.

— Я ведь просто хотела заработать, — сквозь слезы проговорила она. — Амин предлагал хорошие деньги за прислуживание таинственной тэссе. Я была так рада, что меня выбрали! А потом Мангон предложил еще два раза по столько же. Я не верила своему счастью! Я бы выкупила закладную за дом и, может быть, хватило бы на приданое. Если бы я знала, о, если бы я знала! — и она разрыдалась в голос, впервые за три дня выплескивая все, что накопилось в ее нежном сердце.

— Росси, прости меня, — все, что могла сказать Таня. Но ответа не получила.

Спустя несколько часов она забылась тревожным сном. Провалилась во тьму, потому что ворочающаяся в сердце тревога не давала нормально спать. Она приносила с собой странные видения, наполовину состоявшие из яви, наполовину — из страхов. Очнулась Таня от звука голосов.

— Росси! Росси, — это Жослен пытался дозваться до подруги, не разбудив Таню.

— Что случилось? — откликнулась Росалинда. По бодрому голосу было ясно, что она не спала.

— Я хочу предложить кое-что. Только обещай, что подумаешь.

— Хорошо, — бесхитростно согласилась та.

— Выходи за меня замуж, — выпалил Жослен.

— Что? — переспросила Росси, и Таня на своей соломе закрыла рот рукой от удивления и странного восторга.

— Послушай, я знаю, что кандидат я не очень. Но вроде нравился тебе... до всего этого.

И я подумал, может быть, ты согласишься быть моей женой?

Таня подобралась поближе к решетке, чтобы лучше слышать.

— Знаешь, пару недель назад я бы прыгала от восторга, — спустя минуту заговорила Росси, и слова ей явно давались с трудом. — Но сейчас все изменилась. На мне почти клеймо. Я в отчаянии, постоянно плачу, а еще от меня пахнет так, будто я месяц жила в коровьем хлеву. Я не гожусь в жены. И не нуждаюсь в твоей жалости.

— Что за бред? — с излишним жаром воскликнул Жослен и продолжил тише: — Я знаю тебя, знаю, насколько ты добрая и нежная. Ничего не изменилось. Я не позволю никому судить тебя. И не хочу никому тебя отдавать.

— Ты же не любишь меня, Жослен, — с тоской проговорила Росси, прижимаясь лбом к холодным прутьям.

— Я люблю тебя. Как подругу, да, но это отличное начало. Пожалуйста, выходи за меня.

Росси молчала. Было слышно, как она всхлипывает. Ее сердце разрывалось между любовью и остатками гордости, Таня прекрасно это понимала. И несмотря на то, что не чувствовала себя больше достойной ее дружбы, с наигранной строгостью проговорила:

— Давай убирай слезы и соглашайся! Я не буду слушать в ночах твои сожаления!

Росси хихикнула сквозь слезы.

— Если ты не возьмешь меня в мужья, никто же больше не возьмет! — подыграл ей Сен-Жан. — И я умру в одиночестве.

— Ну хорошо, — от слез у Росси началась икота, и согласие ее вышло совсем не таким, каким бы хотелось. Все было совсем не так, как в мечтах, что уж говорить. — Я буду твоей женой.

— Я так рад, дорогая.

Жослен протянул сквозь прутья руку, и Росси сжала его пальцы.

Став свидетелем жизнеутверждающей сцены посреди отчаяния темницы, Таня еще больше укрепилась в желании выбраться оттуда. Она заснула, придумывая план побега, и проснулась с такими же мыслями. Впервые взялась за свой блокнот с тех пор, как угодила в лапы Ястина, и исчеркала несколько страниц схемами и пунктами, но ничего дельного не придумывала. Жослен тоже оживился, да и Росси начала наконец разговаривать. Некоторыми своими соображениями Таня делилась с друзьями, и если сначала они скептически относились к ее идеям, постепенно тоже заразились энтузиазмом.

— Ты открывала когда-нибудь замки? — спросил Жослен, передавая Тане шпильку Росси, которая теперь была ей не нужна.

— Никогда, — призналась Таня.

— Тогда у тебя ничего не получится. Просто вертеть ее бесполезно. И в обратную сторону тоже, — комментировал он. — А так ты ее сломаешь. Ну вот, я же говорил!

— Ты не помогаешь, — Таня выбросила бесполезные железки за решетку.

— Эй, я нашел тебе заколку! Это почти полдела.

Все планы они обсуждали только ночью, эксперименты проводили тогда же. И хоть они оценивали свои шансы как крайне призрачные, не хотелось, чтобы кто-то подслушал их маленькие секреты. Однако в ту ночь было беспокойно. Началось все с отдаленных криков, но глубоко в подвале понять что-то было невозможно.

— Что там происходит? — спросила Таня, вставая на носочки, будто это помогло бы слышать лучше.

— Не понятно. Может быть, восстание добралось до лаборатории? — предположил

Жослен.

— Интересно, а если нас найдут мятежники, нас освободят? — спросила Росси.

— Может быть. Если вообще спустятся сюда. Иначе мы умрем от голода, — мрачно улыбнулась Таня.

— Спаси Матерь! Что ты такое говоришь? Я же только стала невестой.

Они замолчали, тревожно прислушиваясь к далеким звукам. Приникли к решеткам, вжались в них и замерли в ожидании. К ним никто не приходил, кроме угрюмого стражника, с тех пор, как Виталина устроила торжество мести, и шаги их нового посетителя были так легки, что они узнали о нем, только когда он появился в дверном проеме. Друзья отшатнулись от решеток, не зная, кто это и что от него ждать: было видно только силуэт человека в плаще, и им вполне могла оказаться Виталина или сам Свирл. Человек скользнул вперед, в пятно света, и у Тани перехватило дыхание.

В темнице, облаченный в неизменный черный плащ, стоял Тень.

Глава 6. Прикосновение дикости

У Тани в ее двадцать лет был весьма скудный опыт общения с людьми в целом и мужчинами в частности. Ее друзья были молодыми людьми, в меру легкомысленными, чтобы устраивать веселые вечеринки и влезать в легкие отношения, в меру серьезными, чтобы добросовестно учиться и заниматься спортом. Товарищи отца, которые часто засиживались на маленькой кухне, были добрыми и простыми, они до сих пор относились к ней, как с малышке Танюше. Но в общем и целом, в ее кругу были обычные жители спального района Москвы, и никаких обеспеченных бизнесменов там отроду не водилось. Поэтому, что творится у богатых мужчин в их серьезных головах, Таня могла только догадываться. И она считала, что приоритеты таких людей — собственная выгода, ради которой они вполне могут пройти по паре-тройке голов для достижения большой цели. К таким личностям она относилась и хладнокровного Мангона, поэтому хоть втайне и надеялась на его помощь, серьезно на нее не рассчитывала ни минуты. Его появление в темнице вызвало искреннее удивление, которое пересилило все иные чувства.

— Мангон, вы пришли за нами? — Жослен задал вопрос, который интересовал всех троих.

— Нет, люблю свободный день провести в темницах психованных ученых, — Тень демонстративно вытащил из-за плаща огромную связку ключей. — Татана, ты как? — он стал подбирать ключ к замку ее камеры.

— Нормально. Не моюсь, сплю на сухой траве, разговариваю с Виталиной. Как обычно, — пожалала плечами Таня, и Тень усмехнулся, взглянув на нее.

— Как вы узнали о нас, дэстор Мангон? — робко спросила Росси.

— Свирл постарался. Он использовал лучший способ оповещения — распространил слухи среди бедных и пьяниц, и в одном из кабаков я услышал о замечательных гостях архимагистра. Росалинда, а с тобой что случилось?

— С ней случилась Виталина, — с плохо скрываемой ненавистью ответил Жослен.

— Эта тэссочка славится извращенной натурой, — кивнул Тень. Очередной ключ повернулся в замке, и он распахнул дверь. — Ты свободна, — и насмешливо поклонился.

Таня сделала шаг вперед и вышла из клетки. В сердце вспыхнула бешеная радость. Она все еще была там, внизу, в полутьме и холоде, но уже никакие решетки не сдерживали ее, и это чувство оказалось слаще всего, что ей приходилось испытывать. Когда Тень принялся подбирать ключи к камере Жослена, на лестнице послышались торопливые шаги: кто-то бежал к ним.

— Топают, как слоны, — Тень бросил связку Тане. — Открывай, я разберусь.

В темницу влетели два стражника с оголенными шпагами.

— Дэсторы, что за старомодные нравы? — воскликнул Тень, разводя руки, будто приглашая к драке. — Где же ваши пистолеты?

— Стой на месте! — приказал один из стражников. — Мы позвали подмогу. Сейчас здесь будет целый взвод, вам не сбежать.

— И вам тоже, дэсторы, и вам тоже, — Тень бросился вперед, ловко уходя от летящей шпаги.

— Татана, замок, пожалуйста! — взмолился Жослен.

— Точно! — спохватилась Таня, отворачиваясь в тот момент, когда стражник, что

пониже ростом, полетел головой в стену. У нее дрожали руки, она честно перебирала ключ за ключом, но они или отказывались поворачиваться, или не входили в скважину. За спиной раздавались звуки борьбы и болезненные вздохи, Тень попытался что-то состричь, но задохнулся от удара. Росси, наблюдавшая за схваткой, иногда вскрикивала, чем нервировала еще больше. Внезапно раздался выстрел, отразившийся от высоких сводов, Таня вздрогнула от неожиданности и выронила ключи.

— Проклятье! — простонала она. — Все с начала.

— Эти двое отдыхают, — сказал Тень, поправляя капюшон и маску. Таня оглянулась: один из стражников лежал без сознания у стены, второй был застрелен. — Как у тебя?

— Я упала ключи, — извиняющимся тоном ответила Таня.

Тень нервным движением запустил руку под капюшон.

— Ничего, соберись. Мы откроем эти камеры. Но у нас мало времени.

— Нет, — внезапно сказал Жослен, и голос его был непривычно строг. Таня подняла удивленный взгляд. — Вам нужно идти.

Мысль оставить друзей в темнице обожгла, как пощечина.

— Что ты говоришь? Я не брошу вас! — она снова принялась перебирать ключи, но все было бесполезно. Жослен протянул руку сквозь прутья и положил ее на запястье Тани. Пальцы у него были холодные и на удивление чистые.

— Сейчас придет подмога, и с ней вы не справитесь. Даже если выпустите нас. Мы окажемся здесь все вместе, и никто нам больше не поможет.

— Но как же это, Жослен? — с несчастным видом выдохнула Таня.

— Это не предательство, слышишь? — Сен-Жан заглянул ей в глаза, и в его взгляде не было злости или осуждения, только понимание. — Ты не предаешь нас. Если вы выберетесь, у вас будет шанс спасти нас. Если останетесь, мы умрем все вместе.

— Он прав, Северянка, — поддержала его Росси, и на глазах у нее блестели слезы. — Бегите, а потом возвращайтесь за нами.

Таня почувствовала, как сдавило грудь и защипало глаза. Она протянула руку и погладила подругу по голове и лицу.

— Я вернусь, — пообещала она. — Если надо, мертвая, но вернусь.

— Я люблю тебя, Северянка.

— И я вас люблю.

Таня не могла отойти от камер, будто это был шаг в пропасть, все стояла и гладила плечо Росси, но вдруг почувствовала, как горячие пальцы взяли ее руку.

— Татана, нам пора.

Она подняла взгляд на Тень. Кивнула. И несколько секунд спустя они бежали по лестнице вверх, перепрыгивая через ступеньки. От непривычки сбилось дыхание, и Таня упивалась этим ощущением, которое помогало немного отвлечься от мыслей об оставленных друзьях. Тень крепко держал ее за руку. Ему приходилось задерживать шаг, но он терпеливо тащил Таню за собой.

Они выскочили в коридор, где все было по-прежнему: деревянные панели на стенах, картины со степенными господами и выложенные мозаикой ромбы на полу. Таня совсем недавно считала эти ромбы, а казалось, что с тех пор прошла вечность — не меньше. В лаборатории было темно и тихо, и на стенах светили электрические свечи в медных держателях — дешевая подделка под настоящий огонь.

Тень позволил ей выдохнуть и тут же потащил ее дальше, к выходу. Он уже не

беспокоился о тишине, и их шаги гулко раздавались в пустом коридоре. Вот и огромные двери. Тень налег на них плечом и вытащил Таню на морозный воздух. На мгновение она задохнулась от свежести, зажмурилась, словно слепая крыса, хотя на улице горело всего два фонаря да луна насмеялась с недоступной высоты. Пройдя еще несколько шагов, Тень остановился и развернул Таню к себе за плечи.

— Как ты себя чувствуешь? — в его голосе слышалось беспокойство.

— Голова делает круги из-за воздуха. Я рада двигаться, а сердце... Про него пока не спрашивай.

— Хорошо. Тогда слушай внимательно. Нам придется пройти по открытой площади вдоль дома. Потом завернем направо и будем почти в безопасности. Но этот путь нужно пробежать, и нас сможет увидеть каждый, кто окажется рядом. Если что-то случится, и мне нужно будет задержаться, иди вот сюда, — он вложил в руку Тане кусок бумаги. — Это адрес. Ивовая улица, 21. Повтори.

— Ивовая улица...

— Ивовая, Татана, Ивовая улица.

— Ивовая улица, — послушно повторила Таня, дрожа всем телом от холода и волнения, — двадцать один.

— Отлично. Повторяй, как молитву, потому что она спасет тебя. Там ты найдешь убежище, где тебя никто не достанет. Волноваться не о чем, все оплачено. Жди там, я приду, — он посмотрел в глаза Тане, будто хотел убедиться, что она все поняла, а потом надвинул свой капюшон на глаза. — Ну все, пора.

Таня огляделась и подобрала с земли какую-то доску. Беспольный кусок дерева, но с ним она чувствовала себя на грамм спокойнее. Они с Тенью пробежали коротким переулком и вылетели на одну из центральных улиц, на которой Таня была единственный раз в сопровождении Влада. Тогда это был ее путь домой. Фонари вдоль дороги были слепы, горел только один вдалеке. Брусчатку присыпал первый снежок, похожий на соль. А поперек дороги стоял отряд хорошо вооруженной стражи. Они не успели всего на минуту, чтобы зажать беглецов в переулке.

У Тани упало сердце, желудок скрутило от ужаса. Перед ними были не ленивые охранники лаборатории. Это была городская стража, которая наставила на них блестящие в лунном свете ружья. Задние ряды достали шпаги, хотя перед ними был всего лишь худощавый мужчина в плаще и девчонка.

— Это конец, да? — спросила Таня, чувствуя, как леденеют конечности. — Тогда... Тогда я возьму слева, а ты возьми справа.

— Не двигаться! — прокричал стражник, стоявший впереди и упиравший приклад в плечо. — У нас приказ от Кейбла арестовать вас. Ради сохранения ваших жизней поднимите руки и опуститесь на колени, иначе я буду стрелять!

Таня понимала одно: в темницу больше она не пойдет. У нее отобрали надежду на возвращение домой, друзей, даже душевное спокойствие. У нее не осталось ничего, за что оставалось цепляться, кроме свободы, и она была готова отстаивать ее до последнего. Таня сделала шаг, выставила левую ногу вперед и замахнулась деревяшкой, будто приготовилась отбивать бейсбольную подачу. Сзади раздался тихий шорох, и резкий, пронизывающий до костей порыв ветра подхватил плащ Тени, унося его в сторону.

“Вот и умница, драться в этой тряпке, наверное, очень неудобно”.

Она подумала, что готова, хотя это было не так. Нахмурилась, придавая себе суровый

вид, и не догадывалась, какой худой и несчастной выглядит со стороны. Стражники смотрели прямо на них, и вдруг глаза их округлились от страха. То-то же, отчаяние загнанных в угол людей — это вам не шутки. Кто-то из мужчин крепче прижал к плечу ружье, кто-то наоборот опустил оружие. Они смотрели во все глаза, оцепеневшие, растерянные, и взгляд их поднимался все выше. И тут Таня заметила, что перед ней на земле вырастает тень. Раздался хлопок, словно простыня развевалась на ветру. Таня обернулась и охнула.

Над ней возвышался огромный дракон. В лунном свете его чешуя отливала обсидианом. Длинный хвост обвивал задние лапы, на которых он стоял, крылья хлопали по бокам и задевали фасады стоящих по обеим сторонам от широкого проспекта домов. Дракон задрал голову и издал утробный рык, полный гнева. Когда он опустился на передние лапы, мостовая дрогнула, и на стражника уставились два огромных глаза с вертикальными зрачками.

“Что ты делаешь, тебе же нельзя!” — успела подумать Таня, прежде чем Мангон покосился на нее и небрежным движением головы отбросил в сторону. Удар о брусчатку выбил воздух из легких, Таня застонала, поворачиваясь набок. Она хотела видеть, что происходит, потому что стражники ожили будто по движению волшебной палочки, первый ряд прицелился и грянули выстрелы дюжины ружей. Оглушительный грохот пролетел по проспекту, отражаясь от домов, размноженный несколько раз. Но пули, встречаясь с драконьей чешуей, падали на камни дороги бесполезными железками. Мангон посмотрел на них, склонив голову, почти любопытно, а потом дыхнул огнем. Стражники рассыпались в разные стороны, ближе к зданиям, но половина из них повалилась на землю, охваченные пламенем. Люди кричали от боли, катаясь по ледяной брусчатке, командир велел держать строй и целиться, но некоторые солдаты не смогли справиться с ужасом и пытались скрыться от гнева дракона. Мангон повернулся направо и дыхнул еще раз, сжигая беглецов, а слева раздалась серия выстрелов. Одна из пуль попала в приподнятое крыло и порвала кожистую складку. Дракон взревел от боли и ярости. Он повернулся налево, где выжившие отчаянно колотились в двери дома, к которому жались, и больше не дышал огнем, а кинулся на них, чтобы собственными лапами рвать, давить и убивать. Раздались крики ужаса, но они быстро обрывались.

Все закончилось в считанные минуты. Если кто и спасся, то наверняка сейчас убежал переулками подальше от безумного чудовища. На проспекте остались только мертвые и несколько стонущих, умирающих стражников. И Таня. Дракон обернулся, долгим взглядом посмотрел на нее, и Таню будто облили ледяной водой: в желтых глазах не было и искры осознанности. Она уже видела такое, месяц назад, в подвале Серого Кардинала. Молодой красный дракон, не вынесший раздирающей его сущности, поддался ей, навсегда прощаясь с человечностью. И с Мангоном сейчас происходило то же самое. Влад предупреждал: у Адриана не осталось сил, еще одно превращение, и он навсегда останется диким животным. Величественным, всесильным, но животным.

Дракон медленно шел к Тане. Ему некуда было торопиться, ей — бежать. Чешуйки вокруг его пасти были окрашены кровью, словно покрыты красной глазурью, и оторвать взгляда от них было невозможно. Дракон открыл пасть, демонстрируя огромные клыки, такие, которые не могли присниться и в кошмаре. От него пахло огнем и кровью.

— Мангон! Мангон, дерись с собой! — отчаянно крикнула Таня. Дракон прислушался, посмотрел на нее, как будто даже задумался, а потом дохнул горячим воздухом, обжигаящим кожу. Он ее не узнавал, но достучаться до человека, спрятанного в мощном

теле, было ее последним шансом.

— Мангон... Нет, Тень. Тень! Это я, Татана! — вновь закричала она. Морда размером с внедорожник была совсем рядом, и от нее несло железом и дымом. — Тень, ты помнишь меня?

Дракону было все равно. Он мотнул головой, сбивая человечка с ног, и распахнул пасть.

— Адриан! — в отчаянии заорала Таня. — Адриан, услышь меня!

Дракон замер, с лязгом захлопнул пасть. Таня почувствовала болезненную радость и вскочила на ноги.

— Адриан! Адриан, ты помнишь, у дракона тоже есть чувства? Да? Ты там, я знаю. Я Татана, и я твой друг, — она вытянула руку, в душе уверенная, что сейчас же лишится ее. — Друг. Я за тебя, — ее голос стал тише, проникновеннее. — Я на твоей стороне.

Морда была совсем рядом, и желтые глаза смотрели прямо, строго и безучастно. Время замерло. На улице было тихо: никто их стражников больше не стонал, и даже ветер не завывал в проулках, только сердце стучало оглушительно, словно большой барабан. Толстые брови дракона, украшенные острыми черными чешуйками, нависли над глазами, будто внутри чудовища шла страшная борьба. Через несколько бесконечно мучительных мгновений дракон ткнулся в ладонь Тани носом, испачкав ее чужой горячей кровью. Отступил, замотал головой, прогоняя морок. Зарычал, выпустил дым из носа и снова сделал пару шагов назад. Когда он посмотрел на Таню, глаза его горели, и ей показалось, что видит в них отчаяние и борьбу. Дракон поднял голову к безучастному небу и протяжно зарычал, а потом взвился в воздух, сбив Таню с ног. Сидя на холодном камне, умирая от страха, она смотрела, как его чешуя сверкает в ночном небе и как он быстро скрывается вдаль. Когда дракон превратился в точку, Таня все еще сидела на земле, обхватив голову руками. Реальность доходила до нее постепенно, толчками. Она обнаружила себя в одиночестве, испуганную и продрогшую, среди незнакомой улицы, превратившейся в поле боя. Поднявшийся ветер принес запах крови и горелого мяса. Шатаясь, Таня поднялась и пошла прочь, повторяя, как молитву: Ивовая улица, двадцать один.

Лирой, приток Отолуры, на берегах которого развалился, как старый пьяница, Илибург, делал петлю. Над ним проходил Сокольничий мост с потрясающей красоты статуями соколов, строго наблюдавшими каменным взглядом за всяким, кто решит перебраться с одного берега на другой. Но людям, ютящимся под мостом, эта красота приелась хуже зубной боли, и была бы их воля, они бы не видели этих мерзких птиц никогда. Это был различный сброд: бездомные, бродячие музыканты и ремесленники, недостаточно известные, чтобы снять номер в гостинице, беглые преступники, мятежники и просто городские сумасшедшие. Они устроили баррикады из ящиков и деревянных щитов, которые были призваны защитить их от пронизывающего до печенок ветра. Здесь горели костры, почти все в бочках, но самый большой — прямо на гранитном камне, и рядом с огнем было еще терпимо. Бродяги даже выделили специальных смотрящих, главной задачей которых было поддерживать огонь. Если они не справлялись со своим простым делом, то получали знатных тумачков и еще долго охали во сне, ворочаясь на твердой земле.

— ... и поэтому я уверен, что любая власть есть зло и порок. Даже если Виссарион — благородный разбойник, который думает о народе, ему потребуется совсем немного времени, чтобы понять, что народ — переменная, которой вполне можно периодически пренебрегать во имя высшей цели, — говорил статный старик, во рту которого не хватало

большого количества зубов — он потерял их в славных драках.

— И что же, сидеть и терпеть этих алчных ящериц, которые тащат все золото Драгона себе в пещеры? — возмутился его собеседник.

— Драконы порочны, как и любой облеченный властью, но они и наша сила. Ни в одном государстве не осталось драконов, они так же прогнали их, возгордившись.

— И живут прекрасно!

— Возможно. Но вот пришли они на наши границы и обтирают их, а вступить боятся. Потому что прилетит Кейбл и пожжет их ряды к Бурунду. А противопоставить ему нечего.

— Но говорят, — вступил третий бездомный, — что существует такое средство, и ежели им стрелы смазать...

— Смотрите, кто-то идет! — воскликнул мальчишка, лишившийся в уличных беспорядках родителей и примкнувший ко двору под мостом совсем недавно.

Старик, которого здесь знали под именем Гардад, отошел от огня, чтобы глаза привыкли к темноте. И точно, в их сторону шел парнишка. Он обхватил себя за плечи и покачивался из стороны в сторону.

— Это может быть ловушка, — проговорил кто-то. — Нужно его прогнать.

— Да уж, ты у нас самая важная птица, чтобы на тебя ловушки ставить, — недобро покосился на него Гардад, а потом велел: — Помогите ему добраться к огню!

Пару молодых парней подскочили со своих лежанок и вышли в Извне — за границы коробок и щитов. Они подхватили пришлого мальчишку под локти и помогли ему добраться до огня. В свете костра стало видно, что у него отросшие белые волосы и белоснежная кожа, словно он никогда не видел солнца. Штаны, рубашка и жилет были пошиты из дорогой качественной ткани, а сапогам сносу не было. Наверняка перед ними был какой-нибудь беглый дворянчик, ну что ж, и такие попадали в беду.

— Ивовая улица, дом двадцать один, — проговорил мальчишка тонким голосом, будто он еще не ломался.

— Это адрес, где ты живешь? — спросил Гардад, и гость поспешно кивнул.

— Это ж гостиница тэссии Жамардин! — воскликнул рябой мужчина. — Только есть ли у тебя деньги заплатить за ночлег, а, парень?

Пока дворянчик мялся с ответом, пройдоха Тору лежал на набитом соломой тюфяке, жевал табак и рассматривал этого парнишку. Что-то сразу показалось ему подозрительным, и он шурился, пытаясь понять, что именно. Но когда гость отпустил наконец предплечья и расправился, греясь у большого костра, Тору присвистнул:

— Эгей, токмо ж это не парень! Вы гляньте, и титьки и корма — все при ней. Ахахаха, а вы думали, мужик это маленький? — он искренне расхохотался, повалился на спину, трепыхая в воздухе ногами. — Как будто... ох, не могу... Как будто сто лет бабы не видели.

Таня, а это была именно она, вспыхнула и зло посмотрела на весельчака. Акцент у него был жуткий, и понять удалось всего пару слов, но совершенно ясно было одно: над ней потешались.

— Так ты что же, правда, девушка? — спросил Гардад, заставляя ее повернуться вокруг оси. — Хм, действительно. А что ж ты в штанах? И без волос на голове.

— Продажная потому что, — пожал плечами проходивший как будто по своим делам парень. У него была шикарная черная шевелюра, даром что грязная, и обаятельная улыбка цыганенка. — Но так даже лучше, верно, милая? — он положил ей одну руку на плечо, а второй ущипнул за грудь, за что сразу получил подзатыльник от Гордада.

— Как ты себя ведешь, позорище? Коль проститутка и решит вас уболажать, так дело ваше, молодое, лезть не буду. А если помощь ей нужна, так она ничем не хуже нас. Значит, поможем.

— Точно, продажная, — шептался кто-то за спиной. — Смотри, ноги какие крепкие, хороша, наверное.

— А одежду кто-то из полюбовников купил.

— Да точно так и было.

Таня снова вцепилась в плечи, тщетно пытаясь защититься от взглядов этих мужчин. Идти ей было некуда, а если они решат напасть, то защититься она не сможет. Но Таня верила из последних сил, что среди людей должны попасться добрые.

— Я плохо говорю на драконьем, — начала Таня, обращаясь к Гордаду, в котором она безошибочно опознала лидера, хоть и не знала, что его никогда в жоаки не выбирал и титула не давал, все случилось само собой. — И мне нужна помощь. Мне нужно на Ивовая улица, двадцать один. Меня там ждут.

— Не вопрос, отведем, — заверил ее Гардад. — Ты только отогрейся сначала. Эй, кто-нибудь! Дайте ей одежду.

Вперед вышел странный мужчина неопределенного возраста и низко поклонился, выставив вперед левую ногу и сняв большую шляпу. Таня наблюдала за его кривляниями, подняв бровь. На нем был странный костюм, сшитый из белого и коричневого бархата, украшенный бантиками, некоторые из которых были оторваны.

— Тэсса, барон Трошер к вашим услугам. Бесконечно рад снова вас видеть. Примите мое скромное подношение, — и он протянул ей подбитый мехом дуплет, линялый и выцветший, но сохранивший следы былой красоты.

Вглядываясь в его странное лицо, детское, но хранившее следы возраста, Таня вдруг вспомнила этого человека. Когда она впервые попала в Илибург и пыталась выжить на его улицах, она ела вместе с ним в церкви. Тогда Трошер, пожалев девушку, которая не могла добыть себе еду из-за накинувшихся на стол бездомных, предложил ей свою тарелку, заверив, что покушал с нее совсем чуть-чуть и с краешку.

— Эй, а я ведь знаю тебя!

— Юная тэсса помнит меня, — счастливо улыбнулся он. — Потому что между нами сразу вспыхнула искра. Наша любовь засияет в бесконечности!

— Не обращай внимания, — улыбнулся Гордад, — Якоб Трошер сумасшедший, но добрый малый. Он действительно сын барона, родившийся не таким, как все. Его иногда забирают домой, но Якоб снова и снова сбегает на улицы, уверенный, что это и есть его владения, а мы его друзья и слуги.

— Спасибо, дэстор Трошер, — наклонила голову Таня, и барон, невысокий, худой, с болезненными кругами под глазами, снова расплылся в улыбке.

У дуплета был странный уксусный запах, и была вероятность, что в его некогда шикарном мехе водились паразиты, но Таня куталась в него, словно это была новая шуба. Парень с внешностью цыгана, широко улыбаясь, сунул ей в руку кружку и налил туда красной жидкости.

— Выпей, — предложил Гордад, — и согреешься.

— Оу, спасибо, — Таня посмотрела в кружку и не решилась даже пригубить сильно пахнущую спиртом жидкость. — Но я не пью.

— Боишься? — одобрительно хмыкнул старик. — Это правильно. Люди бывают разные,

а мы здесь отребье и преступники, но сегодня ты одна из нас, продажная ли ты девка или жрица Великой Матери. Смотри, — он взял кружку и сделал большой глоток из нее. — Мы тебе не хотим зла, а кто задумает недоброе, — он мельком взглянул на цыганенка, — то я лично ему руки оторву и в зад затолкаю. Пей, не бойся.

Таня еще некоторое время с сомнением крутила кружку в руках, а потом решительно отставила ее в сторону. В прошлый раз, когда она пила с незнакомцем, все чуть не закончилось бедой. И все же интересно, как там Лис? Нагнало ли его возмездие Вука, или хитрому Мартину удалось выйти сухим из воды?

— Какая ж она продажная, хе-хе? — снова подал голос мужчина на соломенном тюфяке, тот самый, кто опознал в ней девушку. — Пить не пьет, морщится, поди ж. С Центральной она, говорю, из богатых, хошь, пятку за это отгрызу?

Никто его не слушал, но Гордад все-таки спросил:

— Откуда ты идешь? Выглядишь побитой. И у тебя кровь, — от показал на рукав, забрызганный коричневыми каплями. Но Таня замотала головой, давая понять, что не хочет ничего рассказывать. Она не могла доверять этим людям, теперь никому не могла, если уж быть честной с собой. Кто знает, может, они с радостью сдадут ее Свирлу, чтобы получить пару банкнот на своей пойло, и тогда все усилия пропадут даром, и ее, и ее друзей, и Мангона.

— Ну, не хочешь, так не говори, — хлопнул себя по коленям старик. — Все мы тут с историями. Как зовут хотя бы?

Таня решила, что она и так довольно приметная, чтобы еще сообщать направо и налево свое настоящее имя, поэтому прозвище, которое дала ей когда-то Росси, пришлось очень кстати.

— Я Северянка.

— Ну, — протянул старик, — это многое объясняет. А я Гордад, запомни мое имя, Северянка.

Двор под мостом жил своей жизнью. Люди, разные, молодые и старые, красивые и изуродованные, испуганные и разбитные, пили, разговаривали, смеялись или сидели в темноте, предпочитая одиночество. Двое сцепились из-за бутылки. К Гордаду подошел мужчина в дырявом пальто и с головой, повязанной платком под шляпой, и они принялись обсуждать какие-то патрули. Трошер не спускал с Тани глаз и как будто между прочим пытался подобраться к ней поближе. Он таращил глаза и дергал себя на грязные кудрявые волосы, свисающие из-под шляпы. Мужчина с внешностью цыгана достал гитару, что было встречено возгласами одобрения. Он некоторое время крутил колки, прислушивался к звучанию струн, перебирал их одну за другой, пока не остался полностью довольным звучанием инструмента. Он не объявлял песни и не привлекал внимания, просто брнчал незамысловатую мелодию, которая вплеталась в узор жизни под мостом. Те, кому была интересна его музыка, перебирались поближе, и Таня тоже развернулась к нему, чтобы лучше слышать.

Обиды, упрёки — по кругу, по кругу...

Несказанность слов угнетает и душит.

У тэссы Молчания цепкие руки

И взгляд равнодушный, морозящий душу.

Я тщетно пытаюсь к тебе достучаться

И вижу бессмысленность всех разговоров.

Гуляет хозяйкою горе-злосчастье,
А я — невидимка! Ты права априори.
Черёмуха в вазе расправила кисти,
Грядут холода по народным приметам.
Опять тишина в нашем доме повисла,
В ней плавают кольцами дым сигаретный.
Смахнуть со стола бы хрустальную вазу,
Решиться на крик или дерзкий поступок...
Какой-то колдун нас, наверное, сглазил.
Ну, что ты молчишь?
Я люблю тебя, слышишь?

У него оказался приятный бархатистый голос, который звучал то низко, мягко и тепло-бархатно, то взлетал вверх, заставляя сердце тосковать или радоваться. Музыкант печально улыбался и часто смотрел на Таню, и стихи неизвестного автора дрожали, уносясь ввысь, славили незакомую тэссу Молчание, которую влюбленный поэт увековечил в своем творении. Парень переживал каждую строчку, и любовная песня шла ему, словно скроенный по размерам камзол. Он родился, чтобы любить и разбивать сердца, темнокожий, темноволосый, дерзкий и обаятельный, его движения были легки и грациозны, он был красив и опасен и знал это. Таня бы обманула себя, если бы отрицала, что пусть на короткий момент, но ее сердце не зашло потаенной тоской по страстной любви, которую воспевал бродяга под мостом Илибурга. Он ударил по струнам еще раз, заводя веселую песню о выпивке и женщинах, и собравшиеся вокруг него люди стали подпевать кто во что горазд, но вместе они все равно звучали очень дружно.

Таня согрелась. Пальцы приятно покалывало, и голова стала тяжелой от усталости и пережитых потрясений. Вокруг кипела жизнь, звучали разговоры и обрывки песен, и Таня почувствовала, что засыпает. Закрыла глаза, повинувшись потребностям измученного тела, склонилась на бок и рухнула на плечо Гордада.

— Северянка, проснись! — он перехватил ее за плечи и легонько потрянул. — Не дело тебе здесь спать. Вставай, парни отведут тебя к Жамардин.

Таня с усилием протерла глаза, прогоняя дрему. Странное дело, но она расслабилась, оказавшись на теневой стороне Илибурга, среди людей, которые ее не знали и ничего от нее не ждали, среди нищеты и разрухи, в свете костра, в котором горели старые коробки и надежды на хороший конец. Ее сердце, разрывающееся от боли и противоречий, притихло и позволило наконец дышать полной грудью. Пара часов передышки, прежде чем идти дальше, сражаться и вырывать право на жизнь. Таня вздохнула, потеряла руки и решительно поднялась.

— Кто проводит Северянку к Жамардин? — громко спросил Гордад, и несколько человек выступило вперед. Их не пришлось просить дважды, они были готовы протянуть руку помощи, как когда-то протянули им, спасая от голодной смерти и тюрьмы. Среди таких вызвавшихся был и барон Трошер, который улыбался, как младенец, и комкал в руках свою нелепую шляпу. К нему присоединился веселый мальш, шутивший громче всех, и угрюмый высокий человек в поношенном пальто, и незнакомец с тюфяка, который так весело заливался смехом каждый раз, когда выяснял новую подробность про ночную гостью. Сомнительная компания, но ей Таня доверила свою жизнь.

— Спасибо, дэстор Гордад, — кивнула она. — Я обязательно заплачу вам за это все.

— Дэстор, надо же, — усмехнулся старик. — Сто лет ко мне так не обращались. В добрый путь, Северянка. Как знать, может, свидимся еще, тогда и сочтемся.

Илибург спал под холодным высоким небом, залитый серебром. В лунном свете мерцали первые снежинки, которые, долго кружась, опускались на землю, чтобы тут же растаять. Пристанище двора под мостом оказалось почти в центре города, и тут иногда попадались горящие твераневые фонари, до которых не успели добраться в своем кураже бунтовщики. Илибург повернулся к Тане другой стороной, темной и холодной, но вместе с тем невероятно умиротворенной. В тишине было слышно только шаги пяти человек, знавших город, как пальцы на руках, сколько бы их ни осталось. Жители, уставшие от погромов и протестов, разбрелись по домам, и на улицах остались мародеры и разбойники, опасные как для представителей старой власти, так и новой. Люди прятались в своих жилищах, запирались на засовы, закрывали ставни и больше не решались высовывать нос за порог после захода солнца. Веселый праздник безумия превратился в долгие опасные сумерки, в которых не было места удалой справедливости, теперь в Илибурге царило правило сильнейших: кто сильнее, тот и берет все, что пожелает. У власти остался один дракон, который боролся с распрями внутри вдруг рухнувшей системы, ему внезапно не оказалось дела до мира, распростершегося у подножия его небоскребов. А еще он боялся, но этого не знал никто, кроме разве что Мангона, но его разум было уже не спасти.

В сопровождении бездомных Таня вышла на небольшую уютную площадь, над которой нависли небоскребы. Несколько окон горели в темной высоте, словно огромные звезды, и богатые люди, которые прятались там, казались такими же недостижимыми, как небесные светила.

— Подождите минуту, ваше благородство, — Трошер остановился, показывая рукой на одну из башен на площади, на которой располагался большой темный циферблат. Он задрал голову и придерживал шляпу, чтобы она не свалилась.

— Что случилось? — спросила Таня, которая начинала замерзать.

— Нет, ты погоди, — улыбнулся один из бездомных и тоже поднял взгляд к циферблату. Ровно в полночь, в десять часов, круг вспыхнул зеленым светом, осветив цифры и несколько кругов, которые начали двигаться, меняясь местами. Вспыхнули одна за другой десять звездочек, раздался мелодичный бой, и в башенке, под самой крышей, открылась дверца. оттуда вылетел металлический дракон, механически машущий крыльями, пролетел по полукругу, и пламя в его пасти горело красным. Проделав свой путь до конца, он скрылся за другой дверцей. Теперь открылись дверцы под циферблатом, и там проплыли яркие фигурки незнакомых Тане персонажей и давно умерших людей, знаменитых в Илибурге. В руках они держали горящие звездочки на металлических палочках, несколько из них уже потухли, и некому было позаботиться об осиротевших часах. Фигурки спрятались за дверцей, круги на циферблате еще несколько секунд вращались, а потом медленно потухли, осталась гореть только цифра 10.

— Ух ты, — выдохнула Таня.

— Ночью Библиотечная башня выглядит особенно красиво, — проговорил бездомный. — Все эти здания вокруг — Великая Библиотека. Снаружи торчит лишь часть, и еще больше скрыто под землей, целый лабиринт, в котором спрятаны тысячи книг. Это место было обителью Уэлла.

— Его голова... — начала было Таня.

— Да. Уэлл был сказочным духом Илибурга. Зря они с ним так.

Хозяин соломенного тюфяка захихикал:

— И никакие книжки, никакие мудрости не спасли его, хе-хе. Разделали, как куру.

Хмурый бродяга в плаще недобро посмотрел на него и поднял воротник:

— Пошли.

Они пересекли безлюдную площадь, нырнули в одну из улочек, вдоль которой стояли двухэтажные каменные дома с закрытыми ставнями окнами, потом свернули в переулок, узкий и темный. Бездомные вели ее прочь от центра, к стене, и чем дальше, тем зеленее становились дворы, тем более обветшалыми казались дома. Остановились они напротив кирпичного здания в три этажа, утопающего в зелени и возвышающегося над соседями, словно пастух над стадом овец. В окнах первого этажа горел свет, но они были занавешены шторами, поэтому что-либо разглядеть казалось невозможным, надпись большими золотыми буквами над входом гласила “Черный дракон”. Хмурый сопровождающий три раза постучал в дверь, и прошло не меньше минуты, прежде чем она открылась. На улицу пролился свет, заполнявший холл, и мужчина перегородил проход. Он был крепким и настолько высоким, что ему приходилось наклонять голову, чтобы разглядеть поздних гостей. В руках он сжимал дубинку.

— Шо вам? — недружелюбно поинтересовался мужчина.

— Мы к тэссии Жамардин, привратник! — пафосно сообщил Трошер, выпячивая щуплую грудь в засаленном камзоле. — Доложи своей госпоже, что к ней высокие гости.

— Скройся, Трошер, — отодвинул его в сторону бродяга в плаще, видя, как недоволен охранник. — Добрый вечер. Эта девушка, — он указал на Таню, — ищет безопасный ночлег.

— Дор, кто там на ночь глядя? — из глубины холла раздался женский голос, и за спиной охранника появилась высокая дама в красном стеганом халате, отороченном белым мехом. На вид ей было лет пятьдесят, она была худощавой и высокой, кудрявые каштановые волосы с проседью были забраны в высокую прическу. — Кого вы притащили на этот раз? — спросила Жамардин, морщась.

— Ее зовут Северянка, и она ищет комнату.

— У ваших друзей никогда нет денег, чтобы заплатить хотя бы за еду, а у меня не ночлежка. Я вас просила никого ко мне больше не водить.

Таня вышла вперед.

— Вот, мне дали ваш адрес, — она протянула мятую бумажку, и Жамардин взяла ее двумя пальцами, словно боялась испачкаться. — Тень сказал, что вы все знаете.

Лицо женщины разгладилось, стало благосклонным и обеспокоенным. Она пробежала глазами строчки на мятом листе, потом посмотрела на Таню:

— А где же он сам?

Таня не знала, как ответить ей, и просто подняла глаза к небу. Кажется, что Жамардин поняла ее, потому что приложила изящную, тронутую временем руку к лицу.

— Ну что же он? Он обещал быть осторожнее.

Таня просто покачала головой, надеясь, что женщина поймет, что у Мангона просто не было выбора. Жамардин спохватилась, замахала руками.

— Ну что же мы стоим? Проходи скорее. Как тебя там? Северянка?

— Меня зовут Татана, — ответила Таня, вступая под сень безопасного убежища. На нее дохнуло теплом и запахом обжитого дома. Наверх вела покрытая ковром лестница, двери направо и налево открывали вид на маленькие гостиные и стойку, за которой, по всей

видимости, можно было снять комнату.

Жамардин на минуту отошла, оставив дом под охраной верного Дора, а Таня обернулась к бездомным, которые в полной мере выполнили свое обещание.

— Спасибо вам! Всем сердцем, — она прижала руки к груди.

Высокий бродяга в плаще хмыкнул, хозяин тюфяка захихикал, грозя пальцем, а Трошер раскланялся, подметая пол огромной шляпой. Таня улыбнулась ему и низко поклонилась, принимая правила игры. Полоумный дворянчик пришел в неописуемый восторг, подпрыгнул и гордо посмотрел на своих друзей. Вернулась Жамардин, в руках у нее был маленький черный мешочек.

— Спасибо за помощь моему другу, — сказала она. — Выпейте за Тень.

— Тень? — переспросил мужчина в плаще, ловко пряча мешочек в карман под алчными взглядами сопровождающих. — Всенепременно, — он коснулся края шляпы двумя пальцами и первый отвернулся, нырнул из светлого пятна обратно в холодную ночь. Хихикающий бродяга достал откуда-то черный котелок, нацепил его на голову и последовал за ним. Последним Таня видела Трошера, который раскланялся, пока не закрылась дверь, и Таня не осталась один на один с тэссией Жамардин.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, изучая, решая, стоит ли доверять, делая выводы друг о друге. Жамардин казалась сонной и чуть высокомерной, Таня — хмурой, резкой, диковатой, как уличный мальчишка.

— Что случилось с Мангоном? — спросила с долей подозрения женщина.

— Много врагов, — ответила Таня и обняла себя руками, мысленно возвращаясь на несколько часов назад. — Он стал драконом.

— Вот ведь упрямец! — взмахнула руками Жамардин. — Вечно он чересчур уверен в своих силах. И слишком много на себя берет. Ну да Бурунд с ним, дай-ка я на тебя посмотрю. О Матерь, что с твоими вещами? Что за запах?

— Я была в темнице, — буркнула Таня, понимая, что выглядит она не лучше бездомных, что привели ее сюда. Достойную компанию она себе подобрала.

— Дор, — позвала женщина, — пока слуг нет, тебе придется подготовить ванную комнату. Это чудовище срочно нужно отмыть. А я пока подберу одежду.

— Тэссия, у меня нет денег...

— Не беспокойся, Адриан заплатил за все услуги до конца времен, — отмахнулась Жамардин, рыская по полочкам за стойкой. — Где-то был... Вот он! — она протянула ключ с большим красным брелком. — Комната 219, второй этаж. И ради Матери, не называй меня тэссией, а то я чувствую себя старой.

“Адриан, — повторила про себя Таня, принимая ключ, — где же ты сейчас?”

— Ну, чего такая несчастная стоишь? Пошли, покажу тебе твою комнату, — Жамардин старалась не прикасаться к грязному костюму Тани, просто пошла вверх по лестнице, потом по коридору, поэтому оставалось просто следовать за ней.

Комната, которая предназначалась Мангону, была поделена на две половины тонкой перегородкой. В каждой части была своя кровать, покрытая тяжелым бордовым пледом, шкаф, кресло и письменный стол. Окна выходили на центральный вход, где Таня сама стояла каких-то десять минут назад, но их можно было закрыть, чтобы спрятаться от посторонних глаз.

— Там, за дверью, я приготовила женские принадлежности для умывания, как велел Мангон, — Жамардин, казалось, чувствовала себя неуютно. — О водопроводе во всей

гостинице я пока только мечтаю, горячая вода есть в ваннах на первом этаже, а в комнате пока придется довольствоваться кувшином. Я выброшу эту одежду, взамен принесут приличное платье.

— Нет! — резче, чем следовало бы, запротестовала Таня. — Не нужно, я не хочу платье, я хочу штаны.

— Гулять по Илибургу с обтянутыми брюками ногами не безопасно, — раздраженно ответила хозяйка гостиницы. — Хотя чего я удивляюсь, от друзей Мангона всего можно ожидать.

Таня прошлась по комнате, заглянула за дверь, в ту часть, что отводилась ей. Она могла ночевать отдельно, не стесненная обществом Мангона, но при этом никто бы не прошел к ней мимо дракона.

— Это все он придумал? — спросила Таня, имея в виду приготовленную комнату.

— Да, необычная предусмотрительность с его стороны. И забота. Такого в последнее время от него не дождешься, — со странной смесью грусти и злости ответила Жамардин.

— Раньше он был другой?

— О да. Мой “Черный дракон” существуют только благодаря ему, — женщина с нежностью разгладила несуществующие складки на покрывале. — Он раньше часто приходил ко мне, веселый и храбрый, а потом его отец умер и он стал Мангоном. С тех пор меня навещал только напыщенный дворянин, драконий кардинал. И вот вчера Тень снова появился на моем пороге, и я не могла отказать ему ни в одной его просьбе, — она посмотрела на Таню, и в ее глазах читалась сильная тревога.

— Думаете, он не вернется?

Жамардин опустила голову.

— Он сказал, что у него не осталось сил оборачиваться, что он может погибнуть от пули, если не решится перекинуться в дракона, а если решится, то останется им навсегда. И я спросила, ради кого он так рискует.

— И что он сказал?

Хозяйка посмотрела на Таню прямо и немного отчаянно.

— Сказал, что ради себя. Что ты можешь спасти ему жизнь. Но дело не в этом, потому что передо мной был Тень, а уж его-то я знаю.

Жамардин смотрела на Таню так, будто она была в чем-то бесконечно виновата, а сама Таня почувствовала, как сердце забилося чаще, и в животе стало теплее. От крайнего чувства неловкости спас Дор, который возник в дверном проеме на удивление бесшумно, словно гигантская тень.

— Я ванну налил, как вы и просили, — пробасил он. — Можно я пойду сторожить дом от отребья? Я это умею намного лучше.

— Конечно, Дор. Спасибо за помощь, — Жамардин погладила его по огромной руке, и в ее движениях сохранились грация и милая жеманность. Вероятно, в молодости она была той еще кокеткой, и Таня удивилась, что это открытие стало ей неприятно. Вероятно, их связывало с Адрианом что-то большее, нежели “Черный дракон”, и ее это ни коим образом не касалось, скорее всего, тогда ее и на свете не было, но она вдруг снова с особой остротой почувствовала себя лишней в этом мире и этой истории, где всех связывали невидимые узы, а она металась, словно шарик от пинг-понга, между людьми и чужими комнатами, слишком молодая, слишком глупая и до отчаяния одинокая.

— Ну что же ты стоишь? — обернулась Жамардин, спугнув грустные мысли. — Беги

скорее в ванную и смой с себя следы пребывания в темнице. Ты милая девочка, и вонь заключенного тебе не идет.

Ванная комната была настолько большой, что напомнила о доме Амина. Но если там Таня купалась в роскошной ванне с видом на небоскребы Илибурга, то в “Черном драконе” была скорее общественная помывочная. Здесь был небольшой предбанник, где можно было переодеться или посидеть на скамейке, дожидаясь своей очереди, а за дверью располагалось целых три купальни, разделенные ширмами. К ним прямо по полу были проведены латунные трубы, очевидно, что Жамардин не решилась на капитальный ремонт ради центрального водоснабжения. Здесь было очень гулко и полутемно, горела одна твераневая лампа на столике. Одна из ванн оказалась наполнена обжигающе горячей водой. То ли Дор хотел ей за что-то досадить, то ли у него была настолько дубовая кожа, что она его спасала даже от таких высоких температур. Таня встала в ванне и замерла: вода была горячей настолько, что еще чуть-чуть и невозможно было бы терпеть. Кожа стоп постепенно стала красной, но Таня, сжав зубы, все равно медленно села, ощущая, как пар обжигает кожу. Некоторым людям не нужны суды и палачи, чтобы вынести себе приговор и примерно наказывать себя раз за разом. Глубоко в душе Таня была уверена, что виновна по всем статьям и не достойна ни теплой постели, ни этой ванной, и только боль могла помочь искупить ей ее греховное удовольствие от удовлетворения элементарных человеческих потребностей. У ее друзей, оставшихся в темнице Свирла, не было и того, и погружаясь под воду с головой, Таня клялась первым делом заняться их спасением.

Вода, не воспетая только ленивой мифологией, вопреки даже самому искреннему желанию страдать, смывала боль и тревоги. Как бы Тани ни жаждала ненавидеть себя, она вылезла из ванной горячей, мягкой, уставшей девушкой, которая мечтала о стакане какао и теплой постели. Нет, тяжесть с сердца не осталась в мыльной воде, свои камни Таня все еще продолжала носить при себе, но делать это стало чуточку легче.

В комнату она возвращалась по пустым коридорам. На столе ее ждал легкий перекус и молоко с травами, она с благодарностью съела булочку с джемом, глядя, как постепенно светлеет небо, где ночь снова проиграла заре. Потом она, как была, в халате, забралась в кровать, которая принадлежала Мангону, и крепко уснула.

Проспала Таня до следующего вечера и проснулась вполне отдохнувшей и готовой к мести и подвигам во имя друзей. Другой цели у нее не было, она не понимала, зачем ей еще жить в этом мире и куда идти.

— Тебе не обязательно искать смерти, — говорила Жамардин, которая неожиданно решила составить тани компании за ужином. Они сидели в небольшой столовой на первом этаже, где круглые столики были покрыты белоснежными скатертями и на них стояли вазы с цветами. В столовой оказался еще один мужчина, который баловал себя поздним бокалом виски, но прочие постояльцы уже поужинали и разошлись по номерам. На столе, за которым ужинали Таня с хозяйкой гостиницы, горели свечи, настоящие, а не эти “твераневые ублюдки”, как называла их Жамардин. Таня снова пошла на компромисс с собой и надела платье, которое предложила ей хозяйка. Вопреки обыкновению, она даже смогла вынести свое отражение в зеркале, наверное, потому что платье было элегантным и очень сдержанным, без раздражающих бантов и рюшей.

— Я не ищу смерти, — возражала Таня, — я дала слово. И потом, я не знаю, что мне еще делать.

— Оставайся у меня, — предложила Жамардин. — Думаю, Адриан хотел бы, чтобы я о

тебе позаботилась, а мне не помешает помощница.

— Не думаю, что вам нужна такая проблема. Боль везде, где я есть.

— Хах, милая, ты слишком высокого о себе мнения, — рассмеялась хозяйка. — Боль просто везде, и ей нет до тебя никакого дела. Ты родилась на свет и обречена страдать, пока Матерь не заберет тебя и ты не обретешь покой.

— Говорите не весело, — сказала Таня, намазывая гусиный пащтет на ломоть хлеба.

Жамардин посмотрела на нее долгим взглядом, будто оценивая, и вдруг спросила:

— Сколько мне, по-твоему, лет?

Таня замерла с бутербродом в руке. Наверное, тут был какой-то подвох, хозяйка вообще вела себя так, будто за каждым ее словом кроется десяток смыслов, в которых не было никакого шанса разобраться, но Таня была слишком прямолинейна для всех этих игр.

— Пять десятков и два, — пожала она плечами.

— Ты странно изъясняешься, но при этом умудряешься льстить, — усмехнулась Жамардин, покачивая в руках бокал вина. Она явно была польщена. Бутылка на столе почти опустела, и глаза женщины весело блестели. — Пятьдесят два, значит? Мне шестьдесят один.

— О, хорошо смотрите! — бесхитростно заявила Таня, чем вызвала еще одну искреннюю улыбку.

— Спасибо. Но моя жизнь позади, и в ней мало было хорошего, — она задумалась, пригубив вина. — Знаешь, ведь у нас с мужем была таверна. “Белая лошадь”. Тогда не было всех этих мобилей, и считалось, что белые кони приносят удачу. Мне наша лошадь принесла только боль. Оказалось, что муж мне изменяет, я узнала и потребовала прекратить встречи с другой женщиной. Любовница, услышав это, в приступе ревности подожгла таверну. Ночью. Муж сгорел, а я спаслась, выпрыгнув из окна мансарды, где была наша спальня. Тот вечер до сих пор иногда мне снится, и его крики, и почерневшая кожа, и то, как я смотрю из окна, а земля все отдаляется, отдаляется, и я понимаю, что если прыгну, то никогда не долечу до земли.

— Это страшно, — сказала Таня, хотя рассказ ее не очень трогал: ей требовалось большое усилие, чтобы расслышать все слова и уловить смысл, поэтому на переживания не хватало времени.

— Я сломала ноги, — как бы между прочим поведала Жамардин, — и буквально заново училась ходить. У меня не осталось ничего: ни дома, ни мужа, ни копейки денег. Так я оказалась под мостом и была принята ко двору.

— Вот почему они вас знают!

— Мало кто помнит меня, с тех пор тридцать лет прошло. Разве что Гардад, но он вообще странный человек, который то исчезает, то снова появляется, когда вздумается. К счастью, под мостом я провела мало времени, потому что встретила там Тень. Он втайне от отца общался со всяким ненадежным сбродом, и признаться честно, своему сыну я бы устроила приличную взбучку, узнав о таких его приключениях. Но сына у меня нет, и мне очень повезло, что Адриан не слушал своего.

Жамардин прервала рассказ, чтобы достать из вышитого мешочка трубку для курения с длинным изящным мундштуком. Она сжала в ладонях маленькую черную чашку трубки, вырезанную из черного дерева и украшенную золотым ободком, будто пыталась отогреть в руках маленькое живое существо. Потом из другого мешочка высыпала на стол табак и, беря его двумя пальцами, принялась накладывать внутрь, щепоть за щепотью, сначала не

надавливая, иногда постукивая по тыльной стороне ладони, позволяя сухим листьям улечься под собственным весом, и только в конце, когда табак лежал небольшой горкой, достала стик из такого же черного дерева и немного его примяла. Жамардин не торопилась: процесс казался поистине успокаивающим, почти ритуальным, и женщина явно получала удовольствие от каждого действия. Чиркнула спичка. Жамардин положила кончик мундштука в рот, красная помада осталась только по краям губ и не отпечаталась на нем, поднесла огонек к чашке и подожгла табак, втягивая дым. Огня не было видно, он тут же нырнул в гущу листьев, словно ласка, и только небольшой дымок указывал на то, что внутри он горит.

Жамардин некоторое время курила молча, прикрыв глаза и думая о своем. Тане не торопила ее, наслаждаясь ужином. Удрученная сытостью и теплом, в которых она оказалась, Таня все крепче утверждалась в мысли пойти спасти друзей. Мысль, что эта идея может стать последней в ее жизни, приходила в голову постоянно, и Таня не упускала возможности вкусно поесть и погреться у огня, чтобы позже мучиться угрызениями совести. Но безнадежный круговорот ее размышлений прервала Жамардин:

— Он дал мне денег. Адриан, я имею в виду, — она выпустила дым вместе с его именем. — Неприлично много денег, чтобы я могла отстроить таверну заново. Но я не хотела возвращаться к прошлому и купила этот дом. Сколь бы огромную сумму Адриан мне ни подарил, на землю в центре города ее бы не хватило, поэтому я обитаю здесь. Он помог с оформлением бумаг и покупкой мебели, рекомендовал “Черного дракона” знакомым, так что я получила шанс не скатиться до уровня отеля для свиданок.

— Черный дракон! Это же из-за Мангона, да?

— Как нагло, да? — Жамардин усмехнулась немного хищно.

— Почему? Я думаю, это приятно, — бесхитростно ответила Таня. Женщина коротко и невесело рассмеялась и вновь отправила трубку в рот.

— Мне хотелось показать всем его причастность ко мне, моим делам. Уличить в связи со мной, ведь со временем он становился все более далеким и холодным. Благородный кардинал Мангон, честолюбивый и недоступный. Я хотела, чтобы люди догадывались, подозревали его, но, кажется, они либо не задумывались о смысле вывески, либо так же наивно умилялись ей. Ты понимаешь меня, верно? Ты тоже хочешь, чтобы все видели?

— Что видели?

— Вашу связь, конечно.

— Я хочу, чтобы Мангон никогда не знал о том, что я живу, — резко ответила Таня, поддаваясь странному напряжению вечера. Жамардин была беспричинно откровенна, вероятно, она очень давно хранила тайны при себе и, встретив незнакомую девушку, которая могла бы разделить и понять ее чувства, не смогла сдержаться, испытывая вместе с облегчением страшную ревность. Но слова Тани удивили ее.

— В этом секрет Мангона? Он просто хочет ту, что не хочет его? Как банально, — рот Жамардин искривился, его уголки поползли вниз.

— Я думаю, Мангон просто хочет жить. И он готов обменять на жизнь все, что угодно.

Они некоторое время молчали. Таня ковырялась в мясе, которое резко стало ей не интересно после непрощенного экскурса в чужие отношения, Жамардин же курила, выдыхая дым изящными струйками и изучая узор на стенах. В своих мыслях она была очень далеко, в далеком прошлом и не таком далеком будущем, которое было ей отмерено, пересыпала воспоминания, словно уголь в ладонях, такие же черные, такие же безнадежные.

Незнакомый мужчина допил виски и, учтиво попрощавшись с хозяйкой, вышел из столовой.

— А вы с Мангоном? Ну... — спросила вдруг Таня.

— Спали ли мы с ним? — прищурилась Жамардин, сразу переключая внимание на собеседницу. — Зачем тебе такие подробности, милая? Хочешь ли ты знать, где среди этих комнат мы уединялись и какие слова он мне говорил?

Таня слушала, широко распахнув глаза. Ее щеки вспыхнули от смущения.

— Нет! — чересчур пылко возразила она. — Что в вашей голове вообще, зачем мне это знать? Я спрашиваю, видели вы его в последнюю половину года? Может, он говорил о планах и его драконьей жизни?

Жамардин высоко подняла голову и посмотрела на нее сверху вниз.

— Твое оправдание выглядит нелепо.

— Ваше хотение вспомнить это все выглядит нелепо, — Таня решительно поднялась. — Куда отнести тарелку?

— Ха-хах, — коротко рассмеялась Жамардин. — Чем больше я с тобой нахожусь, тем меньше понимаю Мангона. Насколько я знаю, у него всегда была парочка женщин, и последние полгода, и вообще всегда. Чего он тобой озаботился? — она показала головой. — Посуду уберут, не волнуйся.

— Тогда я пойду спать, — и Таня покинула столовую, полная смущения.

В коридоре она встретила несколько постояльцев, которых застал в чужом городе мятеж, им Жамардин с готовностью дала скидку, как будто идя навстречу попавшим в нелегкую ситуацию клиентам, на самом деле борясь хоть за какую-то выручку в наступившие темные времена. Но стоило Тане войти в комнату и закрыть дверь, как ее обступила мягкая тишина. На столе горела лампа, выхватывая из темноты канцелярский набор и пару чистых листов бумаги, шторы, закрывавшие окна, казались особенно альми в скудном свете, но весь остальной номер тонул в темно-серых тонах. Он казался особенно большим для одной Тани, и она поймала себя на мысли, что ей одиноко и немного страшно. Понимая, что уснуть не удастся, она села за стол, взяла лист бумаги и начала составлять план. Спасение друзей — единственная цель в жизни, которую ей удалось для себя выдумать. Своеобразный маячок, который еле заметно горел впереди и на который хотя бы можно было ориентироваться. В остальном было ощущение, что Таню обступил густой туман, который стремился ослепить, оглушить, лишить обоняния и окончательно сбить с пути. Все, что у нее осталось, — это Росси и Жослен, которые остались в холодных темницах Свирла, и никто в этом не виноват, кроме нее.

Таня нарисовала путь к лаборатории так, как она запомнила, и планировку той части первого этажа и подземелья, которую видела. Ее чертеж значительно отличался от реальности, и Таня прекрасно отдавала себе в этом отчет, но эти воспоминания — все, что у нее было. Она попыталась представить, сколько охраны может быть в лаборатории, есть ли другие входы, и под самое утро поняла, что одной ей не справиться. Ей катастрофически нужна была помощь людей, которые владели информацией, недоступной для Тани. Уже засыпая прямо за столом, положив голову на изрисованные листы, Таня вспомнила о Дворе под мостом. Эта мысль на мгновение привела ее в восторг, и она твердо решила на следующий день отправиться к бездомным, а в следующую секунду провалилась в сон.

Глава 7. Причина вернуться

Болела шея. Боль растекалась вниз по спине и, хоть и не приносила мучений, ежеминутно раздражала. Спать за столом — едва ли Тане могла прийти идея хуже в ту ночь, но это казалось таким романтичным: работать буквально до потери сознания, как в книгах или кино. Реальность, как ей и полагается, оказалась неприятной. Жамардин усмехалась, поглядывая на то, как ее новая постоялица разминает шею. Сама хозяйка “Черного дракона” разбирала квитанции, которые на стойку регистрации принесли с самого утра, а Таня сидела на диване напротив.

— Жамардин, вот скажите, если кто-то хочет видеть людей под мостом, что кто-то должен сделать? — спросила она как бы между прочим. План привлечь бездомных показался с утра ненадежным, но Таня продолжала думать над ним и за завтраком, и перед обедом, и даже над тарелкой с супом, и ничего лучше в голову ей не пришло.

— Прийти под мост? — Жамардин выгнула бровь. Она догадывалась, что это только начало разговора, и бросила на Таню заинтересованный взгляд из-за монокля.

— А если кто-то хочет дать работу?

— Эти парни не любят работать, милочка. По-моему, это очевидно по их образу жизни.

— Ну, а если кто-то хочет?

— Так, — женщина перевязала резинкой стопку квитанций и бросила их в ящик стола, после чего подалась вперед, опираясь локтями на стойку, и спросила прямо: — Что ты задумала?

В этот момент в холл вошел высокий худой мужчина с сухим морщинистым лицом. Он положил ключ на стойку, и Жамардин тут же повесила брелок на доску позади себя.

— Доброе утро, — голос у мужчины оказался неожиданно высоким. — Ухожу по делам, буду как обычно.

— Хорошо, дэстор. Удачного вам дня, — откликнулась хозяйка. — Будьте осторожны на улицах.

— Да, осторожность сейчас не помешает, — ответил мужчина, однако уходить не торопился. Облокотившись на стойку регистрации, он окинул ленивым взглядом холл.

— Тэссия, а что это за юное сокровище на вашем диване? Новая постоялица? Или? — проговорил мужчина вполголоса и многозначительно поднял брови. Таня демонстративно смотрела в сторону, стараясь не смущать клиентов “Черного дракона”, и подробностей разговора не слышала.

— О, это моя племянница. Бедняжка Шарлотт. У нее был стригущий лишай, — сообщила Жамардин доверительным шепотом. — И ее пришлось остричь.

— Так значит, она не? — мужчина показал на голову, намекая на короткие волосы.

— Нет, — протянула Жамардин. — Что вы. Крайне дикая девочка. И туповата, если честно.

Мужчина подошел к Тане, и та подняла на него вопросительный взгляд.

— Разрешите выразить вам соболезнования, — с ноткой снисхождения сказал он. — Не печальтесь, вы обязательно обретете счастье с каким-нибудь бедолагой.

— Чего? — нахмурилась Таня, и мужчина только сочувствующе вздохнул.

— Вы были правы, она действительно туповата, — заявил он Жамардин, ничуть не смущаясь ее недовольного взгляда. — Моя раха готова?

— Как обычно, ждет вас в зимнем саду. Поторопитесь, а то остынет, — холодно отозвалась хозяйка, открывая регистрационную книгу.

— Всенепременно, всенепременно, — кивнул мужчина и вышел.

— Что за гнусный тип, — пробормотала под нос Жамардин и добавила громче: — Так что ты задумала, милая?

Таня смутилась, с досадой чувствуя, как глупый румянец заливает лицо, но отступить было поздно.

— Я хочу просить бездомных помочь. Идти в лабораторию и освободить моих друзей.

Жамардин медленно выпрямилась, удивленно подняв брови, и монокль тут же выпал, так что его пришлось ловить. Водрузив стеклышко на место, женщина предложила:

— А давай я дам тебе веревку?

— Зачем мне веревка?

— Ты же хочешь покончить с жизнью? Так с веревкой намного проще и быстрее выйдет, нежели соваться в лапы Свирлу.

Таня закатила глаза: у нее не было настроения для сарказма, она и так была сжата, как пружина.

— Я хочу спасти друзей, — упрямо повторила Таня. Жамардин вышла из-за стойки и присела на диван напротив нее. В беспощадном дневном свете было заметно, насколько она старая и уставшая, и теперь Таня видела, что Жамардин и правда шестьдесят лет. Ее бледные серые глаза смотрели прямо с грустью и холодной решимостью.

— Давай честно: у тебя нет никаких шансов спасти друзей. Ты одна во всем городе, ты не знаешь и не умеешь ничего, что помогло бы тебе освободить их. Все, что ты можешь, это попросить Великую Матерь забрать их жизни поскорее. Или пойти и умереть в темнице вместе с ними.

Таня смотрела на Жамардин во все глаза, и чувствовала, как кружится голова, будто ее сейчас больно ударили.

— А если люди под мостом? — ее голос почему-то оказался хриплым.

— Чем ты им собираешься платить, милая? У тебя нет ни агорта, а эти бродяги мизинцем ноги не пошевелят даром.

Пришло время Тане снова смущаться. Живот свело от волнения. Она опустила взгляд и несколько секунд набиралась храбрости, чтобы выпалить:

— Я хочу попросить вас. Мангон оставил деньги. Может, там есть немного на мой план.

— Хах, — выдохнула Жамардин, решительно поднимаясь с диванчика. — Вздумала возвращаться в лапы к Свирлу — пожалуйста, но только не за мой счет! Сколько там оставил мне Адриан, не твоего ума дела, даже если бы это была сотня тысяч, на безнадежную затею я и агорта не дам!

— Но...

— Нет-нет, даже слушать тебя не буду, — и Жамардин вышла из холла, на ходу продолжая убеждать всех вокруг, что не будет слушать взбалмошную девчонку. Таня осталась сидеть на диване, и ей понадобилось время, чтобы справиться с подступающим отчаянием.

“Ничего, я придумаю другой план”, — подумала она, поднимаясь по лестнице. Но что это может быть за план, Таня не имела ни малейшего представления. Она топала по ступеням до боли в пятках, будто они были виноваты во всех ее проблемах.

Жамардин вернулась много позже, после ужина. За окном растекся глубокий вечер, в

это время в ванной комнате уже не было постоялиц, и можно было побыть в одиночестве, чем Таня не преминула воспользоваться. Когда она вышла, ароматная и чуть более спокойная, чем час назад, у дверей ее ждала Жамардин и поманила за собой через гостиную одну, вторую, музыкальный зал и приемную прямо к ее кабинету.

Конечно, у такой важной и самодостаточной женщины, как Жамардин, был свой кабинет. Вопреки ее желанию подчеркнуть индивидуальность, эта комната была настолько банальной, насколько это возможно. Такие тяжелые шкафы, кожаные кресла, дубовый стол и подборка книг по экономике, бухгалтерии и истории Илибурга можно было обнаружить в доме любого достойного дворянина, которому стало бы плохо от одной только мысли о том, что женщина способна в одиночку вести дела. Собственно, поэтому “Черный дракон” оставался непризнанной уважаемыми людьми гостиницей, как бы ни старался Мангон ее рекламировать, и выживала только за счет приезжих гостей, которые не были настолько подвержены предубеждениям.

Жамардин открыла стеклянный шкафчик и достала бутылку вина. Налила себе и Тане и уселась в громоздкое кресло, в котором выглядела особенно хрупкой.

— Попробуй, это вино из виноградников Лариша. Не самый лучший урожай, но все равно достойнее всего, что могут сделать у нас, — она сделала глоток и прикрыла глаза. Таня некоторое время ждала, пока Жамардин посмотрит на нее, но та будто хотела, чтобы Таня последовала ее примеру, и та тоже поднесла бокал к губам. Вино оказалось сухим, но не кислым, а с богатым вкусом, который неискушенная в винах Таня не имела и шанса распознать. Оно было мягким и шелковистым, насыщенным, наполненным солнцем далекого неизвестного Лариша. Вот бы увидеть этот город! Да что там город, перед ногами Тани лежал целый мир, о котором она не знала ровным счетом ничего, и каждый шаг за порог оборачивался приключением и новым открытием. Если бы можно было закрыть глаза на все беды, если бы только друзья были свободны, она бы собрала рюкзак и отправилась, куда глаза глядят, подумала Таня, пока вино приятно согревало ей нутро.

— Я думала над твоей просьбой, — внезапно заговорила Жамардин, заставив Таню вздрогнуть. — И решила, что я все-таки не дракон, чтобы умирать на груди золота, которое никому не приносит добра. Мне осталось совсем недолго, какая-то болезнь пожирает меня изнутри, растет, словно гриб-паразит, — она машинально положила руку на живот. — У меня нет детей, я не смогла дать этому миру новую жизнь, так почему бы не спасти существующие? И, тогда, возможно, Мать подарит мне покой.

— Я плохо понимаю, — осторожно начала Таня, — вы думаете теперь другое? Вы даете мне деньги?

— Нет, конечно, — Жамардин вновь достала трубку и принялась набивать ее табаком. — Ты по-прежнему ничего здесь не знаешь. Но я готова помочь тебе составить план, у которого есть хоть мизерный шанс, и найти подходящих людей.

Таня выглядела пораженной. Ее надежда, в которую в этом мире не плюнул только ленивый, снова подняла голову вопреки всему.

— Почему вы это делаете?

— А почему бы и нет? Может, я добрая внутри?

— Думаю, что нет, — выпалила Таня прежде, чем успела остановиться. Спыхватилась, осознав, что сказала, и испуганно посмотрела в глаза Жамардин, в которых вспыхнул яростный огонь, но быстро погас.

— Хорошо, жизнь действительно выбила из меня почти всю добродетель, — сказала

она, закатив глаза, и постучала трубкой о стол, позволяя табаку улечься. — Ты мне даже не нравишься.

— Что? Почему? — Таня выглядела искренне удивленной. — Вы добрая ко мне, я и думать не могла...

— Думать не могла — это про тебя, пожалуй, — хмыкнула Жамардин. — Понимаешь ли, милая, у тебя есть один существенный недостаток. Ужасный, непростительный. Невыносимый.

Она замолчала, раскуривая трубку. Таня молчала, и тревожные предчувствия крутились внутри, как угри. Жамардин не торопилась, сделала одну затяжку, за ней вторую. Ехидно посмотрела на девушку сквозь дым, и та не выдержала:

— Что идет не так?

— Молодость, милая, — усмехнулась Жамардин. — Ты преступно молода и привлекательна, даже несмотря на это, — она указала трубкой на Таню, имея в виду и ее кожу, и стрижку, и одежду. — И Мангон дорожит тобой. Моя жизнь подходит к концу, тело пожирает само себя, и тут на пороге появляешься ты, грязная, уставшая и буквально пышущая молодостью! Насмешка надо мной.

— Я же не... Я не хочу, чтобы...

— О, перестань, — отмахнулась Жамардин, — во всем этом нет твоей вины, и это еще более отвратительно. Но тебе нечего беспокоиться, я стараюсь вести себя так, как следует добропорядочной пожилой даме. Может быть, ты согласишься остаться со мной, и я смогу понять то чувство, когда преемник воспринимается продолжением себя и твоим бессмертием, — она отправила трубку в рот и втянула дым. — Если ты выживешь, конечно.

В кабинете воцарилась тишина, тяжелая и вязкая. Таня чувствовала, будто мысли замедлились, она была совершенно растеряна и не знала, что принимать на веру, а что нет, и как со всем этим себя вести. Таня смотрела под ноги, на красно-коричневый ковер, и нервно постукивала пальцами по подлокотнику кресла. В душе поднималось возмущение из-за странного поведения Жамардин. Она не имела права ставить Таню в такую нелегкую ситуацию, обвинять Бог знает в чем и заставлять чувствовать себя едва ли не виноватой.

— И все-таки вы мне помогаете, — сказала наконец она.

— О, да, — отозвалась Жамардин, будто очнувшись от важных раздумий. — Я считаю, что это будет интересно. Интересно, если тебе понятнее. Эта твоя идея похожа на приключение, и было бы неплохо размять свои старые кости.

— Там, в тюрьме, мои друзья! — почти прорычала Таня. — Это не игрушки!

— Милая, — промурлыкала Жамардин, наклоняясь вперед, — для меня они никто. Уверена, что хочешь запретить мне развлекаться? Кто знает, что тогда станет с моим решением...

Таня ворвалась в комнату, сгорая от гнева, густо замешанного на стыде. Разговоры с Жамардин неизменно сбивали с толку, приходилось продирается через ее изъяснения, словно через терновник, что-то угадывая, что-то додумывая. Таня проигрывала ей по всем фронтам: она не знала языка, ей не хватало жизненного опыта и любви к словесным игрищам. Поэтому оставалось только злиться на себя и Жамардин, которая наверняка с удовольствием потягивала сейчас вино, разбавляя его вкус горечью табака.

Таня остановилась у стола и посмотрела на рисунки, планы и заметки, которые сделала прошлой ночью. Несмотря на насмешки, которым раз за разом подвергала ее Жамардин, она

готова помочь с безнадежной идеей по спасению Росси и Жослена, и план Тани вдруг стал реальным, фактурным, практически осязаемым, и от этого ей вдруг стало смертельно страшно. Она подняла голову и посмотрела в окно. В темной стекле отразилась невысокая девушка с короткими светлыми волосами и потеряннм видом. Наблюдая свое размытое отражение, Таня вдруг поняла, насколько одинока. Одна против сил, которые способны снести ее и не заметить, единственный шанс для дорогих ей людей, и если она ошибется, им никто больше не поможет. Перед мысленным взором встали Росси и Жослен, запертые в холодном подземелье, возможно, Свирл больше не проявил к ним милосердия, возможно, до них добралась Виталина. Влад, который лежал где-то, где его оставили приспешники магистра. Таня ясно представила тело названного дяди, изломанное, в какой-то канаве, и как дождь лупит по коричневому плащу, спутанным волосам и синей коже. И в этот момент отчаяние разрослось так сильно, что заполнило собой всю ее сущность, забило гортань, свело судорогами конечности. Таня поняла, что с трудом дышит. Она оперлась о стол, чтобы не упасть, опустила голову, заставляя делать себя выдох за вдохом, и наоборот. Волосы упали на лицо, щекотали лоб и щеки. Ее трясло крупной дрожью. Страх затопил голову, и его было так много, что казалось, он вот-вот польется через рот. Но этого, конечно, не происходило, легче не становилось, и страх сменился паникой, которая лишила Таню способности думать. Она зажмурилась.

“Как страшно, Боже, мне страшно. Помоги мне. Я умираю, мне так страшно”.

Она будто тонула, каждый вдох давался со все большим трудом, и она подумала, что все бы отдала, лишь бы этот кошмар закончился, а в следующее мгновение сама способность размышлять отказала ей, и мысли смешались в холодную вязкую кашу. Остался только страх, и тяжесть на груди, и невыносимое желание, чтобы все прекратилось, так или иначе. Ужас длился, длился бесконечно, превращаясь в узкий черный коридор без выхода, без шанса.

Спустя вечность чьи-то руки обхватили ее предплечья, заставили отвернуться от окна. Теплые ладони ощупали щеки, лоб, чужие пальцы убрали от лица ее волосы. Ее легонько встряхнули.

— Открой глаза, посмотри на меня.

Какой знакомый голос. Откуда-то издалека, оттуда, где все еще не было потеряно. От него так хорошо, и совсем не хочется открывать глаза и возвращаться в пугающую холодную реальность.

— Посмотри на меня!

Таня открыла глаза и увидела насыщенно-желтые, почти янтарные глаза, в которых отражалось беспокойство.

— Молодец. Дыши, вдох-выдох. Не торопись. Вот так, вдох-выдох. Все хорошо, я с тобой. Вдох-выдох.

Знакомые черты лица. Оливкового цвета кожа, тонкие губы, прямые брови, тревожно сведенные у переносицы. Щеки и подбородок заросли щетиной. Нос с едва заметной горбинкой. И это знакомое лицо, которое выражало и страх, и жалость, и решимость.

— Адриан, — прохрипела Таня. Это имя! Не может быть, оно же осталось в прошлом, растворилось в животной дикости.

— Да, это я. Дыши, вдох-выдох. Молодец.

Его пальцы терли Танины плечи, шею, спускались по предплечью к рукам и сжимали их горячо и осторожно. Постепенно она отвлеклась от ужаса, что пожирал ее изнутри, сосредоточилась на этих пальцах и даже ощутила еле заметный укол смущения.

— Ты помнишь, сколько в комнате шкафов? — спросил Адриан, легко поднимая ее лицо за подбородок.

— Что?

— Сколько здесь шкафов? — с нажимом повторил он, продираясь сквозь туман отчаяния, что заполнил разум Тани. — Мне важно знать.

— Три, — ответила она еле послушными губами. Вот рту было сухо и гадко.

— Хорошо, — шкафов было четыре, но Мангона это не волновало. Главное, выдернуть Таню из приступа, заставить думать о чем-то, кроме собственных ощущений. Мангон продолжал гладить Таню по голове и уговаривать дышать. — Жамардин курила при тебе?

— Да.

— Крепкий же у нее табак. Забирается в легкие и царапает их, правда?

— Да уж.

— Какого цвета у нее трубка?

— Черная. Зачем? — Таня нахмурилась, вспоминая странные подробности, которые решил узнать Мангон.

— Сколько табака она кладет? Что подала на ужин: мясо или рыбу? На каком пальце носит красное кольцо?

Отвечая на вопросы Мангона, вспоминая незначительные мелочи последних дней, Таня не заметила, как перестала дрожать, а дышать стало намного легче, и головокружение почти прошло, разве что грудь по-прежнему сдавливало воспоминание об отчаянии. И вдруг осознание обожгло ее разум:

— Адриан! Ты здесь!

Он улыбнулся против воли, будто ему было особенно приятно слышать свое имя. В уголках глаз появились морщинки, и Мангон перестал напоминать змея, стал ближе и теплее.

— Я здесь. И теперь все будет хорошо.

— Но я видела! Ты стал дракон и улетел, и твое крыло... — она отстранилась, ей было необходимо видеть его в полный рост, чтобы убедиться в реальности происходящего. — Ох, крыло.

— Я в порядке.

— Но как это может быть? Все говорят, что это последний раз...

— Это и был последний раз. Я почти ничего не помню, мой разум практически померк. Я думал, что не смогу больше никогда обернуться. Хотя о чем я говорю, я не думал вообще ни о чем.

— Тогда как?

Адриан шагнул к Тане и снова заглянул в глаза, для чего ему пришлось наклониться:

— Это стоило мне огромных усилий, таких, каких я не прикладывал никогда в своей жизни. Я вырывал себя из лап дракона. Просто потому, что у меня была причина вернуться. Потому, что ты тогда позвала меня.

Он говорил еле слышно, и голос его был низким, а дыхание щекотало кожу. Таня смотрела в его янтарные глаза, и чувствовала, будто пол вдруг начал кружиться. Внутри что-то сжалось, и впервые за бесконечно долгое время сжалось от сладкого предчувствия, а не от страха. Мангон, ее Тень, он вернулся, он был рядом, и все чувства, которые она сдерживала, вдруг прорвались и расцвели, как расцветают первые весенние цветы, долгое время дожидавшиеся подо льдом своего часа. Ее сердце стучало часто и гулко, и лицо Адриана

было так близко, что с волнением справиться было решительно невозможно, поэтому Таня тихо пролепетала:

— Но Влад говорил... — и тут она осеклась, ее глаза распахнулись, будто она снова осознала весь ужас произошедшего. — Адриан, Влад, он... Он... — Таня не могла заставить себя выплюнуть это слово, и тогда Мангон закончил за нее:

— Он мертв?

Таня кивнула, с силой прижимая кулак к губам, будто боль физическая могла спасти ее от душевной. Другой рукой она нашла предплечье Адриана, схватилась за него со всей силы, как тонущий за спасательный круг.

— Иди ко мне, — Мангон распахнул объятия, — больше тебе нечего бояться, я рядом.

И Таня сделала шаг к нему, и упала в его руки, и разрыдалась впервые за десять лет. В первый раз за столь долгое время она обрела кого-то, кто подставил ей плечо, позволил опереться полностью и без раздумий, осыпаться, как разбитое стекло, и всей душой предаться душившему ее горю. Таня рыдала, как не рыдала с раннего детства, она содрогалась всем телом, и слезы текли по ее щекам, безнадежно промочив рубашку Адриана. Она стучала кулаком по его груди, мяла в пальцах рубашку, даже царапалась, но Мангон ни разу не отстранился. Сначала это были слезы боли и горя, потом — облегчения. Захлебываясь, Таня рассказывала о своем ужасе перед смертью и перед ним, Мангоном, об одиночестве, о страхе за друзей и чувстве вины, о потере Владимира, обо всем, что ранило сердце и что приходилось раз за разом закрывать в дальней потайной комнате за железной дверью. Долгая исповедь была так же болезненна, как вскрытый гнойник, и столь же полезна для излечения. Все еще всхлипывая, Таня уснула на груди Мангона, и тот долго сидел неподвижно, прижимая ее к себе.

Тусклое осеннее солнце светило через незавешенное окно, тревожа сон. Вместе с его лучами пришла головная боль, та самая, тупая, сжимающая лоб обручем, какая бывает после сильного душевного потрясения или ночи, проведенной в слезах. Тане пришлось испытать и то, и другое. Следующим пришло воспоминание о Мангоне, которое прогнало остатки сна. В первые мгновения показалось, что его возвращение — всего лишь сон, но то, что Таня проснулась в платье на кровати, которая изначально предназначалась Адриану, указывало на то, что она уснула прямо посреди истерики.

Таня вскочила, расправила мятое платье.

— Дэстор Мангон? — позвала она, но никто не отозвался: в комнате его не было.

Таня закрылась на своей половине, умылась холодной водой из кувшина и сменила одежду. Проходя мимо зеркала, она задержалась, поймав себя на мысли, что ей хочется выглядеть хорошо. Завязала хвостик на затылке, открыв виски, которые раньше были выбриты, а теперь поросли короткими волосами. Провела по щекам и шее, чисто по-женски убеждаясь, что выглядит сносно. Молодость творила чудеса, и ночные рыдания практически никак не отразились на Танином внешнем виде, разве что немного опух нос, но после непродолжительного размышления Таня решила, что это даже мило. Она хотела было уйти, но неожиданно для себя задержалась. Губы сами собой расплылись в улыбке, настолько счастливой, что заломило мышцы.

“Что с тобой? А ну перестань!” — подумала Таня, растирая зардевшиеся щеки, но те все так же откровенно краснели, и улыбка не сходила с лица, как бы она ни стягивала губы бантиком.

“Ну что я за дура?” — спросила она сама себя, уставившись на такую знакомую и вместе с тем совершенно чужую девушку в отражении. Таня дотронулась до щеки и вспомнила, как вчера ее касался Адриан, как гладил по голове и качал в руках, и щеки заалели еще отчаяннее, и внутри разлился почти невыносимым жар.

“Это же Мангон, дэстор-кусочек-льда, дракон, который хотел сожрать тебя!” — мысленно одернула себя Таня и тут же ответила: “Да, это Мангон. И что? Это Адриан, Тень. Он спас меня от Илибурга, от оборотней и Свирла. Он всегда появляется, когда я оказываюсь на грани смерти”.

“Ну да, а сначала он толкает тебя туда”.

“Нет же! Он вернулся. И все теперь будет хорошо”.

Таня снова разулыбалась. Не в силах больше смотреть на это глупое лицо в зеркале, она развернулась и покинула комнату.

Она спустилась в гостиную, где застала за вежливой беседой только пару постояльцев, не было никого и в столовой. Где искать Жамардин, подсказал Дар:

— Госпожа в зимнем саду, — буркнул он и отвернулся, показывая, что не намерен продолжать разговор, но большего от него и не требовалось.

Зимний сад жался с торца к кирпичному отелю, и было заметно, что он пристроен намного позже возведения самого здания. Он представлял из себя стеклянный павильон, чьи бронзовые рамы позеленели от времени. Под его крышей было прохладно и влажно. Растения торчали из огромных кадок и устремлялись к небу, врезались в стеклянный потолок и безнадежно упирались в него сотней зеленых ладоней. Под сенью листьев располагались столики с зелеными стеклянными столешницами в окружении изящных металлических стульев. В нише пристроился старый орган с тонкими трубками, тянущимися вверх, и их оплели стебли вьюнов. По зимнему саду плавал серый дневной свет, который превращал его в жутковатое место. Улицы снаружи были пусты и блестели после ночного дождя.

Именно здесь Таня обнаружила Жамардин в компании Мангона. Они сидели за одним из столиков, перед ними стоял кофейник и пара белых фарфоровых чашек, и они о чем-то вполголоса беседовали. Адриан обхватывал чашку за тонкие стенки, через которых просвечивала горячая раха, и медленно, придерживая ее за доньшко другой рукой, подносил ко рту, как будто его вовсе не беспокоил поднимающийся от обжигающего напитка пар. Он сидел вполборота и внимательно слушал Жамардин, которая воинственно размахивала трубкой. Таня видела до этого хозяйку гостиницы насмешливой и сдержанной, и в то утро Жамардин выглядела непривычно возбужденной. При виде Мангона сердце Тани предательски замерло, и она поняла, что не понимает, как теперь себя с ним вести. Остался ли дракон врагом или стал спасителем, а может быть, союзником. Насколько проще ей было раньше!

Таня отбросила тяжелые мысли и ворвалась в тесный мир Мангона и Жамардин, словно маленький шумный зверек.

— Доброе утро! — громко поприветствовала она, усаживаясь на стул, по-турецки скрестив ноги и подоткнув юбку так, что она походила на шаровары. — Какая чашка моя?

— Татана, доброе утро, — Адриан сдержанно улыбнулся ей, будто улыбка была недопустима, но пальцы его, горячие от рахи, легко скользнули по ее запястью и быстро сжали его. Он сменил вчерашнюю странную одежду на костюм с серым сюртуком и вышитой фиолетовой жилеткой под ним. — Как ты себя чувствуешь?

Таня вновь почувствовала, как щеки заливает краска, и бросила беглый взгляд на Жамардин: смотрит или нет? Конечно, она смотрела, подмечала взором постаревшей любовницы каждый жест, каждый косой взгляд и глядела прямо и недобро, будто уличая во лжи.

— Отлично, — с преувеличенной бодростью ответила Таня.

— Присоединяйся к нам, — предложил Мангон. — Жамардин, прикажи подать завтрак, и после него мы обсудим, что будем делать дальше. Нас ждет долгий разговор.

Жамардин помедлила, но потом проговорила: “Как скажешь, Адриан”, — и поднялась, чтобы позвать прислугу.

Когда Жамардин вышла из зимнего сада, на минуту воцарилась тишина, которую нарушил Мангон:

— Я очень испугался вчера за тебя, — он сцепил руки в замок перед собой. — Давно с тобой такое?

— В первый раз. Спасибо, что помогли, дэстор Мангон, — Таня не набралась смелости, чтобы посмотреть на него.

— Меня вполне устроило, что ты зовешь меня по имени. Я сейчас такой же беглец, как и ты, я лишился замка, моя армия в руках предателя, и я не знаю, кто остался на моей стороне. И не могу узнать, не попавшись в лапы Кейбла. Никакой я не дэстор.

— Я не могу никак понять. Есть Мангон, Тень и Адриан, — с каждым именем Таня ставила в ряд кофейник и две чашки. — И я из этих людей не могу сделать одного.

Мангон немного помолчал, разглядывая сервиз Жамардин, а потом наконец сказал:

— Давай тогда начнем с начала. Здравствуй, меня зовут Адриан.

Таня повернулась к нему. Мангон сидел в пол-оборота к ней и протягивал руку. Он выглядел уставшим и оттого не таким высокомерным, как обычно, и Таня подумала, что под ледяной маской мог скрываться вполне приятный человек.

— Здравствуй, Адриан. Меня зовут Татана, — сказала она, скользнула рукой по его ладони, предплечью, сжала локоть, как принято в Илирии. Он сжал ее локоть в ответ, и Таня почувствовала, как пробежали мурашки по плечам.

— Завтрак сейчас подадут, — громче, чем было нужно, оповестила Жамардин, появляясь в зимнем саду. — Сегодня у нас яйца с овощами, лоссоские колбаски и тосты.

— Звучит замечательно, Жамардин, — мягко сказал Мангон.

— Когда ты такой милый, ты меня пугаешь. Может быть, ты заболел?

— Хуже. Я чуть не умер.

— Ты был огромным драконом. Почти никто не смог бы тебя убить, не приbedняйся, — скривила сухие губы Жамардин.

— Ты же знаешь, что меня в этой туше бы уже не было, — ответил Мангон. — Дракон почти поглотил меня.

В саду появился слуга с подносом, и Жамардин подняла руку, помахав ему. Он поставил на столик тарелки с горячим завтраком.

— Зато ты мог есть молодых девиц, сколько хочешь, — сказала Таня, поливая яйца незнакомым соусом.

— Что? — удивился Мангон. — Зачем мне есть девиц?

— Не знаю, это ты тут дракон, — ответила Таня. — Сказки в моей земле говорят, что драконы всегда просят молодых девиц, а потом едят их.

— Нет, милая, не едят. Просто приносят в жертву Великой Матери, — недобро

усмехнулась Жамардин и как ни в чем ни бывало принялась резать колбаску. Она и представить себе не могла, в какое больное место угодила своим язвительным замечанием. Адриан с беспокойством посмотрел на Таню, но та уже справилась с оторопью и сидела с непринужденным видом.

— Зря не едят. Наверное, мы вкусные, — сказала она и откусила кусок от колбаски.

— Ты себе льстишь. Двадцать лет — это уже не телятина, а говядина, — заметила Жамардин, и тон ее был холоден, как день за окнами.

— Что она сказала? — радостно спросила Таня, глядя в глаза Адриану.

— Гм, — тот попытался сосредоточиться на еде, но она продолжала сверлить его взглядом. — Можно меня в это не втягивать?

— А Тень мне всегда слова объясняет. Ты можешь его позвать?

— Хорошо, — протянул Адриан, откладывая вилку и нож. — Телятина — это мясо маленькой коровы, а говядина — мясо взрослой коровы.

— Ах, Адриан, лучше я бы не сказала, — Жамардин даже похлопала пару раз.

— А что такое корова? — так же широко распахнув глаза от любопытства, поинтересовалась Таня, и Адриан только усмехнулся. Она прекрасно знала, что такое корова.

Когда с завтраком было покончено и слуги забрали приборы, пришло время серьезных разговоров. Было десять часов, полдень, и солнце, мутное пятно за облаками, поднялось так высоко, как только ему позволялось в это время года. Иногда мимо отеля проходили люди, но редкие из них заглядывали в зимний сад, а если и заглядывали, то видели трех незнакомых человек за столиком, заваленном бумагами. Жамардин настаивала на том, чтобы запереться в ее кабинете, но Таня категорически отказалась возвращаться в ту маленькую комнатку, заставленную громоздкой мебелью, поэтому хозяйка отеля просто поставила Дара у дверей, запретив кого-либо впускать в зимний сад.

— Итак, я предлагаю обратиться к бездомным, — начала Таня, чувствуя радостное возбуждение. С Мангоном воплотить ее план в жизнь будет в разы проще, и друзья скоро будут на свободе.

— Подожди. Я говорю первым, ты не против? — Мангон вопросительно поднял бровь. Несмотря на вежливый тон, его вопрос не подразумевал отказа.

— Послушайте, у меня правда есть отличный план...

— Я говорю первым, — с нажимом повторил Мангон, и в его голосе были слышны профессиональные командные ноты. — Когда будет время, я дам вам слово.

Таня против воли пригнула голову, пробормотала: “Ладно, дэстор я-тут-самый-умный”, — и приготовилась слушать.

— Для начала вам стоит знать, где я успел побывать, пока не узнал, что Свирл держит вас в плену, — он посмотрел на Таню. — Моей целью было собрать соратников, тех, кто хочет сохранить мир в стране, кто вместе со мной выйдет на переговоры и постарается найти выход из сложившейся ситуации. И самым очевидным вариантом были драконы.

Мангон встал, как будто столик и изящные стулья сковывали его, прошелся по саду и остановился, заложив руки за спину. Таня вдруг ясно представила, как он стоит перед важными людьми, советниками, какими-нибудь министрами и хорошо поставленным голосом делает доклад по социально важным вопросам или требует у подчиненных отчета.

— Что случилось с Уэллом, думаю, все знают, — сказал он.

— Да, бедняга, — отозвалась Жаклин. — Это настоящее кошунство.

— Его голова все еще там гниет? — тихо спросила Таня; мысль о такой участи приводила ее в ужас.

— Да, — нахмурился Мангон. — Пока я ничего не могу с этим сделать. Мятежники оставили Уэлла в знак свержения власти, но какая честь в убийстве безобидного библиотекаря? — в его голосе чувствовалась горечь. — Впрочем, не об этом сейчас. Итак, у меня осталось четверо друзей, которые могли бы помочь. Первым я отправился к Кейблу, хоть и слышал, что он встал на сторону мятежников. Верить в это не хотелось, сами понимаете, мы с ним сорок лет правим плечом к плечу. Как Тень я пробрался в Виксантию и даже смог издалека увидеть Кейбла, но он буквально окружил себя охраной. Он приказал схватить меня, и я еле унес ноги.

— Может, он не понял, что это вы. Ты, — поправились Таня. Она никак не могла привыкнуть к неформальному общению с грозным Мангоном.

— Я имел глупость снять маску. Так Кейбл узнал, что я не сгорел в Кардинале, и я потерял преимущество. Что ж, иногда вера в дружбу оказывается самообманом, — он выразительно посмотрел на Таню, и та насупилась. Весь ее вид говорил о том, что она не согласна с Мангоном. Он прошел к окну и встал, заложив руки за спину, прямой, будто выстроганный из дерева. — Я отправился к Верриону. Он даже не открыл ворота: я попал туда по тайному ходу из часовни в Телемии, который он сам мне показал несколько лет назад. Веррион лежал на груди золота и категорически отказался выходить из своего замка. Сколько бы я ни разговаривал с ним, как бы ни убеждал или подкупал, он остался непреклонен. Его больше не интересует ничего, кроме богатств.

— Как в наших сказках! — воскликнула Таня.

— Так может, возмущение людей имеет смысл? — спросила Жамардин. Мангон повернул голову в профиль, показывая, что готов выслушать ее возмутительную мысль. — Люди говорят, что драконы грабят их, тащат золото себе, как глупые сороки. Извини, Адриан, это просто цитата. Народ задыхается от налогов, которые идут на обогащение сокровищниц и строительство замков.

— У диких драконов нет недостатков, они безгрешны, как любое животное. Но мы наполовину люди, и у нас есть свои слабости, — сказал Мангон, снова повернувшись к окну. — Веррион поддался алчности и повредился рассудком, но не все такие.

— Вы вот имеете замок, — вполголоса добавила Таня. — Может, он уцелел.

— Это был замок моего отца.

— Это меняет мало, — ответила Таня, и Мангон бросил через плечо на нее злой взгляд.

— Может, ты думаешь, что мне не стоит возвращать власть? Расскажи нам о своем мнении, Татана! — и когда она не ответила, добавил: — Ну же, я жду.

Таня чувствовала, что разозлила Мангона, и страх будто запечатал ей рот. Перед собой она вновь видела дракона, который держит ее в кошмарных лапах и может в любой момент раздавить. Она закрыла глаза и представила, что разговаривает с Тенью, таинственным, но приятным человеком.

— Я просто думаю, что люди выходят на улицу не просто так, — выпалила она и набралась смелости, чтобы посмотреть на Мангона. — Быть бедным трудно, поверь, я сама бедная. Всю жизнь. Когда нечего давать детям кушать, это делает сердца жесткими. А ты говоришь, что ты другой, хотя твой замок может есть целый город.

— Девочка имеет в виду, что стоимости твоего замка хватило бы, чтобы накормить кучу

народа... — начала было Жамардин.

— Я понял! — прорычал Адриан, и она осеклась. — Я — кардинал Илирии. Кейбл, наш главнокомандующий, занимается чем угодно, но не своими обязанностями. На юге наши границы треплют акеты, и я должен быть там, а не заниматься безобразиями в городе. Акету потребуется не так много времени, чтобы узнать, что Илибург разгромлен мятежом, и они бросят все силы к нашим границам и сомнут тех немногих, кого я туда направил. На западе Влация, и пусть у нас с ними хорошие отношения, наверняка они тоже не откажутся ухватить кусок. Я не уверен, что Кейбл вообще озадачен этим, хотя это его ответственность. Об экономике должен думать Веррион, а я читать проклятые проповеди! — голос Мангона оставался холодным, но по глазам было видно, что он едва справляется с яростью, поэтому он повернулся на каблуках и снова устался в окно, давая себе возможность успокоиться. — Но все смешалось, город в едином порыве выставил в мою сторону копья, а я все пытаюсь что-то спасти. Глупец, — он горько усмехнулся.

Таня сидела, притихшая, она и половины не поняла из того, что наговорил Мангон. Вдруг слева раздался резкий стук, так что Таня подпрыгнула. Это Жамардин как ни в чем ни бывало стучала трубкой по столу, утрясая табак.

— Что такого? — спросила она, когда Таня и Мангон выразительно посмотрели на нее, и принялась приминать листочки пальцем. Чиркнула зажигалкой, сделала несколько коротких затяжек, чтобы огонь юркнул в глубину чашки. — Остается Корнелия Аррон, я права?

— Да, — ответил Мангон, стряхивая пепел черных мыслей. — И именно к ней мы направимся.

— Мы? — переспросила Таня.

— Да, ты идешь со мной.

— Но зачем? На улицах опасно, оставь девчонку у меня, я найду ей работу, — предложила Жамардин.

— Вы же ненавидите меня, — шепнула Таня.

— О, это громко сказано, — ответила женщина. — Но ты скоро начнешь стареть и не будешь так сильно меня раздражать.

— Хороший план, — Таня дернула уголком губ.

Мангон вернулся за стол. Вид он снова имел спокойный, что же творилось у него в душе, сказать не мог никто.

— Нет, Татана пойдет со мной. Если Аррон согласится помочь, мы сразу отправимся за твоими друзьями, а потом она увезет вас в безопасное место, — сказал он.

— Вы можете вернуться за Татаной на обратном пути. Для дракона это пять минут времени, — Жамардин затянулась и с подозрением посмотрела на Мангона.

— Стоит мне уйти, как с Татаной случается беда, и мне приходится ее спасать. Будет спокойнее, если она будет рядом.

— Ты боишься за безопасность Татаны и тянешь ее в гущу событий, я правильно поняла? — Жамардин подалась вперед. — Признайся, Адриан, что действительно ты хочешь?

И Таня вдруг поняла, чего он хочет. По своему, сделав вывод из всего, что знала, и еще больше из того, о чем догадывалась, поэтому проговорила бесцветным голосом:

— Я все еще остаюсь как последний шанс. Такой твой план, да?

Она посмотрела на Мангона, против воли испытывая жгучее разочарование, а тот

возвышался над ней даже в кресле, прямой и статный, и холодно смотрел в глаза, сжав губы в тонкую линию.

— Нам не придется им воспользоваться, — наконец сказал он.

Таня запустила пальцы в волосы, чувствуя, как все снова начинает рассыпаться. Только ей стоит поверить, что возможен хороший конец, что показался выход из бесконечного лабиринта, как кто-то наступает ее надежде на голову и нещадно давит ее. Таня подумала, что безмерно устала и хочет, чтобы все просто закончилось.

— Когда ты хочешь идти? — спокойно спросила она, не глядя на Мангона.

— Завтра с утра. У нас мало времени, — сколько раз он повторял эти слова!

— Я пойду с тобой, — ответила Таня. — Но при одном условии.

— Ты уверена, что можешь ставить условия?

Таня резко повернулась к нему и посмотрела прямо и зло, ледяная оболочка Мангона снова на мгновение треснула, и на его лице появилось подобие сочувствия.

— Ладно, хорошо. Какие условия?

— Если я не приду назад, ты спасаешь Росси и Жослена. Обязательно. Хоть они мертвые, все равно заведи их. Ты сделаешь это? — она говорила сквозь зубы, потому что челюсть начала дрожать.

— Да. Я спасу их. Клянусь именем Великой Матери.

— Тогда я пойду с тобой.

Таня и Мангон замолчали. Разговор явно пошел не в ту сторону, и оба хотели сказать совсем другое, но не могли и, загнав себя в тупик, просто закончили разговор. Тогда голос подала Жамардин:

— Кто-нибудь объяснит, почему Татана вдруг стала последним шансом? — но ей никто не ответил. — Что такое она сможет сделать, если вдруг Аррон не согласится помочь? Она в конце концов очень стара. А ты не можешь превращаться в дракона, я вообще удивлена, что ты вернулся в этот раз, а девушки на роль жертвы у тебя нет... Постой! — на лице Жамардин появилось озарение. Никто ей не мешал, она болтала и вдруг сама пришла к ответу, который ей не давали. — Ты хочешь отдать ее Великой Матери?

Таня подтянула колени к груди и обхватила их руками. Адриан бросил на Жамардин умоляющий взгляд, которого она никогда у него не видела, а потому почувствовала, что может безнаказанно продолжить:

— Я думала, что вы любовники. Или нравитесь друг другу, — исправилась она, встретившись глазами с Мангоном. — А Татана для тебя жертва про запас? Адриан, иногда мне кажется, что я ничего о тебе не знаю.

Мангон встал, будто хотел быть подальше от Жамардин.

— Нам не придется использовать этот вариант, — повторил он холодно.

— Шансы велики, — пожала плечами Жамардин.

— Я не буду этого делать.

— А Татана тебе не верит, — она кивнула на Таню, которая буквально сжалась в комок.

— Замолчи! — прикрикнул Мангон, сжимая кулаки. — Женщина, хоть раз в жизни закрой вовремя рот!

Жамардин опустила трубку и с удивлением смотрела на него снизу вверх. Таня крепче обняла ноги и сжалась еще больше. Мангон смотрела на свою жалкую команду, и у него опустились руки. Старая хозяйка отеля и испуганная девчонка! Он совершил ошибку, вернувшись сюда, нужно было идти сразу к Аррон и делать все самому. Еще можно уйти,

оставить Таню здесь и одному сунуться в пекло, на которое был обречен по праву рождения. Но он до ужаса не хотел снова оставаться один.

— Выдвигаемся завтра утром, — сказал он напоследок и вышел из кабинета.

Воцарилась тишина. Жамардин курила, и вид у нее был растерянный, она будто укладывала по полочкам новую информацию, обрабатывала ее, как моллюск песчинку, и думала, что с этим делать дальше. Таня все так же сидела в кресле, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Зубы по-прежнему стучали, и она упиралась подбородком в колени, чтобы не клацать ими.

— Татана, я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросила наконец Жамардин, и впервые она не вкладывала в слова двойного смысла, а искренне хотела позаботиться о девчонке.

— Нет, — помотала головой Таня. — Хотя... Подскажите, моя одежда сухая? Я могу ее взять?

— Брюки? Да, их отчистили, они висят в прачечной. Что ты задумала?

— Хочу быть собой.

Первые снежинки отделялись от высоких серых облаков, но умирали, не долетая до земли. Они превращались в большие капли и покрывали неровные дороги Илибурга блестящей глазурью. Дома жались друг к другу, будто старались согреться, и даже редкие яркие фасады казались унылыми в сумерках. Ставни закрывали окна, из-под них пробивались полосы света, напоминая лезвия ножей. Вдоль Ивовой улицы стояли старые масляные фонари, но никто их не зажигал тем вечером: фонарщик подался в мятежники, а прочие жители боялись выходить на улицы. Чем больше сгущались сумерки, тем холоднее становилось, и стылый влажный ветер проникал под одежду, заставляя дрожать.

Тане не было холодно: бег согревал ее. Сначала одолевали тяжелые мысли, но постепенно они отступили, оставив в голове легкие ничего не значащие обрывки, и Таня наконец почувствовала себя свободной. Она не думала о том, что будет, если встретит дурного человека или целую компанию, она устала бояться. Сапоги шлепали по мокрым дорожкам, и Таня сосредоточилась на том, чтобы не подвернуть ногу на какой-нибудь выбоине, и это стало настоящим наслаждением: чувствовать только свое тело и думать только о дороге. В какой-то момент в груди зародилась радость, легкая, беспричинная, и из-за нее захотелось смеяться. Так Таня и бежала минута за минутой, наслаждаясь каплями дождя на разгоряченной коже и улыбаясь, словно была не в своем уме.

Когда она убедилась, что ярость и страхи отступили, оставив только легкую тревогу, она вернулась в отель. На пороге ее остановил Дар, и Таня успела подумать, что ее могут не впустить, но охранник только сказал:

— Дэстор Мангон попросил спуститься в красную гостиную к девяти часам.

— Меня? — уточнила Таня, не зная, что еще ему могло от нее понадобиться.

Дар сурово посмотрел на нее:

— Я охранник, а не почтальон! Разбирайтесь сами.

— Ладно, я поняла. В девять в красной гостиной. Хорошего вечера! — она еле сдержалась, чтобы не толкнуть по-дружески Дарра кулаком в плечо. В комнате Мангона не было, и Тане ничего не оставалось, кроме как привести себя в порядок и гадать, что еще придумал для нее дракон.

Глава 8. Ритуал огня

Таня спустилась вниз около одиннадцати и после недолгих блужданий нашла красную гостиную. Дверь оказалась не заперта, и ручка мягко опустилась до упора. Таня помедлила, не в силах заставить себя толкнуть дверь. Что ее ждет? Очередной приступ гнева Мангона, его отповедь, колючий лед фраз?

— Татана, это ты? — раздался приглушенный голос Адриана. — Проходи.

Таня выдохнула и сделала шаг в красную гостиную. Мангон стоял у столика, на нем была простая рубашка и брюки. К счастью, никаких камзолов, вышитых жилетов и цепочек, при виде которых она чувствовала себя нищенкой, пробравшейся во дворец. Закатав объемные рукава рубашки по локоть, Мангон раз за разом черпал из миски черную жижу и размазывал по рукам. Таня некоторое время наблюдала за тем, как на его коже появляется черная полоса, потом разрастается, захватывая все больше места, пожирая руку целиком: и предплечья, и ладони, и пальцы.

— Что ты делаешь?

Адриан повернул голову. Черные волнистые волосы падали на его глаза, сверкнувшие янтарем. В гостиной было жарко, как он любил. Сразу стало ясно, почему гостиная называлась красной: для убранства Жамардин выбрала практически все цвета от кораллового до пурпурного. В камине бушевал огонь, и его отсветы плясали на шелковых подушках диванчика. На столике у окна стояла бутылка вина и три бокала.

— Готовлюсь к ритуалу, — ответил Адриан и снова зачерпнул двумя пальцами черное нечто. — Кхерской краски у Жамардин, конечно, не отыскалось, пришлось смешать золу с водой. Хорошо, что сегодня у нас поминки, а то золотого здесь тем более не найти, — он невесело усмехнулся.

— Будет кто-то еще? — спросила Таня, кивнув на бокалы.

— Нет, — ответил Мангон. — Запри дверь, пожалуйста.

Таня нахмурилась:

— Это чтобы я не сбежала?

— Чтобы нас не беспокоили, — ответил Адриан. — Это важно.

В комнате не было никакого света, кроме пламени в камине, и его отсветы делали черты лица Мангона будто бы мягче, однако это не могло успокоить Таню, которая тут же стала просчитывать варианты отхода. У камина стояли кочерги и совки на треножной подставке, ими вполне можно было обороняться. На стене висела старая мандолина; тоже пойдет, если уж совсем прижмет. Мангон закончил раскрашивать руки и, держа их полусогнутыми, чтобы не испачкать рубашку, подошел к Тане.

— Я сегодня хотел провести ритуал огня, и хочу, чтобы ты была здесь со мной.

— Ритуал?

— Важное, священное действие.

— Я сегодня умру? — спокойным тоном спросила Таня, хотя внутри так и замерла от страшного предчувствия.

— Что? Мать, нет! Почему ты так стремишься умереть?

— Я не хочу. Это твой план, — буркнула Таня.

— Я не собираюсь тебя убивать. Я хочу проститься с Владом.

Обида, которую Таня лелеяла весь вечер, растворилась буквально за мгновение. Она

посмотрела на Мангона и впервые увидела его таким уязвимым. Так ли он хорошо притворялся, или она просто отказывалась видеть в нем кого-то, кроме кровожадного дракона? Его глаза блестели, а поднятые брови придавали лицу грустное выражение. Мангон отвернулся, чтобы перевести дух.

— Обычно я не показываю чувств, — сказал он.

— Правда? — саркастически поинтересовалась Таня. — Боишься, что всем расскажу, что ты — это не кусок льда?

— Хах, мне тоже есть, что о тебе рассказать, — усмехнулся Адриан, и когда он повернулся, в его прищуренных глазах затаилась искра, а губы растянулись в хитрой улыбке.

— Ты Тень! — воскликнула Таня, показывая на него пальцем. — Ты сейчас Тень. Это он так улыбается и говорит с таким... Как это назвать?

— Таким тоном, — подсказал Адриан.

— Вот, он делает так же! — радостно заявила Таня и, сделав шаг вперед, оказалась совсем рядом с ним, почувствовала знакомый запах шалфея и кардамона, и ступала, не решаясь даже дотронуться до Мангона, хотя так хотелось обнять старого друга.

— Я позвал тебя, чтобы попроситься с Владом, — вновь заговорил Адриан. — Обычно мы возвращаем тела Великой Матери, сжигая их на погребальных кострах, но к сожалению, Влад умер в одиночестве. Это будет вечер скорби, поэтому мои руки черные. Зола чуть подсохнет, и нужно будет раскрасить еще лицо. Нужной одежды у меня с собой нет, придется обойтись без нее.

— Не думаю, что Владу нужна твоя одежда, — покачала головой Таня.

— Ритуалы нужны не мертвым, Татана. А живым, — ответил Мангон и сочувственно посмотрел на нее, так что сразу захотелось сменить тему разговора.

— Хочешь, я помогу тебе рисовать лицо? — предложила Таня. — Руки долго становятся сухие.

— Что ж, не откажусь.

Адриан сел за стол, поставив локти на него, стараясь не замарать ничего вокруг золой. Таня устроилась на стуле напротив, придвинувшись так близко, чтобы дотянуться до его лица. Тонкой кисточкой она набрала краску, посмотрела на Адриана, оценивая фронт работ, и снова ясно увидела, насколько красиво его вытянутое лицо, и впалые щеки, и высокие скулы. Мангон же просто смотрел на нее, не отрываясь, не стесняясь янтарных искорок в глазах.

— Что нужно делать?

— Покрасить вокруг глаз и провести две линии по щекам. Ты видела, как я делал на прощание с Айронгу.

Точно, Айронгу. Еще одно существо, по которому пришлось проводить ритуал из-за Тани. Она нахмурилась, размешивая краску снова и снова, собираясь с силами, чтобы снова взглянуть в лицо Мангону.

— Татана, — тихий, непривычно мягкий голос Адриана прозвучал совсем близко. — Ты в порядке?

— Не очень, — вымученно улыбнулась Таня. Когда набралась смелости и посмотрела в глаза Мангону, то не увидела в них осуждения. Наконец она обтерла кисть о край миски и, уперев ребро ладони в его щеку, провела дрожащую линию по верхнему веку.

— Я узнал Влада вскоре после того, как он появился в городе, — заговорил Адриан, и Таня почувствовала его дыхание на своем лице — настолько близко они сидели. — Это было

двадцать лет назад. Он пытался помогать людям, говорил, что должен ощупывать кожу, слушать грудь без одежды, заглядывать в рот, нос и Мать знает куда, — он коротко рассмеялся своим воспоминаниям, и линия вышла особенно кривая. — Один советник практически не вставал с кресла, и однажды сидеть ему стало больно. Когда никакие лекари не помогли, он вызвал Влада, и тот захотел осмотреть его без штанов. Еще сказал: “Надеюсь, не придется ничего резать”, — он снова рассмеялся. — Советник... Как же его звали? Не важно. Он был в бешенстве, схватил Влада за ухо и тащил в суд, а может, прямо в темницу. Я их встретил в коридоре, спросил, в чем дело. Так мы и познакомились. Я буквально спас его от казни за то, что он полез в штаны члену совета Илирии.

— Поднимай глаза вверх. Пожалуйста, — попросила Таня, и Адриан послушно посмотрел на потолок.

— Влад всегда был своеобразным врачом. Возмутительным. Его называли беспринципным, осквернителем женщин, разрушителем чести. И шли к нему, когда надежды больше не оставалось. Он не обращал внимания на сплетни и просто хорошо лечил людей, и теперь я понимаю, почему ему это удавалось.

— Если правда, он даже не врач. Не совсем врач, — сказала Таня, окуная кисточку в краску. — Он делал вакцины. В нашем мире. Конечно, он много учился и мог использовать знания. Но Влад делал очень много, чтобы крошки знания превратить в полезное дело. Ему, наверное, было тяжело.

— Влад был по-настоящему хорошим человеком, — сказал Мангон. — И умер достойно, защищая названную племянницу. Поэтому я не позволю его душе отправиться к Бурунду, — он внимательно посмотрел на Таню, и та на секунду остановилась.

— Жослен сказал, что Влад был глупым. Потому что связался с нами. Если не я, он был бы жив, — голос ее дрогнул.

— Я уверен, если бы Владу дали шанс все изменить, он все равно предпочел бы встретить тебя, чем прожить всю жизнь никому по-настоящему не нужным. Если бы пришлось, ты бы дралась за него?

— Конечно! — с жаром ответила Таня. — Если бы я только могла, я бы с помощью спины закрыла его.

— Вот и он сделал то же самое. Это был его выбор, и не стоит его обесценивать. Лучше сохрани память о нем в своем сердце, — серьезно сказал Мангон, а потом вдруг усмехнулся: — Второй глаз не дождетя твоего внимания?

— Что? — спохватилась Таня. — Ох, прости, сейчас буду рисовать. Не надо смеяться, а то я делаю волны.

Она медленно провела кисточкой по темному веку, наблюдая, как неровно ложится импровизированная краска. Мангон с измазанными черным руками, подавшийся вперед, чтобы Тане было удобнее его красить, выглядел непривычно беззащитным. Нет, она была уверена, что он оставался опасным каждое мгновение, но никогда не видела его настолько доверяющим. Наверное, таким его знала молодая Жамардин или Раду, в такого Адриана они влюбились на всю жизнь.

— Смешно, — вдруг хмыкнула Таня.

— Что смешного?

— В моем мире девушки любят красить лицо. Иногда они собираются вместе и красят друг друга. Кушают вкусную еду, смотрят живые картинки. Смеются. А я никогда такого не имела. И вот мне двадцать лет, и я впервые крашу глаза. Мужчине.

— Насколько я знаю, в Илирии девушки также увлечены косметикой и украшениями, и девичники у них очень распространены. И что же, у тебя нет подруг?

— Нет, — пожалала плечами Таня. — Так выходит, что я больше с мальчиками друзья. Долго я их понимала лучше. Но однажды они тоже начали играть в эти игры. Ну, если ты понимаешь.

— Пока мальчики не выросли и не приняли женские правила игры? — криво улыбнулся Мангон.

— Да, — она чуть отодвинулась, оценивая работу, а потом провела от середины каждого две линии вниз, похожие на следы от слез. — Все понимают эти правила, а я — нет.

— Могу поспорить, ты лукавишь, — улыбнулся Мангон.

— Я не знаю такого слова, — нахмурилась Таня.

— Ты врешь мне. Или себе.

— Я никогда не вру! — горячо возмутилась она.

— И снова ложь, — он показал на нее черным пальцем, ловя на слове. — Навскидку могу вспомнить, как ты скрывала свои визиты в мои подземелья и то, что вы с Владом с одной земли.

— Это нельзя считать. И вообще, твое лицо готово, — Таня отложила кисти, собираясь закончить разговор, который вдруг повернулся неприятной стороной. Мангон же смотрел на нее с высоты своих возраста и опыта и будто забавлялся.

— Линии от глаз нужно растереть. Пальцем, — подсказал Мангон.

Таня помедлила в нерешительности, потом потерла ладони друг о друга, согревая.

— Ну хорошо, — она взяла его лицо в руки и большими пальцами провела по черным линиям, размазывая их. Его чуть влажные волосы касались тыльной стороны ее ладоней. Таня замерла, не отнимая рук, глядя в желтые глаза, как завороченная. Как он близко, невыносимо близко! Ей бы придвинуться одним коротким, жарким движением, наклониться, позволив своему дыханию смешаться с его, почувствовать наконец прикосновение его губ. По телу разлилась слабость и неведомая прежде нега, а Мангон смотрел на нее, прямо и открыто, почти нетерпеливо, и будто ждал чего-то. Горячая волна залила лицо и грудь, и Таня не справилась, отступила, пряча глаза. Кто она и кто Мангон? Даже думать смешно. Адриан протянул к ней руки, стремясь удержать, помочь преодолеть неловкость, но Таня не заметила этого, взвилась и быстро отошла к окну, от которого веяло едва заметным холодком, так что его руки схватили пустоту.

— Нужно открыть вино, правильно? — как бы между прочим спросила она, боясь обернуться.

— Правильно, — спустя пару секунд отозвался Адриан. — Но сначала я прочитаю молитву. Сокращу, как смогу, но Влад заслужил ее.

Таня посмотрела на Мангона. Он стоял посреди комнаты, сложив черные руки лодочкой на груди, и его густо обведенные глаза сияли каким-то мистическим огнем. Исчезли дракон, и холодный владелец Серого Кардинала, и легкомысленный Тень, на их месте вдруг появился истинный жрец Великой Матери.

— Сложи руки так же, — попросил он, и Таня послушалась. Она встала напротив Мангона, сложила руки на груди и приготовилась слушать.

— Кхер талан аэг морок! — голос сделался низким и глубоким, почти осязаемым. — Кхер талан тал нимаган! Хнарт аэг ди во таурен, трест аэкс кахарт, — он прикрыл глаза, сложив пальцы в сложном жесте. — Великая Мать! В сей скорбный час взывает к Тебе

Твой сын, Твой дух, огонь от Твоего огня. Приди и засвидетельствуй наше горе, скорбь в наших сердцах, — соединив указательный и большой пальцы правой руки, он выдвинул ее вперед. — Встреть душу Влада Странника у ворот Огненных Чертогов, проводи его в Садь Забвения, ибо я, дракон по рождению, огонь от огня Твоего, свидетельствую добродетели его, храбрости и чести, — левая рука сменила правую. — Молю тебя сберечь его от холода Бурундова царства и подарить вечный покой. Кхер талан! — Мангон возвысил голос, распахнув глаза, и они горели желтым, перечеркнутые вертикальными змеиными зрачками. — Аэг морок! Кхер талан тал нимаган!

Мангон читал молитву на неизвестном языке, и Таня чувствовала, как жара, и голос дракона, и ритм стихов обволакивают ее, заставляют замереть на месте и в то же время расслабиться, поддаться магии древнего ритуала. Ей казалось, что воздух стал плотнее, что вокруг появились тени, а может быть, причиной тому были лишь обман зрения и усталость. Она смотрела на Мангона и не могла оторвать взгляда, представляя, насколько внушительно он должен выглядеть под сводами драконьего храма в развевающихся одеждах с золотыми узорами. Настоящий жрец, великий кардинал, заставляющий верить в величие Матери. А потом мысли снова распадались, и все заполнял голос Адриана, повторяющий слова древней молитвы.

Наконец стихи затихли. Адриан развел руки в стороны, позволяя последним словам дозвучать, раствориться в горячем воздухе гостиной, а потом снова соединил их перед грудью, завершая молитву. Он медленно поднял голову, открыл глаза, которые больше не горели сверхъестественным огнем.

— Спасибо, что была сейчас со мной, — сказал он. — А теперь время вина.

Мангон подошел к столику, открыл бутылку вина и налил три бокала.

— Татана, — он провел рукой по ее плечу, оставляя серый след. — Приходи в себя. Драконья молитва в первый раз тяжело воспринимается, я должен был предупредить.

— Это точно, — проговорила Таня, возвращаясь к реальности. Она взяла ослабевшими пальцами бокал.

Второй Адриан взял сам и громко сказал, будто в комнате был кто-то еще:

— Влад Странник! Приглашаю тебя на последний пир! Выпей с нами вина, с теми, кто любил тебя и будет всегда тебя помнить. Я пью за тебя, во имя тебя, и пусть Великая Мать смотрит в мое сердце, — Мангон поднес бокал к губам и выпил вино в три больших глотка.

Таня слушала его речь, и смущение в ее сердце уступило грусти и любви к Владу. Она делила их с Адрианом, и оттого их переживания становились острее и больше, от них сдавило грудь и щипало глаза, и Таня боялась, что не сдержится и расплачется.

Адриан взял третий бокал, подошел к камину и выплеснул вино в огонь.

— А это для Влада, — пояснил он.

Огонь зашипел, дернулся, но быстро выровнялся и заплясал так же весело, как и прежде. Таня встала рядом с Мангоном, решившись вдруг сделать то, что никогда прежде не делала. И не могла поверить, что когда-то сделает. Но молитва дракона вдохновила ее, и ей вдруг показалось, что несправедливо будет, если только она прозвучит в память о Владимире. Во рту пересохло от волнения и торжественности момента, но все-таки она сказала:

— Я хочу сделать еще что-то. Думаю, это важно для Влада.

Мангон удивленно посмотрел на нее, но ничего не сказал. Таня сложила руки на груди, сплела пальцы, как делала в детстве, когда еще верила в доброго Бога на облаке, до того, как он забрал ее маму. Закрывает глаза и произнесла по-русски:

— Господи! Упокой Господи душу раба Твоего Владимира и прости ему все согрешения, вольные и невольные, и даруй Царствие Небесное. Позаботься там о нем, он был верным другом и честным врачом. Отче наш, иже еси на небеси... — слова молитвы всплывали из глубин памяти, как часто бывает со стихами и песнями, что напевала мама перед сном. Таня не молилась со дня ее смерти и не верила больше в Бога, она была уверена, что сделала все неправильно, но сделала от всей души. Владимир был христианином, и проводить его следовало, как христианина, и может быть, после смерти он найдет дорогу домой.

— Это была ваша молитва? — спросил Мангон, когда Таня умолкла и неловко трижды перекрестилась.

— Да. Для нашего Бога.

— Какой он? — Адриан опустился на ковер перед камином, и Таня села рядом, с облегчением поджав под себя ставшие ватными ноги.

— У нас один Бог. Он большой, как мир, он везде, и никто не может его видеть. Он... сердномилый?

— Милосердный, — с улыбкой подсказал Мангон.

— Да. Он дает прощение всем, кто честно просит. Даже если ты убил и просил прощения, ты можешь попасть в хорошее место. А для плохих людей будет огонь и кастрюли, там их будут варить.

— Как думаешь, меня бы простил ваш бог? — вдруг спросил Адриан, глядя в огонь. Таня подумала, что он шутит, но Мангон выглядел серьезным и немного печальным.

— Да, если ты понимаешь все свои плохие дела и честно жалеешь о них. Если просишь со всем сердцем, он прощает.

— Звучит неплохо, — грустно усмехнулся Адриан. — И ты веришь в вашего бога?

— Нет, — пожала плечами Таня. — Но думаю, что Влад верил.

Они некоторое время сидели рядом и думали о Владимире, таком, каким они его запомнили. А еще о ритуалах и богах, и просто приходили в себя, теряя последние крупички религиозного вдохновения. Потом Адриан поднялся и вернулся с бутылкой вина.

— Надо ее допить. Ты не против?

— Нет, конечно. Вино вкусное, — согласилась Таня, и волнительное предчувствие горячей рукой сжало ее сердце. — Можно я спрошу?

Адриан улыбнулся, но теперь в его улыбке не было грусти, только ехидство.

— Кажется, кто-то решил воспользоваться ситуацией? — он налил Тане вина. — Спрашивай.

— Почему Тень? Понимаешь, это же странно.

— Выглядит так, будто я сумасшедший? — хохотнул Адриан, и Таня, которую ободрила его реакция, добавила:

— В моем мире лечат тех, кто имеет два человека в голове.

Мангон отпил вина и некоторое время молчал, наслаждаясь жаром, которым дышал камин. Потом заговорил, медленно, нехотя, будто вытаскивал воспоминания из дальних закутков сознания.

— Я никому этого не рассказывал, но раз уж ты видела, как я смеюсь, отступать некуда, — он посмотрел краем глаза на Таню. — У нас, высших драконов, тех, кому досталась человечность, трудно с рождением детей. Драконы высиживают яйца, люди — рожают живых младенцев. Сочетать такие разные подходы сложно. Поэтому драконы

предпочитают находить себе пару на Огненных пустошах до того, как прибывают в мир людей. Там о яйцах и драконятах заботится племя, потом они вырастают и, если совет решит, прилетают в Иллирию. Но иногда человека-дракона может родить женщина. Конечно, чаще всего ребенок ее убивает, но моей матери повезло: у нее родился я, и она даже смогла это пережить. Поэтому я никогда не был в Огненных пустошах, а все детство провел в Сером Кардинале под ласковым присмотром матери. Когда мне было двадцать лет, она умерла от лихорадки, и я остался один на один с отцом. Прежде он не занимался моим воспитанием, и оказалось, что, по его мнению, я никуда не годюсь. Слишком подвижный, слишком шумный, слишком любопытный. Не таким хотел отец видеть своего наследника. Он был генералом Драгона, занимал то место, которое сейчас принадлежит Кейблу. Сильный, умный, опасный дракон. Чтобы ты понимала, его титул примерно равен титулу короля при конституционной монархии. Впрочем, это не имеет отношения к делу, — Адриан сделал еще один глоток. — Важно то, что такой сын, как я, Этора Мангона не устраивал. Он мне постоянно объяснял, как важно быть серьезным, какая важная цель у моей жизни. Насколько люди глупы и бесполезны, что за ними требуется строгий надзор. К тому времени он все хуже и хуже относился к людям, и трудно было представить, что когда-то он женился на обычной женщине.

— Твой отец любил ее? — тихо спросила Таня.

— Мне кажется, очень любил, хоть к концу ее жизни в нашем доме поселилась его любовница. Которая стала одним из камушков в пирамиде его ненависти к людям, кстати. Я вырослел, и мне не хотелось становиться похожим на отца. Мне нравилось бродить по стене и крышам, общаться со стражей, играть с ними в карты и слушать их пошлые истории. Я любил выбираться в Илибург. Напивался в кабаке и танцевал, пока не падал с ног от вина или усталости, — вспоминая юность, Мангон улыбался и как будто казался моложе. — После одного такого приключения отец избил меня.

— Как это? — ахнула Таня. — Избил — это кулаками? Я правильно поняла?

— Тростью, — усмехнулся Адриан. — Утром встретил меня в холле и носился по всему замку за мной, колотя тростью с металлическим набалдашником. Я думал, он разобьет мне голову, а ведь я был уже взрослым парнем, по человеческим меркам мне было лет семнадцать-восемнадцать. Но сломали меня не нотации и не ссоры. Даже боль я переносил легко, ведь потом меня ждали приключения, и это придавало мне сил. Но тогда он догадался причинять боль не мне, а моим друзьям.

Он прервался, чтобы выпить вина и собраться с силами. Лицо его будто потемнело, брови сдвинулись к переносице.

— У отряда стражников был выходной. Они устроили кутеж, пригласили проститутку. Я присоединился к ним. Отца не было в замке, он должен был вернуться через два дня, но вернулся, конечно же, в эту ночь. Услышал шум, зашел в комнату стражи, увидел нас... Ну, такими, какие мы были. Развернулся и молча ушел, и тогда я понял, что случилась катастрофа. Лучше бы он кричал. На следующий день он выстроил добропорядочных стражников в две шеренги, через которые прогнал тех, с кем я отдыхал накануне. Их и девушек, которых они провели. Их избили до полусмерти, а я вынужден был на это все смотреть. И не мог им помочь. Я плохо помню подробности, урывками, отдельными картинками. Сочающаяся кровью кожа. Вздувающиеся полосы на спинах и руках. Фиолетовые синяки. Падающие на холодный плац тела. После всего этого меня рвало. Я чувствовал такую огромную вину, что казалось, она раздавила меня. Хотя ребята нарушили правила:

пить и водить женщин было строго запрещено, даже я как хозяин сохранил эти правила. Но отец их так избил и вышвырнул из замка буквально умирать не из-за нарушения устава. Из-за меня. Тогда я перестал бродить по крышам и вообще веселиться.

Таня с трудом сглотнула. Этот Мангон представился ей мерзким жестоким стариком, который вел себя хуже животного. Таня живо представила исполосанные в кровь спины, падающих на платц женщин и свист кнутов или палок, которыми избивали их вчерашние друзья. Озноб пробежал по телу, хотя у камина было жарко, как в печи.

— Твой отец имел человечность? — спросила она.

— Прошел ли он ритуал? Да. Думаю, ему не составило труда принести в жертву человека. Наверное, он даже жив до сих пор. Когда драконы становятся старыми, они отдаляются от мира. Улетают на Звездный остров, недалеко от обители драконов, и там засыпают. А Великая Мать им посылает сны о тайнах Вселенной. Они становятся невероятно мудрыми, настолько, что даже не открывают больше глаза, так как не видят в этом смысла.

— Почему?

— Говорят, что в этом мире им больше не на что смотреть. Что они знают ответы на все вопросы.

Они замолчали, но любопытство снедало Таню, поэтому она решила возобновить разговор:

— И тогда появился Тень?

— Да. Хотя я и помнил урок, строгая размеренная жизнь была невыносима. И тогда я впервые надел черную одежду, натянул на лицо маску и стал ускользать из замка. В таком виде я наведывался к стражникам, и новые люди не узнавали меня, поэтому я мог безнаказанно веселиться. Меня называли призраком или тенью Серого Кардинала, и мне понравилось это имя. Я даже выбирался в Илибург, поэтому у Тени здесь так много друзей из тех, кто и руки не подал бы Мангону.

— А Мангон стал кусок льда.

— Да, Адриану Мангону оставалось быть благородным и строгим. Я не интересовался военным делом, и отец сделал меня своим кардиналом. Потом он улетел в Огненные пустоши, на его место пришел Кейбл. Уэлл влюбился в библиотеку, прочитал, наверное, все книги из нее и давал нам мудрые советы. Веррион творил какую-то магию, делая страну все богаче, его драконий мозг жаждал только денег и умел управлять экономикой так, как не мог никто из его человеческих советников, пока не свихнулся на золоте и не сделал из своего дома пещеру сокровищ. Аррон была нашей старой наставницей и готовилась улететь в родные земли, оставив вместо себя Айронгу. Я был уверен, что мы лучший Верховный Совет из всех возможных, а оказалось, что все рушилось под нашими неповоротливыми тушами.

Мангон достал из поленницы два тонких бревнышка и подкинул в огонь, хотя на вкус Тани в гостинной было и так слишком жарко. Огонь радостно набросился на новую подачку, облизал сухое дерево красными языками и принялся с хрустом пожирать.

— И ты все это время был Тень?

— Нет, — ответил Мангон. — В последнее время у меня было слишком много забот: война на юге, куда приходилось иногда летать, потом проблемы с Айронгу, моя собственная дикость, которая оказалась ближе, чем я ожидал, и под конец странные пропажи людей из сената и новые сомнительные назначения. Меня словно колот шпагой невидимый соперник.

Он кружил со всех сторон, и я не мог его увидеть, не мог защититься. Я долгое время не надевал плащ, пока не встретил тебя.

Таня под ласковым взглядом Адриана запустила пальцы в волосы, чтобы скрыть волнение, и желая увести разговор от волнительной темы, спросила:

— Напомни, сколько тебе годов?

— Сколько мне лет? — поправил ее Адриан. — Восемьдесят семь.

— Ты такой большой! — улыбнулась Таня. — Я просто хочу сказать, ты не думаешь, что пора бы уже быть другом с собой?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, твой отец был не очень хорошим, ты создал Тень, это я поняла. Но твой отец давно уже улетел и, наверное, больше не открывает глаза. Так не пора ли быть сам собой?

— И что? Прыгать по крышам в облачении кардинала? — усмехнулся Мангон.

— Знаешь, прыгать по крышам, когда тебе восемьдесят семь, — идея не очень. Но можно же найти среднее.

Адриан больше не рассматривал языки пламени, он повернулся к Тане, и на губах его появилась кривая улыбка.

— Неужели моя своенравная Северянка говорит мне примириться с собой? Та самая, которая не может принять то, что она — женщина?

— Что ты говоришь?

— Ты отвергаешь платье, коротко стрижешь волосы, резко говоришь и вызывающе ведешь себя. Тебе хочется быть мужчиной, Татана, и кому из нас нужно принять себя?

Таня несколько мгновений молчала, не в силах найти слова от возмущения, и Адриан понял ее растерянность неправильно.

— Ты красивая девушка. Тебя нужно любить, о тебе нужно заботиться... — он протянул руку к ее лицу, но Таня мягко оттолкнула ее.

— Мне не нужны платья и длинные волосы, чтобы быть женщиной! Я родилась в этом теле, и этого хватит. Можно быть без волос, без одежды и оставаться женщиной.

Адриан был удивлен реакцией Тани и ее резким тоном, но не мог отвести от нее взгляда, настолько яркой она была в своем гневе.

— И чтобы быть мужчиной, нужно просто им родиться. И если ты родился, как дракон, ты не должен ничего делать особенно, чтобы все называли тебя драконом. Ты и так — он. Понимаешь?

— Многие бы не согласились с тобой, — невесело усмехнулся Мангон. — Мы считаем, что нас определяют наши поступки.

— Да, но они не делают мужчину и женщину. Понимаешь, — она взволнованно поменяла позу, устраиваясь удобнее. — Я могу носить брюки, плохо танцевать и плохо знать все вилки за столом, но я все равно женщина. Больше говорю, можно иметь тело мужчины и быть женщиной!

Мангон рассмеялся:

— Ну, это ты уже преувеличиваешь. Ни один человек, родившийся мужчиной, не захочет быть женщиной.

— Это почему же? — почти прошипела Таня. — Женщины плохие? Посмотри на меня. Я такая ужасная?

И Адриан посмотрел на нее. Он видел круглое лицо, горящие гневом глаза, растрепавшиеся светлые волосы, короткие у висков и собранные в хвост на макушке,

длинную шею и выпирающие ключицы, а за всем этим скрывалось храброе сердце и невероятная сила духа. Он вдруг стал серьезным и немного печальным. Покачал головой, подался вперед.

— Нет, ты не ужасна, — он снова протянул руку, и на этот раз Таня не оттолкнула её. Горячие пальцы коснулись щеки. — Ты самая прекрасная из девушек, что я встречал.

Адриан был совсем близко, маленький мирок между ними заполнил запах шалфея и кардамона, огонь в камине обдавал их жаром, но не от того щеки Тани горели лихорадочным румянцем. Ее сердце часто билось и ныло от сладкого предчувствия, а мысли юркнули в стороны, уступая место туману, от которого кружилась голова.

И в этот момент в дверь раздался оглушающий стук.

Адриан отдалился. Взгляд его глаз оставался мягким и затуманенным, и он крикнул:

— Я просил же не беспокоить!

— А ну открывай дверь! — раздался приглушенный голос Жамардин. — Немедленно.

Таня испуганно отпрянула, поднялась на ноги. Жамардин знала, что они тут, чувствовала, что между ними с Мангоном все не так просто и не смогла этого стерпеть. Возможно, она думала, что они предавались утехам прямо здесь, на ковре, и решила помешать. Таня со злостью подумала, что стыдно быть такой ревнивой в ее возрасте.

Мангон повернул ключ в замке и с недовольным видом открыл дверь.

— Что случилось?

Жамардин не стала отвечать, оттолкнула его и ввалилась в гостиную.

— Как жарко! Вы тут баню устроили что ли?

На ее лице было выражение крайней тревоги, почти страха. В руках она держала ворох одежды, которую ссыпала на диван.

— Что это? — спросил Мангон.

— Одевайтесь, быстро! — Жамардин почему-то зашептала. — Кто-то из постояльцев узнал тебя, Адриан, и рассказал мятежникам. Ко мне заявился Ястин Свирл, объявил, что он избран наместником, а ты, видите ли, предатель. Вам нужно бежать.

Таня надела длинное пальто с кокеткой на спине и поблагодарила providение, что оказалась в своем костюме с брюками и в сапогах. Было бы досадно бежать от преследователей в платье и туфлях. Среди вороха одежды она также обнаружила женскую треуголку с пышным пером и острым клином спереди.

— Где они сейчас? — спросила Мангон, натягивая плотное шерстяное пальто, сильно напоминавшее шинель.

— Я направила их в другое крыло, — так же шепотом ответила Жамардин. — Я должна им помочь найти вас. Сам понимаешь, от этого зависит...

— Твоя жизнь, — закончил за нее Адриан и надел цилиндр. На диване также обнаружился револьвер. Мангон проверил барабан и сунул пистолет за пояс. — Сделай все, чтобы выжить. Ври им, что угодно. Главное, дождись меня.

— Вот, держи, тут немного денег, — она сунула ему в руку кошелек со свернутыми банкнотами. — Доберись до Аррон и отомсти им.

— Спасибо, Жамардин, — Таня сжала сухую руку женщины. От теплой неги, в которой она плавала несколько минут назад, не осталось и следа. Таня собралась, в голове у нее было ясно, а тело рвалось бежать прочь от опасности.

— Ладно, — отмахнулась Жамардин. — Уходите скорее через другую дверь.

Таня бросилась к другому выходу, противоположному тому, через который она попала в

гостиную. Адриан на мгновение задержался.

— Спасибо, — он обхватил лицо Жамардин руками и коротко, но крепко поцеловал ее в губы. И вот он уже стоит рядом с Таней, помогает ей отпереть тугой замок, а потом хватается за руку и тащит прочь.

— Я в красной гостиной, — крикнула кому-то Жмардин. — Кажется, они были здесь...

Адриан не говорил ни слова. Он бежал по смежным комнатам, в одной из них неожиданно выскочил в коридор и потащил Таню к черному входу. Он двигался уверенно, будто знал в отеле каждый закуток, и возможно, что так и было. Вдруг Мангон резко остановился, и Таня уткнулась ему в спину.

— Тссс, — он приложил палец к губам. — У выхода кто-то есть.

Из-за угла выскочил мужчина со шляпой-котелком на голове. В руках он держал револьвер. Мгновение они с Мангоном смотрели друг на друга.

— Эй, он здесь! Я нашел его! — закричал мужчина. — Он с девкой!

Адриан не стал дожидаться, пока придет подмога, и рванулся обратно в комнату, через нее в музыкальный зал, где было темно и дремало фортепиано, похожее на сонное чудовище. Сзади доносился топот ног: мужчина в котелке бежал за ними следом.

— Стойте! Я буду стрелять!

За следующей дверью оказалась столовая, а за ней должен быть Зимний сад. Они бежали в ловушку: из сада выхода не было. Задержавшись на секунду, Таня перевернула стулья, надеясь, что это задержит преследователя, и увидела через несколько сквозных комнат еще людей, которые бежали к ним. Таня поспешила за Адрианом.

Они вбежали в темный зимний сад, и Мангон подставил под ручку стул, блокируя вход. Темные растения обвивали своды, словно щупальца. Сквозь прозрачный потолок было видно месяц и звезды, от черного неба отделялись снежинки и падали на стекла. Таня в панике огляделась, но больше не увидела никаких дверей.

— Выхода нет, Адриан, — сказала она дрожащим голосом.

Мангон и сам это прекрасно видел. Он колебался едва ли секунду, потом пробурчал: “Да простит меня Жамардин”, — схватил металлический стул и со всей силы ударил им по стеклу. Толстые стеклянные стены затрещали, но не поддались. Дверь содрогалась под ударами преследователей. Адриан замахнулся еще раз и снова ударил. Стекло лопнуло только с третьего раза.

— Быстрее, пожалуйста, — простонала Таня, видя, как дверь понемногу сдается под натиском. Замотав руку полой пальто, он выбил острые осколки из рамы.

— Пролезешь? — спросил он.

— Я сейчас в иглу пролезу, — ответила Таня и выскользнула на улицу.

Ее разгоряченное лицо обожгло ночной прохладой. Она глубоко вдохнула свежий пьянящий воздух, вновь почувствовав свободу. Но Адриан не дал ей насладиться моментом. Он снова схватил ее за руку и потащил прочь.

— Вон они! Разбили стекло! — прокричал кто-то.

Таня обернулась. В стеклянной стене зияла отвратительная дыра, словно рваная рана, и через нее на беглецов смотрело сразу несколько мужчин. Один направил на них пистолет и выстрелил, но не попал. Другие начали протискиваться между рамами. Кто-то порезался и громко выругался.

Страх подстегнул Таню. Мангону больше не нужно было тянуть ее за собой. Придерживая треуголку, она рванула со всех сил вдоль улицы, и Адриан тут же ее нагнал.

Полю тяжелого пальто развеялись на холодном ветру, коса била по спине. Они бежали рядом, и покрытая тонким ледком дорога стелилась под их ногами. Сзади слышался топот, иногда раздавались выстрелы, но пули пролетали мимо на приличном расстоянии.

— Прекрати палить, идиот! — крикнули на незадачливого стрелка.

— Направо, — шепнул Адриан.

Воздух вырывался клубами изо рта, и легкие начало жечь от холодного воздуха. Мангон вырвался вперед, и Таня начала понемногу уставать: тело после долгого перерыва с трудом переносило сильные нагрузки. Топот становился все ближе.

— Налево.

Они вылетели на Третий проспект, Таня помнила его. Она шла по этой широкой улице, когда искала “Черного дракона”. Если идти по ней прямо, выйдешь к мосту, под которым жили бездомные. Преследователи пока не появились, но это был вопрос нескольких секунд. В это время впереди распахнулась дверь одного из домов, и на улицу буквально вывалился человек в нелепом сине-красном камзоле.

— Я не останусь, маменька! — закричал он кому-то в глубине дома. — Мои подданные ждут меня!

Тут он заметил бегущих по улице людей и расплылся в улыбке:

— О прекрасная тэсса! Я знал, что увижу...

Таня распахнула глаза. Она и представить не могла, что будет так рада видеть чудаковатого дворянчика.

— Якоб, спасай!

— Добро пожаловать... — начал Трошер и даже собирался помахать своей огромной шляпой с пером, но Адриан недолго думая схватил Таню и Якоба и ввалился в прихожую. Дверь закрылась за мгновение до того, как на Третий проспект выбежали преследователи.

В прихожей было полутемно. Это был не главный вход в шикарный дом на Третьем проспекте, которым так гордилась семья Трошеров, поэтому здесь горела всего одна электрическая лампочка под мозаичным плафоном. Адриан прикинул ухом к двери и слушал, как мимо пробежали люди, остановились, гадая, куда могли деться беглецы. Он тихо опустил на двери засов на случай, если кто-то догадается ломиться в дома.

— Может, они в дом забежали?

— Да кто их впустит? Ты знаешь, кто тут живет? Они побежали или налево, или по улице Воршака. Разделимся!

— А я бы проверил двери...

— Скорее, идиот!

Адриан с облегчением отвалился от двери, прижался спиной к стене и позволил себе наконец отдышаться. Таня стояла, уперев руки в колени, и пыталась восстановить нормальное дыхание. Трошер смотрел на внезапных гостей с улыбкой и искренним восторгом.

— Якоб, кто эти люди?

Властный голос принадлежал даме, которая появилась наверху лестницы, ведущей к выходу. На ней было пышное платье сливового цвета, а волосы подняты в сложную прическу. На вид ей было лет пятьдесят, она потеряла былую стройность и гибкость, но держала себя с истинным достоинством.

— Это моя невеста, мамонька, — с глуповатой улыбкой сказал Якоб, — тэсса Северянка.

— Кто я тебе? — переспросила Таня, не разгибаясь.

И тут дама увидела Мангона. Она побледнела, приложила руку, украшенную перстнями, к груди, а потом принялась поспешно спускаться по лестнице. Достигнув низа, она присела в глубоком реверансе, склонив голову в величайшем почтении. Таня в изумлении переводила взгляд с нее на Адриана. Тот отлепился от стены, расправил плечи и приказал:

— Поднимитесь, тэссия Трошер.

Трошер выпрямилась. В глазах ее блеснули слезы.

— Вы живы, кардинал, о Великая Мать, вы живы!

— Благодаря вашим молитвам, — Мангон протянул руку, и Трошер подобострастно коснулась его локтя.

— Я верила, что кто-то из Великого совета жив. Что вы вернетесь и приструните этих наглецов, что рушат наш город, грабят, убивают! — ее голос задрожал от гнева.

— Прошу вас, тише. За нами гонятся мятежники, и мне бы не хотелось подвергать вас такой опасности.

“Ему бы не хотелось подвергать... Надо же!” — мелькнула в голове Тани.

Тэссия Трошер прикрыла рот рукой.

— Конечно. Проходите в гостиную. Якоб, — она строго окликнула сына. — Вели подать чай и те булочки, что приготовил Дано.

— Мамонька, я думал, это для меня, — капризно скривил губы Якоб, и это детское выражение настолько не шло его пусть маленькому, но взрослому лицу, уже отмеченному морщинами, что Таня испытала невольное отвращение. Упоминание Дано вызвало в памяти старые события, и направленный в лицо пистолет, и холодные воды Отолуры. Таня понадеялась, что это не тот же Дано. Хотя с чего бы? Он мертв, а имя может быть очень распространенным.

Таня прошла в гостиную, где тэссия Трошер крутилась вокруг Мангона.

— Снимите с генерала пальто! — прикрикнула она на растерявшихся слуг.

— Нет, прошу. Мы не можем задерживаться.

— Понимаю, вы спасаете город, — Трошер прижала руки к груди. — Я так рада, что вы снова с нами. Только посмотрите, что учинили эти негодяи, — она махнула рукой в сторону занавешенных окон. — Знайте, что мы все за вас. Многие боятся, Свирлы нашли поддержку среди разбойников, но мы, настоящие дворяне, мечтаем, чтобы вернулся прежний порядок. Вы же поможете нам?

— Я делаю все, что в моих силах, — заверил ее Мангон. — А сейчас нам надо добраться до замка Аррон. Вы знаете, поезда ходят?

— Вам нельзя на вокзал, там полно людей Свирла.

Мангон нахмурился, прошелся по гостиной.

— Простите, тэсса, как вас зовут? Кажется, я вас раньше не видела, — тихо спросила Трошер, чтобы не мешать размышлять великому кардиналу.

— Северянка, — ответила Таня. — Я из дальних земель.

Хозяйка дома смерила ее долгим взглядом, поджала губы, но никак не прокомментировала странный внешний вид гостьи. В комнате появился Якоб с большой тарелкой маленьких пышных булочек, посыпанных красной приправой. Одна из булочек уже была у него во рту и оттопыривала покрытую редкой щетиной щеку.

— О Мать, Якоб, поставь на стол! — зашипела его мать. — Этим должны заниматься служанки. И не суй грязные пальцы в блюдо.

Она с волнением посмотрела на гостей, проверяя, не возмущен ли кто поведением ее сына, но Мангон даже не обратил на его появление внимания.

— Мамонька, вы познакомились с моей невестой? — спросил Трошер, и тут пришло время Тане шипеть на него:

— О чем ты говоришь?

— Ох, точно, я не сделал еще предложение, — дворянчик вытер руки прямо о цветастый камзол и, прежде чем мать успела его остановить, упал на колени перед Таней. — Моя дорогая Северянка, я, Якоб Трошер, король двора под мостом, предлагаю тебе свою руку, сердце и все, что у меня есть, — он обвел взглядом гостиную, — и прошу стать моей женой.

Он ловко поймал пальцы Тани во влажные ладони и пытался притянуть к губам. Тэссия Трошер побледнела и замерла в ужасе, казалось, что она готова упасть в обморок от страшного стыда. Даже Мангон перестал изучать рисунок на шторах и смотрел на происходящее, сложив руки на груди. На его привычно строгом лице не было и тени улыбки, но Таня готова была поспорить, что внутри он от души потешается над ней.

— Спаси меня, — одними губами проговорила она, и Адриан еле заметно качнул головой. — Я убью тебя.

А потом повернулась к Якобу, замершему перед ней на коленях с восхищенным видом:

— Дэстор Трошер...

— Я еще дэсс, — подсказал Якоб.

— Гм! Дэсс Трошер, я очень рада вашим словам. Но пришло тяжелое время, и дэстор Мангон сказал мне драться со злом. Мне жаль, но я не могу быть согласной, ведь нам нужно бежать.

Трошер разжал руки, уронил их по бокам и свесил голову. Таня с несчастным видом посмотрела на Адриана, но тот и не думал вмешиваться. Вошла служанка с подносом, уставленным чашками, скользнула взглядом по коленопреклоненному хозяину и с равнодушным видом прошла в гостиную. Чашки тонко звенели одна об другую, когда она принялась расставлять их на столе. Тэссия Трошер пришла в себя и шлепнула сына по плечу, велев подниматься. Якоб вскинул на Таню блестящие глаза:

— Я буду ждать тебя, душа моя! Я дождусь и сохраню все богатства для тебя. Я оставлю наместника двора под мостом и посвящу все время вырезанию фигурок. Мы украсим ими нашу спальню.

— Хороший план, — Таня показала Трошеру поднятый палец, его мать тихонько охнула, и даже Мангон отчего-то фыркнул. Таня смутилась, догадавшись, что ее невинный жест мог иметь иное значение в этом мире, и спрятала руки в карманах пальто. Служанке по-прежнему было все равно, она взяла поднос под мышку и вышла из гостиной.

— Тэссия Трошер, в городе можно нанять экипаж? — спросил Адриан.

— Что? — женщина не сразу отошла от сцены, которую была вынуждена наблюдать. — Зачем же нанимать? На заднем дворе стоят наши экипажи. Правда, кучер дома, но Ано неплохо управляется с лошадьми. Велеть ему запрягать?

— Вы бы спасли нас, — благодарно ответил Мангон.

— Все ради Илибурга, — выдохнула Трошер и велела служанке будить Ано. — Вам придется подождать.

— Вы уверены, что этот Ано не отдаст нас? — спросила Таня. В доме было тепло, поэтому она стянула треуголку, и глаза Трошер расширились, когда она увидела короткую стрижку. Она отвернулась и обратилась к Мангону:

— Я уверена, что Ано не сочувствует мятежникам. Но если вам так будет спокойнее, вы сможете сесть в экипаж тайно.

— Пожалуй, так мы и сделаем, — ответил он.

Внутренний двор представлял из себя небольшое пространство между домами соседних улиц. Здесь располагались хозяйственные постройки и небольшая конюшня на четыре лошади, которые могли понадобиться хозяевам в любое время. Такую роскошь, как экипажный двор, могла позволить себе не каждая семья, и Трошеры были как раз из таких обеспеченных счастливицев. Адриан в сопровождении Тани остановился в прихожей недалеко от черного входа, чтобы дождаться, пока баронесса Трошер отвлечет слугу.

— Почему ты не помог мне с Трошером? — зашипела Таня.

Адриан расплылся в улыбке.

— Это было ужасно забавно. Я и не знал, что вы так близко знакомы с дэссом Трошером.

— Это. Не было. Забавно, — отчеканила она, тыча пальцем в грудь Адриана. Он поймал ее пальцы и прижал к груди.

— Не сердись. Ты сама прекрасно справляешься с женихами.

— Ано, подойди сюда! — позвала Трошер, и Таня вырвала руку у Мангона.

— Ладно, пора.

Баронесса со слугой остались наверху, и Адриан с Таней тихо выскользнули во двор, где стоял черный экипаж, запряженный двойкой лошадей. Мангон распахнул дверь, пропуская девушку вперед, и сам ловко запрыгнул следом. Повозка была небольшой и стояла на двух больших колесах. С крыши свисали два твераневых фонаря, освещавших небольшое пространство вокруг тревожным желтым светом. Адриан плотно задернул шторы на всех окнах, в том числе на большом переднем, которое напоминало лобовое стекло твермобиля. И как раз вовремя: повозка качнулась под весом Ано.

— Дэсторы, вы готовы к поездке? — спросил он невидимых пассажиров.

— К замку Аррон, пожалуйста, — прохрипел Адриан, и слуга щелкнул поводьями. Экипаж качнулся и поехал вперед, безбожно подскакивая на каждой кочке. Сначала они ехали медленно, но когда брусчатка закончилась и пошла более-менее нормальная дорога, Ано пустил лошадей рысью.

Таня тряслась в темноте, то и дело подпрыгивая на деревянной скамье, и вспоминала самыми добрыми словами старенькую машину своего отца. Плечом она чувствовала тепло сидящего рядом Мангона. Он снял шляпу, и Таня последовала его примеру.

— Поспи немного, — вполголоса посоветовал Адриан. — Дорога займет несколько часов.

— Не могу, — шепотом ответила Таня. — Я чувствую, что рядом... Конец. Понимаешь?

— Это будет конец твоих приключений. Мы спасем Росалинду и художника, и я отправлю вас в безопасное место.

— А если Аррон не будет согласна помогать?

— Это неважно. В любом случае план таков.

— Но ты сказал...

Адриан наклонил голову и коснулся лбом ее макушки.

— Я не говорил такого, ты сама придумала. Но не мог же я при Жамардин сказать, что никому не позволю причинить тебе боль.

Таня отодвинулась, чтобы посмотреть в глаза Адриану. Он сидел напротив, так близко,

что Таня ясно чувствовала его запах, и странно смотрел на нее. Ей показалось, что она видит нежность и затаенную печаль, и чувства на удивление ему шли. Его глаза блестели в темноте.

— Не надо больше, — сдавленным голосом попросила Таня.

— Чего не надо?

— Говорить, что все будет хорошо. Я устала.

— От чего?

— Верить. Я жду, что все будет правильно, но оно только рушится. Снова и снова. Я больше не имею на это сил.

— В этот раз все будет по-другому, — пылко возразил Адриан.

— Почему бы? — горько отозвалась Таня.

— Ты просто не понимаешь, как ты прекрасна. Ты не видишь себя, когда смеешься или смущаешься. Или злишься. Особенно — злишься. То, что ты видишь в зеркале, совершенно не отражает того, что вижу я.

Таня сидела, боясь пошевелиться, и во все глаза смотрела на Адриана. Она приложила руку к груди, туда, где колотилось сердце. Было трудно разобрать шепот, но каждое слово, что удалось расслышать, навсегда запечатлялось в памяти.

— Прийти к тебе, как Тень, было самой лучшей идеей. И самой большой ошибкой. Потому что я теперь готов отдать всю человечность в обмен на твою жизнь.

— Адриан, я...

Экипаж резко качнуло, Таня полетела прямо на Мангона. Она почувствовала, как крепкие руки поймали ее, и подняла голову, возможно, чтобы услышать его голос или получить нечто большее, но Мангон был неожиданно серьезен.

— Что-то не так.

Снаружи раздались крики.

— Эй, слезай с козел! Мы забираем твою телегу!

— Мужики, я везу важных людей, и вам лучше бы убраться с дороги.

— Эй, ты слышал? Важные люди, — послышался смех. — А ну тащи своих людей сюда, может, у них тоже что есть для нас.

— А может, там и дамочка какая благородная имеется? — второй голос был низкий и грубый.

— Повторяю, вам лучше... Пистолет-то зачем?

Адриан отодвинул Таню, помог сесть ей прямо. Она встревоженно посмотрела на него, и Мангон решил, что она ждет защиты, хотя Таня в тот момент лихорадочно соображала, где бы найти палку или что-то другое, чем можно защищаться. На худой конец, оставались кулаки. Мангон надел цилиндр, низко надвинув его на брови, достал пистолет:

— Я разберусь, — открыл экипаж и спрыгнул на землю.

Хлопнула дверца, и Таня осталась в темноте в одиночестве. Ей оставалось только прислушиваться и быть готовой выскочить, если что-то пойдет не так.

— Ано, что происходит?

— Они перегородили дорогу, дэстор. Их трое, но возможно, в засаде есть кто-то еще.

— Господа, в чем проблема?

— В тебе, — Таня еле расслышала, что говорил грубый голос. — Это ограбление. Давай все, что есть.

— Я не согласен.

— Он не согласен, слышь?

— Давайте сделаем так. Вы отойдете с дороги, я вернусь в экипаж. Я доволен, вы живы.

— Он что, нам угрожает?

— Похоже так, Лысак. Угрожает. А как тебе это?

— Убери пистолет, пока никто не пострадал, — в голосе Мангона появилась сталь.

— Давай деньги или я стреляю!

— Вы ничего не получите.

Раздался выстрел, а за ним высокий визг. Таня подпрыгнула на сидении, карета качнулась от того, как резко пригнулся Ано.

— Я же просил убрать пистолет, — по-прежнему спокойно сказал Мангон.

— Ах ты бурундово отродье! — заревел мужчина с грубым голосом, и послышался топот ног. Раздался еще выстрел, а за ними крики боли.

— Ты прострелил мне колено, ублюдок!

— Я предупреждал, — ледяным голосом поинтересовался Мангон. — А ты? Тоже хочешь?

— Нет, нет, — послышался еще незнакомый Тане голос. — Давай уйдем, Лысак. Ну же, вставай!

— Я убью его! — рычал разбойник с простреленным коленом.

— Или он тебя. Пойдем, Бурунд тебя заведи!

— Это я возьму, — сказал Мангон. — Ано, продолжаем путь. Смотри, как будешь отъезжать, чтобы они не покалечили лошадей.

Дверца открылась, и он вернулся на сиденье рядом с Таней, хмурый, раздраженный. Слуга прикрикнул на грабителей, чтобы убирались с дороги, щелкнул вожжами, и экипаж снова тронулся. Мангон некоторое время прислушивался, все ли в порядке, а потом откинулся на спинку и отбросил цилиндр.

— Не испугалась?

— Я смотрю, что я теряю сознание? — спросила Таня, складывая руки на груди. Она чувствовала досаду от того, что Мангону пришлось в голову обращаться с ней, как с нежной барышней.

— “Я выгляжу”, пора уже запомнить, — ответил он. — Никак не привыкну, что ты чуть что лезешь в драку.

— Что это?

— Кремниевый пистолет. Довольно старый, но все еще в хорошем состоянии. Отобрал от грабителей.

— Дай его мне.

Мангон нахмурился.

— Зачем тебе? Ты не умеешь стрелять.

— Ты объяснишь, как. Я злюсь, если не могу себя защитить, как было сейчас.

Адриан некоторое время смотрел на темное лицо Тани, но она была упряма в своей затее. Ему осталось только вздохнуть, признав, что рациональное зерно в ее желании есть. Он отодвинул шторы с боковых окон, позволяя лунному свету проникнуть внутрь, подвинулся ближе к Тане и положил ей в руки пистолет.

— Смотри, это кремниевый замок. Его нужно вот так отвести и нажать на спусковой крючок. Кремний ударит по замку, пойдет искра и подожжет порох. Там сейчас капсульная пуля, но всего одна, больше нет. Вот это предохранительный крючок, чтобы не было

непроизвольного выстрела. Вот так я его снимаю, вот так ставлю.

— Снимаю, ставлю. Правильно? — она посмотрела на Мангона.

— Правильно, — кивнул он. — Теперь ты вооружена и опасна. Может, наконец отдохнешь?

— Я попробую. Я имею странное чувство, что нужно ехать быстрее. Скажи Ано.

— Хорошо. Клади голову мне на плечо.

Таня так и сделала. Шерстяная ткань пальто приятно колола щеку, экипаж подпрыгивал на каждой рытвине, но, несмотря на поселившееся в груди беспокойство, Таня через некоторое время уснула.

Ей снился залитый лунным светом двор замка, на котором лежал дракон. Его чешуя казалась черной, но Таня откуда-то знала, что она на самом деле изумрудная, а лужа под животом — темно-бордовая, как застывшая кровь. Дракон медленно опустил шипастую голову на лапы и закрыл глаза.

“Менив-Тан, поспеши. У меня так мало времени”.

Глава 9. Черный меч судьбы

В очередной раз Таня открыла глаза, когда серый рассвет проник в экипаж сквозь неплотно задернутые шторы. За ту долгую ночь она просыпалась не один раз, то жестко подпрыгнув на деревянной скамье, то почувствовав боль в затекшей шее, то увидев дурной сон. Вдоль горизонта протянулась оранжевая полоса, которая быстро расширялась и становилась все светлее, и обсидиан неба светлел, наливаясь темно-синим цветом. Возделанное поле стояло пустое, обнаженное, и птицы перелетали с одного места на другой в поисках остатков урожая. Дальний лес ошетинился верхушками елей и понемногу светлел, выступая из полумрака.

Таня поежилась от утреннего холода и решила больше не спать. Адриан сидел рядом, серьезный и напряженный, и смотрел в окно, отогнув угол шторы.

— Доброе утро, Татана.

— Да уж, доброе, — ответила Таня, потирая шею. Во рту пересохло, и вообще она не отказалась бы сейчас от горячего душа и хорошего кофе, но мысли о комфорте только еще больше испортили настроение.

— Мы почти приехали.

Экипаж давно свернул с широкого тракта и ехал по проселочной дороге, медленно, качаясь из стороны в сторону так сильно, что иногда казалось, что он вот-вот перевернется. Через некоторое время раздалась команда кучера: “Тпру! Стой!” — и лошади встали. Адриан странно посмотрел на Таню, взволнованно и немного дико, и сказал:

— Пора выходить.

— Постой, — Таня положила руку на его плечо. — Помнишь свой обещаний?

— Что еще за обещание?

— Не важно, что там произойдет, обещаешь спасти Росси и Жослена. И будешь заботиться о них.

Адриан повернулся к Тане, сжал ее холодные пальцы.

— Ничего не случится, — вкрадчиво сказал он. — Если Аррон откажет нам в помощи, мы просто уйдем.

— Нет, обещаю, — упрямо повторила Таня.

— Хорошо. Если случится что-то дурное, я спасу Росалинду и художника и осыплю их золотом. Клянусь. Ты довольна?

— Сыпать не надо. Можно просто купить им дом.

— Им хватит одного дома? — улыбнулся Адриан. — Или мне придется покупать два?

— Хватит, — ответила Таня, вылезая из экипажа. — Они решили жениться.

Снаружи было свежо и морозно. Приближалась зима, и осень становилась все злее, отчаяннее. Она покрыла грязь на дорогах корками льда и бросала с неба редкие горсти снежинок, заменяя их иногда холодной мерзкой изморосью. Таня огляделась. Она рассчитывала увидеть широкую подъездную дорогу, парк, похожий на тот, что вел к замку Мангона, но ничего подобного не было. Вокруг простирались поля с редкими кучками деревьев, а вдалеке поднимался холм, словно нарыв на коже, и на нем стоял замок. В рассветных лучах он казался ненастоящим, вылепленным из песка неумелыми детскими ручками: небольшой, низкий, и над стенами возвышался крепкий донжон с безвольно повисшим флагом.

— Здесь дорога заканчивается, — сказал Ано. — Дальше я не проеду, дэсторы... Ох тэсса.

Кучер увидел, что из экипажа, вопреки словам Трошер, показались вовсе не двое мужчин, а мужчина и женщина. Она была странно одета в широкополое пальто и шляпу треуголку. Увидев удивление на лице Ано, девушка широко улыбнулась и коснулась двумя пальцами полей шляпы.

— Спасибо за помощь, Ано.

— Спасибо, — вторил ей дэстор в цилиндре, низко опущенном на лоб. Он достал несколько банкнот из кошель и протянул слуге. — Вот, это тебе. Постарайся, чтобы о нашем путешествии не узнал никто, кроме баронессы.

— Конечно, дэстор. Благодарю, — вдруг севшим голосом сказал Ано, принимая деньги, которых ему теперь наверняка хватит, чтобы сыграть свадьбу с любимой. Он взял вожжи и принялся аккуратно разворачивать лошадей, стараясь не повредить хозяйский экипаж. Справившись, он в последний раз посмотрел на странных господ и, щелкнув поводьями, отправился в обратный путь.

— А как мы будем ехать назад? — спросила Таня, наблюдая за удаляющимся экипажем.

— Я рассчитываю на помощь Аррон, — ответил Мангон, плотнее запахивая шерстяное пальто.

— Ну что ж, тогда идем и закончим это. Вместе.

Замок оказался дальше, чем Таня ожидала. От быстрого шага по неровной земле, которую покрывала высокая пожухлая трава, холод отступил, стало даже жарковато. Солнце быстро поднималось по небосклону, звезды потускнели и пропали, месяц скатился к горизонту и стал совсем бледным. Адриан шел рядом и был молчалив и серьезен. Таня занимала себя тем, что пыталась угадать, что увидит за стенами замка, как поведет себя Аррон и что нужно сказать, чтобы добиться ее доверия. Она понимала, что предугадать развитие событий, когда в них участвуют столь странные существа, как драконы, практически невозможно, но ей требовалось чем-то занять голову, в которой то и дело всплывали безнадежные мысли. Таня часто вспоминала сон, и мертвого дракона, и лужу крови под ним. Это Аррон, сомнений не было, но Таня прекрасно знала, что сны — всего лишь отражение чаяний и страхов. Очень хотелось поделиться ими с Адрианом, но тот наверняка просто снисходительно отмахнется, а глупой представлять совсем не хотелось.

Когда они подошли к подножию холма и посмотрели вверх, замок уже не казался таким ничтожным. Он был действительно приземистым, но его окружали невероятно толстые стены, на которых спокойно могли пройти в ряд четыре человека, а по углам возвышались прямоугольные башни с выносными балконами, чтобы ни один противник не укрылся от кипящего масла.

— Замок Аррон смотрит не так красиво, как твой, — заметила Таня, поднимаясь по серпантину на верх холма.

— Он и строился с другими целями, — ответил Адриан. — Отец любил Серый Кардинал, это было воплощение его юношеской мечты. Замок, стоящий на утесе, окруженный рвом, с подъемным мостом. Чтобы высокие башни, и шпиль, и черепица, и галереи вдоль внутреннего двора. На Кардинал никто никогда не нападал. В отличие от Пустынного Лебедя.

— Что это?

— Пустыня — земля без воды, лебедь — белая птица с изогнутой шеей. На олдосском

он назывался Оркана и служил настоящим укреплением. Когда илирийцы захватили это место, разрушили все в округе, кроме Орканы. Сделали его своим замком, и недавно, триста лет назад, его выкупила Аррон.

— Недавно?

— Да, это всего лишь одна драконья жизнь. Даже меньше, если учесть, что мы еще лет двести дремлем на Звездном острове. Ну, вот мы и на месте.

Они взошли на холм, и замок возвышался над ними, словно спящий исполин. В утреннем свете его стены были нежно-желтыми, словно песок в пустыне, две башни по краям фронтальной стены безразлично взирали на непрошенных гостей провалами бойниц. Все постройки скрывались за высокими стенами, и только донжон возвышался над ними, ощерившийся каменными зубьями. На нем был установлен флагшток, на котором печально висел белый с зеленым флаг, недвижимый в утренней тишине.

— Что-то здесь не так, — мрачно сказал Адриан.

— Что случилось?

— Посмотри на ворота.

Таня посмотрела. Ворота были зажаты между двумя башнями, будто утопленными в стене, и располагались в арке, не закрывая ее полностью. Левая дверь, утыканная шипами, была приоткрыта, другая висела на одной петле. На пожухлой траве тут и там валялись поломанные лестницы, какие-то деревяшки, ящики, торчали воткнутые в землю шесты, чернели следы от кострищ.

— Они сломанные? — спросила Таня, указывая на ворота.

Адриан кивнул:

— Это плохо, очень плохо.

Вокруг Пустынного Лебеда не было ни рва, ни даже приличной ямы. Укатанная дорога вела прямо ко входу и ныряла под арку, и Адриан поспешил по ней к воротам. Таня последовала за ним, понимая, что дурные предчувствия становятся сильнее, захватывают мысли, холодят затылок.

Над внутренним двором висела мертвая тишина. Стоило протиснуться между взломанными и опаленными створками ворот, утыканными металлическими шипами, как перед взором представала холодящая сердце картина. Перед входом в жилые помещения, прямо на утопанной земле, обвив длинным хвостом колодец, лежал дракон. Лучи солнца играли на его некогда изумрудной чешуе, а кровь, расплзшаяся из-под брюха, уже впиталась в площадку. Солнце нещадно освещало огромную тушу, показывая смерть во всей ее отвратительной безысходности. Дракон положил морду на лапы, словно уснул, и глаза его были закрыты складчатыми коричневыми веками.

Таня вскрикнула и закрыла рот руками.

“Я видела! Я все это видела”, — хотелось закричать ей, но ни звука не вырвалось из ее глотки.

Зато закричал Адриан.

— Корнелия! — называя дракона по имени, он подбежал к ее телу и упал перед ней на колени. — Корнелия, ты слышишь меня? Это я, Адриан. Я пришел к тебе, Корнелия. Открой глаза, посмотри на меня!

“Ты приходишь всегда слишком поздно”, — мелькнуло в голове Тани, и тут же она устыдилась своих мыслей, ведь Мангон уже несколько раз ее спасал. Но от этого ее выводы не переставали быть безжалостно справедливыми.

Мангон сначала пытался разбудить дракона, тормозил неподвижную тушу, а потом замер, прислонился лбом к тусклым чешуйкам на ее голове. Он гладил дракона, как гладил бы погибшего человека, нежной дрожащей рукой. Таня видела, как сильно он зажмурил глаза, то ли пытаясь справиться с жестокостью реальности, то ли сдерживая слезы, если драконы вообще умеют плакать. Челюсти он сжал так сильно, что напряглись мышцы на шее, но не издал ни звука.

Таня подошла ближе. Присела, дотронулась до тела дракона — оно было холодным, как камень. И тут она вспомнила, как эта огромная ящерица влезла в отверстие в крыше особняка Амина, до смерти перепугав Таню и Росси. Старая дракониха со злым чувством юмора, Таня испытывала к ней невольную симпатию, ей казалось, что Аррон она бы понравилась, если бы у них был шанс познакомиться поближе. Она погладила дракона по облезлому носу, потому что голова была покрыта костяными шипами и наростами. Сколько же времени прошло с их последней встречи, сколько всего произошло с Таней, и Росалиндой, и Мангоном. Между кабинетом Амина и двором Пустынного Лебедя лежала целая пропасть.

Адриан поднялся. Его рот был сжат в тонкую линию, а в глазах появился убийственный холод.

— Как ты? — спросила Таня, предполагая, что Адриану должно быть нелегко.

— Я проверю замок, — сказал он, игнорируя вопрос. — Ты со мной?

— Нет, — качнула головой Таня. — Я побуду с ней.

— Хорошо. Держи пистолет наготове.

Таня подняла оружие, демонстрируя, что готова застрелить любого, кто захочет причинить ей неудобства, и вновь обратила взгляд к дракону. Мангон решительно пересек широкий двор, скрипнула входная дверь, и он исчез в темном нутре замка.

Таня присела на корточки рядом с мордой дракона и погладила чешую под глазом. Та странно топорщилась, будто у Аррон и в этой ипостаси были морщины.

— Здравствуйте, Корнелия. Мне так жаль, что я не успела. Хотя что я могла бы сделать?

Вдруг коричневатое веко дернулось, один раз, второй и вдруг распахнулось, заставив Таню отпрыгнуть назад и шлепнуться на землю. Огромный желтый глаз сначала безразлично смотрел вверх, а потом опустил и сфокусировался на Тане. От жуткого зрелища к горлу подкатил ком.

“Ты пришла...” — послышался голос, и Таня закрутила головой, чтобы понять, откуда он доносится.

“Извини, что влезая в твою голову. Но видишь ли, Менив-Тан, я умираю, и язык не слушается меня”.

Таня с трудом сглотнула, чувствуя, как на спине выступил холодный пот.

— Меня зовут Татьяна, тэссия Аррон, — хрипло представилась она.

“Мама рассказывала о тебе. Сказала, что Менив-Тан придет, что спасет малыша Адриана”, — дракониха медленно моргнула.

— Мальш? Это Мангон-то?

“Он не сможет, Менив-Тан. Не отправит тебя в огонь. И не найдет другого способа. Он одичает, наш Адриан, сожжет полгорода. А потом до конца дней будет скитаться по пустыне, пожирая песчаных крыс”.

Таня молчала.

“Они не ели и не пили уже два дня”.

— Кто?

“Безволосая девочка и парень-солнце. Про них забыли и оставили умирать”.

Сердце замерло и ухнуло куда-то в желудок.

— Нет, — проговорила Таня, закрывая перекосившийся рот руками. На глазах выступили слезы и покатались по щекам. — Не может быть!

“Я вижу сквозь тьму. Бедные люди. Верные”.

— Как я могу им помочь? — она подалась вперед, поползла по земле к страшному глазу. Зрачок вытянулся, стал уже.

“Ты знаешь, что нужно делать. В моем замке есть большой храм. Ты легко его найдешь — иди по коридору вдоль жаровен. Их зажигали в праздники, и сегодня тоже праздник. Спустишься по лестнице, и найдешь храм”.

— Но я не хочу умирать, тэссия. Я так хочу жить.

“Я тоже, Менив-Тан. Но у меня нет выбора. И у твоих друзей тоже. Но он есть у тебя. Ты можешь уйти, и никто не осудит тебя. Но можешь остаться. Остаться...”

Глаз закрылся. Таня стояла рядом с мордой дракона на коленях, еле дыша от тянущей боли отчаяния. Но слезы больше не текли, и влага на щеках постепенно обсыхала. Впервые за столь долгое время ей дали выбор. Вот они, ворота, стоят открытые, и Таня была уверена, даже если бы Мангон увидел, как она уходит, он бы не стал ее останавливать. Осталось только решиться, и она дотронулась до выцветших чешуек в поисках поддержки.

“Иначе они все погибнут”, — раздался голос будто издалека, и из ноздрей, похожих на пещеры какого-то зверька, вырвался последний выдох.

— Спи спокойно, тэссия Аррон, — проговорила Таня, касаясь ее морды. — Вас будут помнить люди и драконы, пусть Великая Мать смотрит в мое сердце.

Спустя минуту она быстро поднялась на ноги, будто вместе с последним вздохом дракона в ее тело влилась решимость, притупившая тоску. Брюки были в мокрой от крови земле, но от слез не осталось и следа.

В замке царил полумрак. Сквозь зеленые стекла окон проникал слабый дневной свет. В холле стоял большой глобус, окруженный несколькими кольцами, вверх вела покрытая старым ковром лестница. Слева располагался металлический лифт с коваными решетками, вправо вел коридор, в котором виднелись кованые жаровни. В них полыхал огонь.

Таня повернула направо. По стенам, выложенным желтым песчаником, плясали трепещущие отблески, по полу тянулись длинные тени жаровен. Таня шла вперед, вслушиваясь в гулкое эхо своих шагов. Коридор казался бесконечным, но заблудиться было невозможно: кто-то заботливо осветил ей путь, словно взлетную полосу для возвращающегося домой самолета. В конце его перекрывала массивная дверь, которая открывалась с помощью больших прикрепленных к ней шестерен. Как запускается скрытый механизм, Таня не знала, но в этом не было необходимости: одна из створок была гостеприимно распахнута. Вниз вела лестница, ее ступени были выложены песчаником, который стерся в тех местах, куда ступали ноги бесчисленных почитателей Великой Матери, и раскрошился по краям. Таня начала длинный спуск. Лестница то закручивалась винтом, то сменялась коротким коридором, то ломалась под углами и вела глубоко под замок, в древние пещеры, которые Аррон приспособила для великого храма. Сухой воздух постепенно сменился затхлым запахом подземелья и грибка. Где-то за стеной капала вода, и каждый всплеск далеко разносился по подземным коридорам. Вдоль всего пути стояли неизменные

жаровни, и в каждой горел огонь.

То, что она пришла, Таня поняла сразу. Ступени кончились, и впереди показался большой проем, украшенный аркой в виде двух драконов, держащих венки в высшей ее точке. В проеме были видны стены пещеры, сложенные из светло-желтого кальцита. Все еще ведомая внушенной ей решимостью, Таня шагнула внутрь.

Пещера поражала своими размерами. От входа до задней стены она тянулась на добрых двести метров, поперек была чуть поуже, а потолок терялся в темноте. Все пространство за аркой было предназначено для ритуалов. Полукругом стояли низкие каменные скамьи, в альковах расположились статуи драконов. Некоторые из каменных ящеров сидели, другие стояли, третьи сложили лапы перед грудью, один даже спал, уютно обхватив себя хвостом. Одному дракону не повезло: его голова отвалилась и лежала у каменных ног. За скамьями находились две большие чаши, и Таня могла только гадать, для чего они. В центре зала был установлен монументальный обелиск, и вершина его возносилась к потолку, теряясь в полутьме. Письмена на нем горели бледно-голубым светом. В основании его лежал огромный камень, на котором были высечены сцены из драконьих легенд. Дальше тянулись колонны и обелиски поменьше, и камни, на которых неизвестные мастера выбили тексты на забытом языке. Еще дальше и внизу расположилось круглое пещерное озеро, голубые воды которого освещали таинственным голубым светом люминесцирующие водоросли и маленькие медузки, сжимавшие и разжимавшие прозрачные щупальца.

Задыхаясь от восхищения, Таня спустилась по каменным ступеням к озеру, покой которого охраняли мощные колонны. Они уходили ввысь, в темноту, и упирались в высокий свод пещеры. Их украшали письмена и рисунки, вившиеся по спирали от подножия до самого потолка. Справа был устроен каменный алтарь, освещенный факелами. Снова мелькнула мысль, кто же мог поддерживать столько огня, и тут же пропала. Озеро сковывали черные базальтовые берега, и в одном месте они поднимались ступенями, образуя возвышение. Словно во сне Таня поднялась наверх и посмотрела прямо в светящуюся глубину вод. По храму разлилась тишина и спокойствие, но трудно было отделаться от мысли, что все вокруг замерло в ожидании.

Таня дрожала. Она сцепила руки в замок, чтобы унять волнение, и глубоко вздохнула. Все правильно. Как бы она ни трепыхалась, как бы ни старалась убежать, предназначение догнало ее и занесло над головой свой черный меч. Таня закрыла глаза. Возможно, если бы она сразу приняла судьбу, удалось бы избежать многих печалей. Больше нет смысла прятаться, пришло время посмотреть в лицо скалящемуся предназначению и сделать то, что следовало, сделать смело и громко, смеясь и ликуя.

Таня распахнула глаза и раскинула руки в стороны. Слова сами всплыли в ее голове, и было неважно, кто их подсказывал, главное, что все было правильно.

— Великая Мать, обрати свой огненный взгляд на Твое дитя! Меня зовут Татьяна Скворцова, и я стою пред Тобой, покорная Твоей воле! Твоя жертва готова, о Великая Мать, приди и забери ее!

Мангон, убедившись, что замок пуст, спускался по главной лестнице. Его сердце сковала печаль по старой наставнице, но в то же время его одолевал гнев. Мятежники убили ее! В том, что это были именно они, сомнений не оставалось, а Адриан возлагал на Аррон слишком много надежд. Он злился, что дракониха посмела умереть именно в тот момент, когда он так нуждался в ней. В голове то и дело всплывала мысль, что остался еще один

вариант, надежный, проверенный, но Адриан упрямо гнал ее прочь.

В главном холле что-то изменилось. Здесь уже не было так же тихо, хотя пылинки спокойно кружились в зеленоватом свете, просачивающемся сквозь окна, так же молчали механизмы, которыми он сам, Мангон, оснастил устаревший замок. И тут до его слуха донесся слабое шипение углей. Адриана прошиб пот. Он посмотрел налево и увидел, что жаровни с двух сторон от ритуального пути зажжены, и судя по отсветам, они горели во всем коридоре. Ужасная догадка ужалила его, как игла.

— Татана?! — крикнул он, но ответа не дождался, только эхо гулко повторило имя своенравной девушки и унесло его под потолок. Мангон бегом пересек холл и помчался по коридорам. К н и г о е д . н е т

Дверь в храм была закрыта. Адриан прекрасно знал, как с ней справиться: вынул продолговатый камень из стены, нашел рычаг, потянул. Заскрипели механизмы, но дверь не сдвинулась с места: перекосившееся полотно упиралось в плиты пола. Щелкали шестерни, но дверь сопротивлялась. Выругавшись, Мангон попытался приподнять ее, чтобы помочь ей открыться хоть немного, но металл был слишком тяжелым. Адриан огляделся в панике, вспоминая, что где-то должно быть масло. Пришлось выключить механизм, чтобы не сгорел двигатель, и вернуться почти к самому началу коридора, где в нише он смог найти глиняный кувшинчик. Масло он вылил под дверь, снова дернул рычажок. Заскрипели скрытые пружины. Мангон, напрягая до боли мышцы, сдвинул на миллиметр дверное полотно, створка попала на масло и чуть отъехала в сторону, достаточно, чтобы пролезть внутрь.

Мангон сотню раз спускался по этим древним ступеням. Облаченный в ритуальные одежды, он шел торжественно, не спеша, и прихожане сопровождали его. В тот день все было по-другому. Он сбежал вниз, перепрыгивая через ступеньки, ворвался в пещерный храм, больше всего боясь не успеть. И замер, сразу увидев Таню. Она стояла в самом центре пещеры на помосте над озером и смотрела вниз.

— Татана, не делай ничего! — закричал он, срывая голос, и слова его тут же подхватило эхидное эхо. — Я иду!

Таня обернулась. Адриан действительно шел к ней, спешил, как только мог, перепрыгивая через кривые ступеньки и повалившиеся камни. Таня видела его высокую фигуру сквозь пелену слез. Он сильный, этот Мангон, и его ждет великое будущее. Он сможет все исправить и привести свою страну к процветанию, и ради этого, пожалуй, стоит умереть. Таня улыбнулась дрожащими губами и повернулась к озеру.

Мангон взлетел по базальтовым ступеням и встал рядом, тяжело дыша. На высоком лбу выступили капли пота, прядь черных волос прилипла к нему. На шее тревожно билась жила.

— Я здесь, Татана. Все хорошо.

— Слишком поздно, — она смотрела на него и ласково улыбалась.

В глубине озера заклокотало. Там родился большой пузырь, быстро поднялся на поверхность и лопнул. За ним последовал еще один, и еще. А потом все озеро покрылось россыпью мелких пузырей, которые вырывались из утробы пещеры и взлетали к поверхности, будто под озером великан включил большую жаровню.

— Что ты сделала? — в отчаянии спросил Мангон, наблюдая, как вскипает озеро.

— То, что нужно, — спокойно ответила Таня, всеми силами стараясь не плакать. Как бы сейчас понадобилась ее прежняя стойкость! Она замерла напротив потрясенного Адриана и смотрела на него, пытаясь запомнить выражение его лица, и нос с горбинкой, и изгиб губ. И на фоне двух людей, таких маленьких посреди великого храма, выросла

огромная фигура дракона.

— Раздави меня каток, — выдохнула Таня по-русски.

Великая Матерь услышала зов человека и пришла. Ее громадное тело покрывала темно-красная чешуя, отливающая фиолетовым, голову украшали завитые рога и шипы, которые тянулись со лба по всей спине до хвоста. С головы, лап, плечей, груди водопадами лилась вода. Великая Матерь медленно распахнула прижатые по бокам крылья, и они простерлись от одной стены пещеры до другой. Таня схватилась за Мангона, чтобы не упасть от мощного дуновения воздуха. Она и представить не могла, что живое существо может быть настолько огромным.

Великая Матерь подняла голову и распахнула глаза. Глазные яблоки повернулись, и Таня увидела страшную красную радужку, которую перечеркивал вертикальный зрачок.

— МАНГОН! — пророкотала она, открыв пасть.

Адриан упал на одно колено, словно его ударили под дых, и низко склонил голову, так что коса достала до пола. Таня оцепенела от благоговейного ужаса и не знала, то ли тоже падать ниц, то ли бежать без оглядки. Казалось, что Великая Матерь заполнила собой весь мир, и не было ничего, кроме горящей чешуи и злобного взгляда кровавых глаз.

— МЕНИВ-ТАН, Я ЖДАЛА ТЕБЯ, — дракониха повернулась к Тане, и та только смогла наклонить голову в знак почтения.

— ПОДНИМИСЬ МАНГОН, МОЙ ЛЮБИМЫЙ СЫН. ТЫ ИСПОЛНИЛ МОЮ ВОЛ ПРИВЕЛ МНЕ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ СОГЛАСЕН УМЕРЕТЬ ЗА ТЕБЯ. ТЫ ЖАЖД СВОЕЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ?

Мангон послушно встал и поднял взгляд на дракона. Черты его лица заострились, на челюсти выступили желваки. Он сжал кулаки, пытаясь унять дрожь в руках.

— О Великая Матерь! Я благодарен, что могу видеть Тебя и говорить с Тобой. Я Твой недостойный сын, и я молю о прощении, — он снова рухнул на одно колено.

— ВСТАНЬ, АДРИАН, ХВАТИТ ОТБИВАТЬ КОЛЕНИ, — пророкотала Матерь, и Та с Мангоном одновременно вскинули на нее удивленные взгляды. Им показалось, или дракон ухмылялась? — ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ, СЫН МОЙ?

Ариан посмотрел на Таню и криво ей улыбнулся.

— У меня нет жертвы для Тебя, о Великая Матерь. И я готов понести любое наказание.

— Ты что делать? — зашипела на него Таня, от волнения путаясь в словах. — Портить все!

— НЕТ ЖЕРТВЫ? А ЭТО ТОГДА КТО? — дракониха подняла лапу и указала в сторону Тани огромным когтем размером с диван.

— Это Татана, и она здесь по ошибке.

— ТЫ ОТКАЗЫВАЕШЬСЯ ОТДАВАТЬ ЕЕ МНЕ, МАНГОН? — прорычала Великая Матерь, и из ее пасти вырвались клубы дыма и горячий воздух, который сбивал с ног.

— Прости меня, о Прекраснейшая! Но я отказываюсь приносить ее в жертву, — отчаянно прокричал Мангон, прикрывая лицо рукой от обжигающего дыхания.

— Перестань! Мне и так страшно, Адриан! — Таня схватила его за рукав, а потом обратилась к дракону: — Он не отказываться! Я здесь, и я твоя жертва.

— Нет, ты выйдешь отсюда живой! — зарычал Мангон. — Даже если я умру, даже если ты будешь меня ненавидеть. Ты должна выйти отсюда!

— КАК ИНТЕРЕСНО, — протянула дракониха, перестав обжигать людей внизу жаром. Она наклонила громадную голову к помосту, будто хотела получше рассмотреть их. — ТЫ

ГОТОВА ПОЖЕРТВОВАТЬ СОБОЙ РАДИ ДРАКОНА? А ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ ОТДАВАТЬ ЦЕНОЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ?

Пещеру заполнил запах то ли раскаленного металла, то ли крови. Таня испуганно шагнула к Адриану, и тот крепко прижал ее к себе. Они стояли под пристальным взглядом Матери, словно провинившиеся дети, и ждали ее приговора, потому что их жизни были всецело в ее когтистых лапах.

Дракониха распрямилась и нависла над ними, как скала.

— АДРИАН МАНГОН! ЗА ТО, ЧТО ТЫ ПРОЯВИЛ МИЛОСЕРДИЕ К ЧЕЛОВЕКУ СНИМАЮ С ТЕБЯ ПРОКЛЯТИЕ. Я ВЕЛЮ ТЕБЕ: ДО КОНЦА ЖИЗНИ СОХРАНИ ЧИСТЫЙ РАЗУМ И ДОБРОЕ СЕРДЦЕ, И ТОГДА Я ПОМОГУ ТЕБЕ В ТВОИХ ДЕЛАХ СВЕРШИТСЯ МОЯ ВОЛЯ!

— Что? — нахмурился Мангон. — Я не должен ее убивать?

— А ТЫ КАК ДУМАЛ? — с ехидством спросила Великая Мать. — В ЧЕМ СМЫСЛ ДАРИТЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ТОМУ, КТО ВЕДЕТ СЕБЯ, КАК ЖИВОТНОЕ?

Адриан выглядел растерянным, он провел рукой по взмокшим волосам.

— Но в легендах говорится, что дракон должен принести тебе жертву. Нигде не написано, что я должен помиловать человека.

— ПОДУМАЙ НЕМНОЖКО. В ЧЕМ ТОГДА ИСПЫТАНИЕ, ЕСЛИ ВСЕ НАПИСАНО ВАШИХ СКУЧНЫХ ЛЕГЕНДАХ?

— Получается, Айронгу не обрел человечность, потому что убил ту девушку? — догадался Мангон. — А потом еще одну.

— ВЕРНО.

— А мой отец... Он же ненавидел людей!

— ЭРОН — ОТДЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. ОН ОБМАНУЛ МЕНЯ, И ПОНЕСЕТ ЕЩЕ С НАКАЗАНИЕ, БУДЬ УВЕРЕН.

— И это значит... Значит, что я смогу как прежде обращаться в дракона?

— ХОТЬ КАЖДУЮ МИНУТУ, — дракониха наклонила голову и прикрыла глаза, и этот момент появилось в ней что-то покровительственное и теплое, так что можно было и впрямь поверить, что она Мать.

— Ты слышала, Татана? — Мангон сжал лицо Татаны в своих ладонях. — Все хорошо, все закончилось. И мы уйдем отсюда вместе.

— Ты обещаешь? — с надеждой спросила Таня.

— ВООБЩЕ-ТО ЭТО НЕВОЗМОЖНО, — вмешалась дракониха. — МЕНИВ-ТАН ЗАБИРАЮ.

Мангон прижал Таню к себе, будто ее вырывали у него силой.

— Что? Но почему?

— ЭТО МОЯ ЖЕРТВА. И У НЕЕ СВОЯ СУДЬБА. ТЫ ДОЛЖНА ПОЙТИ СО МНОЙ МЕНИВ-ТАН, — добавила она, обращаясь к Тане, и в рокоте ее голоса как будто слышалось сочувствие. Но Тане от этого легче не стало. Она смотрела на Великую Мать, и в ее огненных глазах читала свой приговор. Ей не убежать и не спрятаться. Предначертанное свершилось.

Таня почувствовала, как по горячим щекам ползут слезы.

— Нет, Татана, нет, — повторял Мангон, глядя ее волосы и лицо. — Я не могу отпустить тебя.

— Мне страшно, Адриан, — прошептала она.

Мангон долго посмотрел ей в глаза. Он впервые видел ее такой уязвимой, по-настоящему беспомощной, слабой. Голубые глаза казались огромными на белом лице, и он ясно в них видел и страх, и понимание. Тогда Мангон наклонился и накрыл ее губы своими. Таня положила руку на его затылок, запуталась пальцами в волосах, ощущая чешуйки под ними. Время замедлилось, загустело вокруг них, милосердно отмеряя им лишние мгновения. Первая Танина любовь и первый поцелуй оказались слишком желанными и слишком горькими для обычной девчонки.

Таня отстранилась и улыбнулась сквозь слезы.

— Береги себя, Тень. Пожалуйста.

— Татана? — прохрипел он, и лицо его некрасиво скривилось.

— НАМ ПОРА, ДЕВОЧКА, — Великая Мать протянула лапу и Таня, в последний раоглянувшись на Адриана, ступила на подушечки, покрытые грубой красно-розовой кожей. Чешуя на груди драконихи зашевелилась, расступилась в стороны, обнажая полупрозрачную кожу. Была видна решетка ребер и то, как медленно и мощно сокращается большое сердце. В груди дракона оказалось пустое пространство, похожее на яйцо. Оно раскрылось, и мать аккуратно положила в него Таню. Та хотела обернуться и посмотреть на Мангона, но не успела. Она зевнула, нагнулась вперед, и когда яйцо закрылось, повисла внутри него в позе эмбриона, словно в материнской утробе. Кожа дракона стала непрозрачной, переливающиеся красным и фиолетовым чешуйки встали на место.

Великая Мать взглянула на Мангона, который остался стоять в одиночестве на черном базальте. Его грудь дрожала от едва сдерживаемого рыдания.

— ТЫ НИЧЕГО НЕ БУДЕШЬ ПОМНИТЬ ОБ ИСПЫТАНИИ, СЫН МОЙ, — с добрым проговорила она.

— Я забуду, как она ушла? — он судорожно выдохнул.

— ДА.

— Нет, пожалуйста! Я хочу все помнить! Я хочу помнить, что я натворил!

Но Великая Мать не слушала его. Она дотянулась когтем до его груди, и у Мангона закружилась голова. Несколько секунд он боролся с дурнотой, пытался выстоять, не потерять сознание, не забыть. Но даже он был бессилен против древней магии, и спустя мгновение рухнул на постамент без чувств.

Великая Мать осмотрела пещеру на прощание, недовольно пророкотала, увидев следы запустения, а потом медленно опустилась под воду. Через пару минут поверхность озера вновь стала спокойной, а огни в храме погасли.

Во рту было так сухо, что распух язык. Болело горло, потому что хотелось сглотнуть, но слюны не было уже давно. Жослен сидел, привалившись спиной к стене, и рассматривал свои руки, бледные и сухие.

— Росси? — прохрипел он. — Росси!

Они больше практически не общались — не было сил. Но Жослен периодически окликал подругу, чтобы убедиться, что она все еще в сознании.

— Как ты думаешь, кто умрет первым? — раздался слабый голос из соседней камеры.

— Я. А ты будешь чувствовать запах моего разлагающегося трупа, — такое длинное предложение было всем, на что была способна его пересохшая гортань, и Жослен умолк. Из-за стены раздалось тихое карканье: Росси смеялась.

“Она точно повредила умом, даже не возмутилась из-за шутки”.

Сен-Жан в который раз подумал, удалось ли Татане выбраться живой, а если удалось, не забыла ли она про них? Его все чаще посещали видения, как она с Мангоном наслаждаются вкусным ужином и горячей ванной, и хоть он ненавидел себя за эти мысли, он бы душу Бурунду отдал за чан воды. Была еще одна возможность, страшная, но вполне допустимая: что Мангон все-таки воткнул в Татану нож на жертвенном камне, или что нужно ему сделать? И тогда он думал, кем бы он хотел, чтобы оказалась его подруга: честным мертвецом или живой предательницей?

— Я посплю, — прошептал Жослен, но Росалинда его каким-то чудом услышала.

— Только не умирай! Не оставляй меня...

Болезненный сон прервал стук каблуков по лестнице. Жослен так долго его ждал, что измученный организм выбросил адреналин по раздувшимся венам, и Сен-Жан даже подскочил на ноги. Во стенах лестницы плясал огонь фонаря.

— Росси! Росси, к нам идут, — прохрипел он, срывая горло. В соседней камере зашуршало, и Росалинда поднялась, цепляясь за решетку.

— Кто это?

— Спасение? Или смерть...

Он появился в проходе, словно посланник небес. В белом камзоле, белом плаще с золотыми рунами. В руках он держал револьвер, из которого даже не пришлось стрелять. Или Жослен просто не слышал выстрелов? Мужчина сделал шаг вперед, и лампа осветила его лицо. Мангон.

— Слава Матери, вы живы! — воскликнул он. Поставил твераневый фонарь на стол и бросился открывать решетки.

— Почти живы, — ответил Жослен, и уголок его рта дернулся в попытке улыбнуться.

Один из замков с грохотом упал на пол, и художник вывалился наружу. Мангон поймал его.

— Ну и вид у тебя. А запах!

— Лучший отдых в темнице Сви... — под конец голос его предал, и Жослен замолчал.

Мангон открыл вторую решетку и подхватил на руки Росси. В подвал спустилось еще несколько мужчин, одетых кто во что горазд.

— Нужна помощь? — пророкотал один из них.

— Да, Гордад, помогите юноше выбраться.

— С удовольствием, — двое мужчин подошли к Жослену и подхватили его с обеих сторон.

Росси чувствовала себя грязной, опороченной, больной, но счастливой, как никогда. Она прижималась к Мангону, не заботясь о том, как от нее пахло и не испачкает ли она священные одежды, и всей душой благодарила Великую Матерь. И только когда темница, и лестница, и коридоры лаборатории остались позади, и Мангон вынес ее на благословенный свежий воздух, Росси спросила:

— А где же Северянка? Она пришла?

Мангон долго посмотрел на Росси, и как бы строго он ни хмурил брови, она увидела боль в его глазах. Он вспомнил, как пришел себя в темном храме. Как брел на ощупь в темноте, спотыкаясь о камни и обломки обелисков. Как звал Татану снова и снова, пока не охрип. И как почувствовал блаженную свободу, будто когти зверя наконец отпустили его сердце, и дикость перестала угрожать его жизни. Тогда он понял, что заплатил положенную цену за свою жизнь, собственными руками отдал Татану в лапы Великой Матери. И только

старый храм был свидетелем, как обычно спокойный дэстор Мангон упал на пол и как кричал, раздирая ногтями кожу на шее.

Адриан перевел взгляд на Жослена, который тоже вышел из лаборатории, остановился, цепляясь за дворян из-под моста, и с ожиданием ответа смотрела на него. С неба падали снежинки, мелкие, колючие. Они медленно опускались на грязную брусчатку и наконец не таяли, покрывая измученный Илибург белым кружевом. Адриан чувствовал, как снег падал на лицо и руки, как колот холодом кожу.

— Я убил ее.

Слова жгли язык, но Росалинда и Жослен заслужили правду, а он — их ненависть. Росси всхлипнула и снова уткнулась ему в шею, издавая клокочущие звуки: слез не было. Жослен мрачно посмотрел на Мангона и кивнул, будто говорил: “Я так и знал”.

Адриан развернулся и понес Росалинду прочь от лаборатории Сwirла, и Жослен ковылял рядом с ними в новую жизнь.

Лавовое озеро волновалось. На его поверхности, обычно спокойной, появились пузыри, они взрывались, расплескивая обжигающие капли. Весть об этом быстро достигла Обители, и ее жители принялись слетаться один за другим. Раздавалось хлопанье мощных крыльев, на иссушенной земле поднимались вихри пепла, и когда очередной дракон мягко приземлялся на берегу, в горячий воздух взлетало пыльное облачко. Дракон складывал крылья, подходил к самой лаве и усаживался с невозмутимым видом рядом с другими обитателями Пустошей. Здесь уже было с полдюжины особей, некоторые смотрели друг на друга особо внимательно, и становилось ясно, что они обмениваются мыслями о событии. Все ждали прибытия вождя.

Лава волновалась все сильнее. Пузыри поднимались один за другим, из глубины вырывались небольшие гейзеры, и драконы, на которых попадали обжигающие капли, жмурились, словно огромные чешуйчатые коты. Некоторые подбирались поближе, чтобы погреться в жаре, которым дышало озеро. Драконов становилось все больше, прилетали новые, и вскоре их на берегу стояло чуть больше дюжины. На поверхности озера появились волны, оно будто начало раскачиваться из стороны в сторону, и в этот момент огромные крылья закрыли солнце. Итари прибыла.

Итари была крупнее любого из драконов Обители. Ее мощное тело покрывали синеголубые чешуйки, которые становились почти белыми по краям. Возлюбленная дочь Великой Матери, она слышала голос Перворожденной и могла читать ее пророчества, за что пользовалась особым почетом среди соплеменников. Заметив прибытие Итари, драконы расступились и склонили шипастые головы. Она медленно подошла к озеру, и длинная шерсть, свисавшая из-за ушей, качалась влево-вправо. Лава совсем взбунтовалась, пошла крупными волнами и выплескивалась на берег, под лапы вождя. И вдруг из середины озера разошлись круги. Итари нетерпеливо переступила с лапы на лапу. Там, где зарождались круги, что-то появилось. Сначала показался купол, по которому стекала лава, не причиняя ему вреда, но чем выше он поднимался, становилось ясно, что это яйцо. Многие драконы впервые видели явление Дара, мотали головами и утробно рычали.

Яйцо было большим. Через розовые полупрозрачные стенки отчетливо виднелись мерно бьющиеся, мерцающие жилки. Когда оно полностью поднялось над поверхностью, качнулось на волнах, грозясь вот-вот упасть, Итари нырнула в озеро, словно водная змея, достигла середины в считанные секунды и подхватила яйцо. Лава была столь горяча, что даже вождю она причиняла боль, а любой из других драконов отправился бы напрямик к Матери, попади он в озеро, но Итари, любимица Первородной, осторожно вынесла яйцо на берег, а затем выбралась сама. Не обращая внимания на стекающую с головы и боков лаву, она сжала передними лапами верхушку яйца и надавила.

Яйцо раскрылось, словно странный цветок. Шесть “лепестков” один за другим с чавкающим звуком упали на землю, и прозрачная жидкость разлилась по усыпанному пеплом берегу. Озеро успокаивалось, но на его воды больше никто не обращал внимания. Драконы сгрудились вокруг раскрывшегося яйца, пытаясь рассмотреть, какой же Дар на этот раз прислала им мать. Один из драконов, совсем молодой, ярко-красный, сунул голову дальше всех, едва не дыша на находку огнем.

— Держи себя в руках, Денри! — пророкатила Итари, и кто-то из драконов шлепнул его лапой по затылку. Денри послушно отступил.

Внутри яйца в позе эмбриона лежала девушка. Мокрая одежда облепила ее нелепое человеческое тельце, короткие светлые волосы прилипли к бледному лицу. Девушка вдруг прерывисто вздохнула и закашлялась, выплевывая яичную жидкость. Преодолевая слабость, она встала на колени и подняла взгляд к драконам. Девушка казалась тщедушной и больной, и бледные губы ее повторяли чье-то имя, пока испуганный взгляд шарил по мордам драконов, но из-за их рыка расслышать его было невозможно. Наконец она посмотрела на небесно-голубую драконицу, большую, величественную, и протянула к ней руки.

Итари растянула пасть в подобии улыбки и проговорила на драконьем:

— Добро пожаловать домой, Менив-Тан.

Больше книг на сайте - Knigoed.net